BRITA ASBRINK

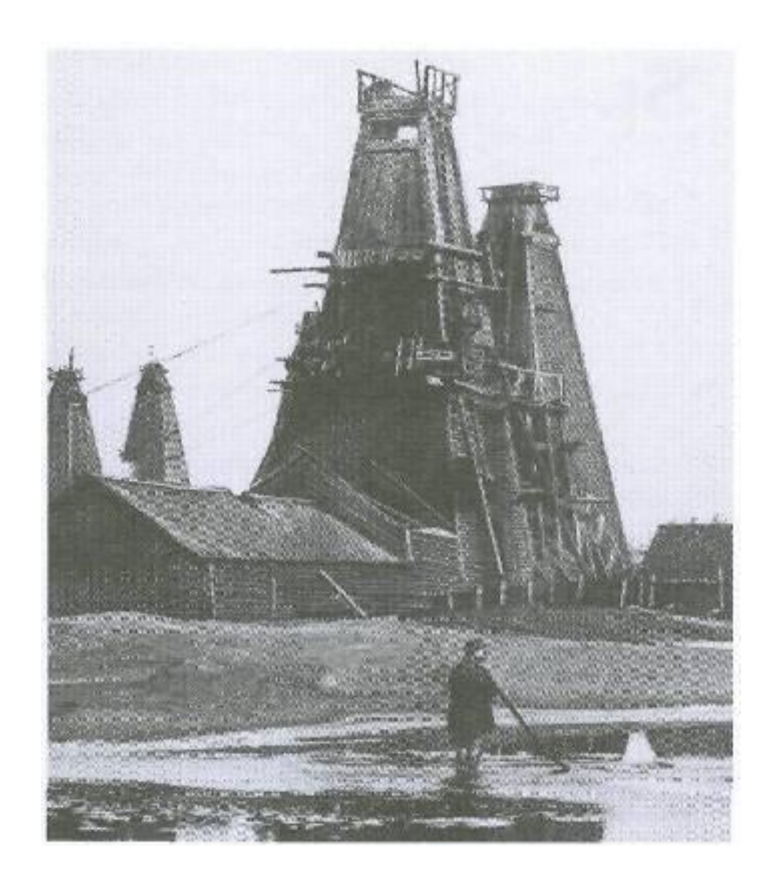
Ludvig Nobel: »Petroleum har en lysande framtid«

En historia om eldfangd olja och revolution i Baku

WAHLSTRÖM & WIDSTRAND

БРИТА ОСБРИНК

Империя Нобелей

История о знаменитых шведах,
бакинской нефти и революции в России

Перевод с шведского
Татьяны Доброницкой

МОСКВА «ТЕКСТ» 2003

УДК 821.113
ББК 84(4Шве)
0 72

Si.
Svenska institutet

Публикуется по соглашению
с Шведским Институтом
и издательством Wahlström & Widstrand

*Карта па форзаце «Европейские филиалы
"Товарищества нефтяного производства братьев Нобель » (ок. 1910)
предоставлена Государственным шведским архивом.*

ISBN 5-7516-0365-6

Содержание

Предисловие
Пролог

ГЛАВА 1 Укрощение нитроглицерина и нефти
Род Нобелей. Нефть в России и США. Зороастрийцы

ГЛАВА 2 Людвиг создает «систему»
Ротшильды. Густав Тёрнудд. Свен Хедин в Баку. Мусульманский праздник

ГЛАВА 3 Райский уголок в Баку
В малоприятном месте под названием Баку требуются наилучшие условия для скандинавов

ГЛАВА 4 Крах компании — дело времени!
Конфликт между Альфредом в Париже, Робертом в Швеции и Людвигом в Петербурге

ГЛАВА 5 Новое поколение во главе с Эмануэлем и Карлом
«Никому не заполнить пустоты», — сетует овдовевшая Эдла. Смертоносная холера

ГЛАВА 6 Взрывоопасное завещание
Завещание Альфреда Нобеля вносит в клан раскол

ГЛАВА 7 Шикарная жизнь в Баку и Петербурге
Переписка Рут Грапенгиссер с матерью Марией из Норрбю

ГЛАВА 8 Предчувствия краха — и Великое Обновление
Анархисты и социалисты заявляют о себе

ГЛАВА 9 Товарищество в расцвете сил!
Отличное руководство в Баку и Петербурге

ГЛАВА 10 Проклятые убийцы!
Гуннар Дальрен и Рут Стшселиус о кровавом 1907 г.

ГЛАВА 11 1909-й — год юбилеев и проблем
Пятидесятилетие Эмануэля и тридцатилетие товарищества.

Аксель Блумгрен едет в Чимиои

ГЛАВА 12 Первая мировая война — больше поставок для фронта!
Падение царизма. Революция! Нефтяной магнат Тагиев. Политический хаос

ГЛАВА 13 Революция — временное явление?
«Стандард ойл» покупает товарищество. Аксель Блумгрен последним выбирается из Баку

Эпилог
Некоторые действующие лица
Именной указатель Библиография
Источники иллюстраций

Парк отдыха для служащих товарищества -с оранжереями, фонтанами, бассейнами.Фотография сделана в конце сентября 1908 г. Гуннаром Далыреном:он ест виноград и снимает Отто Тулина иНиссе Ландберга

Предисловие

ЕСЛИ РАНЬШЕ дореволюционная история России нередко замалчивалась, то с 1991 г., после распада Советского Союза, о ней заговорили вновь. Оказывается, память о Нобелях и их промышленной империи в России сохранили дети и внуки тех, кто некогда работал па нобелевских предприятиях. Личные вещи, принадлежавшие Нобелям и конфискованные во время революции, теперь передаются их шведским потомкам. Даже государственные деятели России и Азербайджана, а также Туркменистана и других стран Средней Азии не остались в стороне и пожелали увековечить память о Нобеле. Так появились памятники, почтовые марки, улицы с новыми названиями и стипендии молодым ученым.

Проникнутые уважением современные статьи и письма содержат множество легенд и фактических ошибок, но в них чувствуется огромное стремление заново приобщиться к своему прошлому, и это очень трогательно. Тем не менее создать правдивую историю семидесятилетней деятельности компании крайне непросто! При отступлении в 1939—1940 гг. финские войска взорвали летнюю резиденцию Нобелей на Карельском перешейке, усадьбу Кирьола, уничтожив хранившуюся там подробную историю как самого семейства, так и «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель». К счастью, после десяти лет упорного труда Марте Нобель-Олейниковой удалось создать замечательную биографию своего нежно любимого отца, Людвига Нобеля, в которой раскрывается и история товарищества в царской России. Вот что она пишет в заключении своей книги о периоде накануне революции 1917 г. и последовавшей в 1920 г. национализации компании:

«На долю высших руководителей «Товарищества бр. Нобель» тоже выпало немало бед: им пришлось выпутываться из невероятно сложных ситуаций, усугублявшихся тем, что в тогдашнем политическом и общественном хаосе не было ни одного человека, да-да, буквально ни одного человека, к которому можно было бы обратиться за советом: этому препятствовал и личный опыт, и зачастую не скрываемое чувство превосходства. Впрочем, сколько-нибудь достоверно и взвешенно описывать ту эпоху и судить о ней - дело слишком ответственное и сложное, поэтому мы лучше оставим его тому, у кого будут реальные предпосылки с ним справиться».

Марта слишком требовательна к себе, поскольку любой человек, пытающийся изобразить то время, сталкивается с огромными трудностями. Революция, войны, пожары, наводнения, а также всеобщая неразбериха уничтожили документы и фотографии. Оставшиеся от них крохи разбросаны по всему миру: кое-что сохранилось в архивах, кое-что находится в частных

руках. Материалы о жизни и деятельности семейства Нобель должны быть собраны в одном месте, в музее, — желательно в Стокгольме, откуда начинается их история (с приезда из Упсалы Иммануэля Нобеля[1] и его женитьбы на Андриетте) и куда Нобели съехались после революции.

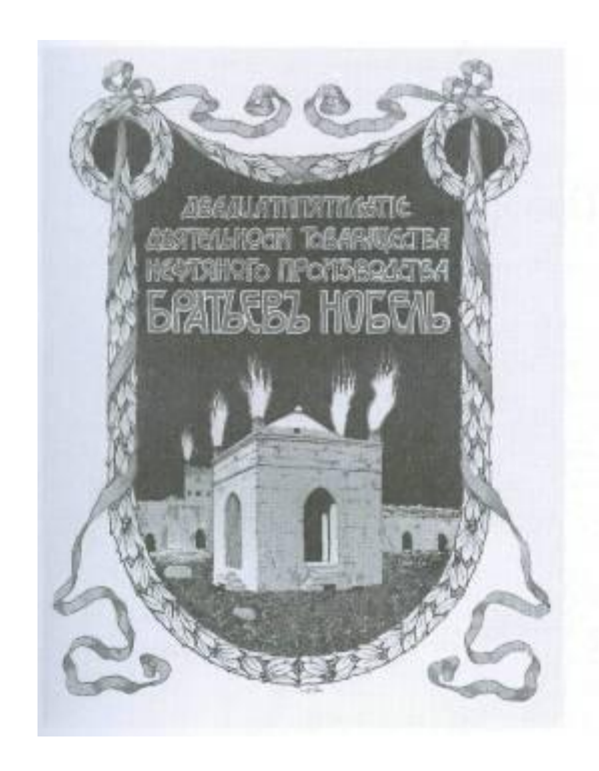
Бесценным помощником стал для меня архивариус нобелевской семьи Карл Тюдён. Мы с ним познакомились в Баку в марте 1999 г., и с тех пор он охотно давал мне для прочтения и просмотра письма, фотографии и книги, отражающие радости и горести в жизни большого клана Нобелей или споры по поводу управления товариществом между Альфредом, Людвигом и Робертом. Через Карла Тюдена я связалась с родными тех шведов, норвежцев и финнов, которые в свое время работали на предприятиях компании и оставили после себя письма, дневники, воспоминания... Чего только не таится на чердаках!

Сделав более современной орфогафию, я, однако, оставила названия стран и городов такими, какими их знали до 1920 г. В царской России пользовались юлианским календарем, а не привычным для остальной Европы григорианским, что означает разницу в 12—13 дней. После нескольких лет, проведенных в России, многие стали путать эти две системы летосчисления, приводя одни даты по старому стилю, а другие - по новому. Но что такое 12—13 дней для нашею повествования?

В ожидании тех, у кого будут «реальные предпосылки» справиться с делом, нам придется довольствоваться тем толкованием событий, какое сумеем дать мы сами! И речь у нас пойдет о развитии нефтяной промышленности в закавказском Баку (на территории современного Азербайджана), о социализме, об этнических раздорах и борьбе за власть, а также о людских судьбах в крайне неспокойное время - иными словами, об эпохе, которая начиналась столь многообщающе и закончилась хаосом. Бывшие служащие «Товарищества бр. Нобель» рассказывают о своей работе на промыслах и в грохочущих заводских цехах, о горящих нефтяных фонтанах, о вылазках на природу и походах в гости, о путешествиях в далекие края, где их ожидают мороз и жара, любовь и семейная жизнь, знакомство с чужими традициями и обычаями, гибель близких и бегство через разоренную Россию, после которого увидеть снова Баку им уже не суждено!

---

[1] В России его имя, как и имя его внука Эмануэля, встречается в самых разных написаниях - Эммануэль, Эммануил, Иммануил и т.д. В данном издании отдастся предпочтение орфографическим вариантам, близким к шведскому произношению. *(Здесь и далее нумерованные примечания переводчика.)*

Бакинский храм огнепоклонников Атешгях стал эмблемой «Товарищества бр. Нобель»

От всего сердца благодарю Карла Тюдена, Майю (Марию) Барре, Йорана Бэрнъельма, Ларса Эка, Оке Эрландссона**,** Ингрид Хагелин и Маргарсту Хагелин-Беркер, Андсрса Хультгорда, Махира Искендерова, Бенгта Янгфельдта и Карин Ланге, а также Нобелевский фонд, Музей Вермланда и вермландский Архив народного движения, Марианну Стигселиус, Иоко Тернудд, Анн-Марфет Виман, Фонд Веры Сагер и Королевское патриотическое общество.

Пролог

В XIX ВЕКЕ ШВЕЦИЯ была страной бедной, инертной и малоразвитой. В 60-с годы, когда там свирепствовала нужда, шведы искали лучшей доли для себя и своих детей либо в Америке, либо на востоке — в России. Санкт-Петербург привлекал целеустремленных молодых людей (ремесленников, механиков, предпринимателей), которые пароходом переправлялись через Балтийское море в Финляндию, а уже оттуда, из Обу[2], попадали по суше в российскую столицу. Среди первых иммигрантов оказался в 1837 г. и Иммануэль Нобель. В Стокгольме он добывал себе средства к существованию как механик, изобретатель и архитектор. Видимо, он разорился и искал в России убежища от кредиторов, но кто знает, вдруг он разглядел в этой стране новые возможности и у него появилась надежда па лучшее будущее?

Иммануэль Нобель

В России дела у Иммануэля Нобеля и впрямь идут на лад. Семейство преуспевает. Иммануэль открыл в Петербурге завод, где производит мины и вооружение для российской армии, с 1853 по 1856 г. воюющей в Крыму с турками и англичанами. Сыновья Роберт, Людвиг и Альфред получили хорошее домашнее образование, но, видимо, самый серьезный толчок в их развитии должен дать завод, куда их определяет под строгий надзор мастеров отец. Иммануэль прекрасно знает сыновей, и, по его мнению, «Роберт больше наделен склонностью к спекуляциям, Людвиг — гениальностью, а Альфред работоспособностью». Сам же отец по натуре холерик и отличается крайней импульсивностью. Он невероятно трудолюбив и утверждает, что его больше интересует работа, чем награда за труды. Внезапно Крымская война кончается, а с ней кончаются и заказы. Новое банкротство вынуждает Иммануэля после 20 лет жизни в России вернуться в Стокгольм. На борт судна с ним поднимаются жена Андриетта и младший сын, Эмиль, тогда как Роберт, Людвиг и Альфред уже выросли и начинают самостоятельную жизнь.

---

[2] Шведское название города Турку, в снос время известного у нас как Або.

Все трое станут крупными международными деятелями эпохи индустриализации.

Телефон еще не изобретен. Люди пишут друг другу письма, нередко на хорошей бумаге и настоящими чернилами, *а* такой текст доживает до прочтения потомками. Активный и сплоченный семейный клан успешно продвигается вперед, делает успехи. В письмах Аидриетты детям и внукам чувствуется ее сила и душевная теплота. Мать, как ступица в колесе, скрепляет всех членов семьи, несмотря на их строптивые характеры. Письма проникнуты духом терпимости, прощения, примирения после разногласий. Вместе с детьми и многочисленными внуками Андриетта переживает горе, радости, страхи и всяческие сюрпризы, в том числе и приятные. Особую любовь она испытывает к поселившемуся в Париже ХОЛОСТЯКУ Альфреду. Письма, подарки, цветы то и дело мчатся в разные концы Европы. И в каких количествах! Мать и сыновья пишут друг другу подробно и часто. А еще без устали (на пароходах и поездах) ездят повидаться друг с другом, поучаствовать в переговорах с конкурентами и банкирами в какой-нибудь из европейских столпи, посмотреть интересное производство «для перенятия опыта» или отдохну и» на водах.

Андриетта Нобель

Даже состоятельные семьи не застрахованы от холеры, тифа и туберкулеза. II у них умирают в младенчестве дети, родильная горячка уносит жен и матерей. Все три брата не могут похвастаться отменным здоровьем. Роберт внушил себе, что страдает от множества хворей сразу, а его крутой прав не способствует выздоровлению. Людвиг по натуре человек спокойный, оптимист, но после перенесенной в детстве болезни у него слабое сердце. Он не вылезает из ангин и вечно экспериментирует с домашними увлажнителями и очистителями воздуха. Альфред мучится ревматизмом, мигренями и несварением желудка, а изредка еще впадает в глубокую депрессию. Альфред так и остался холостяком, однако живо интересуется детьми Роберта и Людвига и уделяет им много времени - он хороший дядя. Некоторые из Альфредовых племянников будут потом продавать изобретенный им динамит и развивать промышленную и нефтяную империю Нобелей вплоть до 1920 г., когда революция захлестнет и

Баку. После этого им придется довольствоваться крохами былого величия в парижской и стокгольмской конторах.

Все мы прекрасно знаем, что Альфред завоевал мировую славу благодаря учрежденной им Нобелевской премии. Куда менее известно, что Роберт и Людвиг были зачинателями российской нефтяной промышленности. На памятнике Роберту, который похоронен на Северном кладбище Стокгольма, высечено: «Роберт Нобель. Основатель "Товарищества братьев Нобель" в Баку». Это правда, хотя и не вся правда. А черное надгробие Людвига возвышается на запущенном кладбище в Санкт-Петербурге.

В своих неопубликованных воспоминаниях «Мой трудовой путь» (шведское название «37 лет трудового счастья»)[3] Карл Вильгельм Хагелин пишет:

«Я прекрасно понимаю, что кто-нибудь из тех, кому попадутся на глаза эти строки, может недоумевать: "К чему все эти длинные и скучные рассуждения об эллингах, докован и и судов, приеме миллиона пудов нефти в день и прочем?" Разумеется, во всех этих предметах нет ничего особенного, и они могут быть неинтересны посторонним, но для меня удачно выполненная работа, независимо от ее коммерческой ценности, возносится над материальным миром благодаря особому сиянию, которое придает ей иную ценность, делает предметом искусства.

Эмануэль Нобель однажды сказал: - Что мне с высоких дивидендов?! Оно, конечно, пускай будут, только самое главное все же победа труда, предприимчивости, инициативы. Эта победа дороже денег.

И он был прав, тысячу раз прав».

---

[3]Воспоминания были опубликованы в Америке его сыном, Борисом Хагелином, и – в сокращенном виде – в Швеции.

ГЛАВА 1

Укрощение нитроглицерина и нефти

РАСПОЛОЖЕННЫЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ между Большой Невкой и Малой Вульфовой улицей механический завод Иммануэля Нобеля подлежал ликвидации. Процедуру банкротства кредиторы поручили его сыну Людвигу, и он проводит ее столь успешно, что зарабатывает неплохие деньги. В 1859 г. он берет в аренду крохотный заводик почти напротив, на Выборгской стороне, и нарекает свое предприятие механическим заводом «Людвиг Нобель». Альфред с Робертом снимают небольшую квартиру, где ведут спартанский образ жизни: много средств уходит на лекарства и врачей для Альфреда. Время от времени оба работают на Людвиговом заводе. Альфред, заинтересовавшись нитроглицерином, покидает Петербург. Роберт ремонтирует Казан-скип собор, перестраивает пароход «Крылов» и пробует создать огнеупорный кирпич. В начале 60-х Роберт женится на дочери преуспевающего финского коммерсанта Паулине Леннгрён. Они обосновываются в Гельсингфорсе, и там рождается их первенец, Яльмар Иммануэль. К этому времени Роберт стал совладельцем «Авроры» — магазина но продаже осветительного масла. Живущий в Стокгольме Альфред с похвалой отзывается об успехах брата, однако у магазина вдруг появились серьезные конкуренты, и доходов от него никаких.

Вот как Роберт отвечает Альфреду в 1864 г.: «Сообразуясь с твоим мнением о моем светлом будущем, можно подумать, будто я один несу свет в преданные финские массы и уже должен бы от радости купаться в керосине, тогда как на самом Деле ты заблуждаешься, дорогой брат, - я недостоин подобной чести, ибо и оглянуться не успел, как у меня появилось а сем достойном поприще двое соперников. [...] Кому бы, черт возьми, могли прийти в голову такие трудности и такие никудышные виды на будущее в былые времена, когда наша звезда в стране Востока еще благоволила к нам?.. Разумеется, я был готов к тому, что не может везти до бесконечности, но чтобы стало так худо [...], об этом я, право, и помыслить не мог». Впрочем, опыт работы с керосином Роберту очень пригодится позже.

Альфред по-прежнему экспериментирует, смешивая порох с нитроглицерином. Андриетта живет в вечном страхе, что «Альфред возится с огнеопасными веществами». Иммануэль, Альфред и Эмиль пытаются стабилизировать нитроглицериновые смеси в хеленсборгской лаборатории на Сёдермэларстранд, недалеко от центра шведской столицы, и это неминуемо ведет к катастрофе. Взрыв, который сотрясает весь Стокгольм, уносит жизни троих сотрудников и только что поступившего в университет

двадцатилетнего Эмиля. Месяц спустя отца хватил удар. Альфред терзается, но вскоре возобновляет опыты, на этот раз в более уединенном месте, на берегу залива Винтервикен. В 1863 г. Альфред выправил свой первый патент и в октябре следующего года основал «Нитроглицериновую компанию». Роберт получает право от имени этой компании наладить производство нитроглицерина в Финляндии.

Роберт Нобель

Эксперименты, поиски решений, попытки применить изобретения на практике, чтобы заработать с их помощью денег, — все это чревато спорами, борьбой за влияние, раздорами и недоверием друг к другу, причем растянутыми на десятилетия. Потерпев неудачу в своих финляндских предприятиях, Роберт переезжает с семьей в Стокгольм. Обстановка тем более накаляется, когда Иммануэль требует, чтобы его избрали директором новой компании. Роберт с Альфредом противятся этому. В письме к Людвигу в Петербург Роберт следующим образом изображает конфликт между своим вспыльчивым отцом Иммануэлем и своим упрямым братом Альфредом:

«Я приложил все возможные усилия, дабы убедить старика отказаться от претензий на директорскую должность. Я указал на его крайне ограниченные способности в области сочинения, ораторского искусства и химии, и он вынужден был признать, что я прав [...] и ему лучше уступить сей пост Альфреду. Когда папаша пытается настоять на своем, он делается страшен и может вывести из себя даже камень, так что я бы ни за что не выдержал столько, сколько выдержал Альфред, [...] но он тоже слишком горяч и деспотичен, и в один прекрасный день дело у них дойдет до рукопашной. А уступить отцу ни в коем случае нельзя, поскольку в финансовом плане он это многообещающее предприятие загубит. Альфред и впрямь попал в сложное положение, хотя более всего мне жалко матушку, ибо справедливости ради ей приходится брать сторону Альфреда, за что она терпит от отца неприятности».

Наконец Иммануэль сдается. Исполняющим обязанности директора и постоянным членом правления в винтервикской компании становится

Роберт, и ему назначается оклад в 6 тыс. крои, что по тем временам весьма неплохо.

У нефти блестящее будущее!

В 1809 г. Швеция теряет Финляндию, которая переходит к России. Великое княжество Финляндское продолжает жить со своей шведской конституцией и своим шведским языком, на котором ведется все преподавание и все управление. В стране парит согласие: финны единодушно превозносят Александра II. После 1861 г., когда царь отменил крепостное право, крестьяне потянулись в город, надеясь, что наступили новые времена и им удастся найти работу на возникающих повсеместно заводах. Александр II впервые за несколько десятилетий созвал финляндский сейм, ослабил гнет цензуры и полиции. В Европу начинают поставлять американский фотоген (керосин), который доходит и до России, принося свет и кило туда, где раньше был мрак и холод.

Альфред Нобель

Братья Нобель следят за новостями химии и техники по журнальным и книжным публикациям. Письмо из Петербурга от 16 февраля 1864 г. Людвиг пишет Роберту уже при керосиновой лампе. Людвиг прослышал о некоем Кокореве, который в 1857 г. завел в Баку небольшой завод по производству фотогена.

« В глубине России начали использовать русское горное масло, которым торгует Кокорев из кавказского города Баку, однако цена пока слишком высокая. Тем не менее есть основания полагать

История рода

Большинство шведских родов недворянского происхождения можно проследить начиная с XVII века, когда в церковных книгах стали регистрировать рождения и смерти. Это относится и к роду Нобелей.

Петрус Олаи Нобелиус происходил из крестьян деревни Эстра-Нёббелев провинции Сконе. Родился он, по-видимому, в 1655 г. В жены Петрус Олаи взял Венделу, дочь многосторонне одаренного ректора Упсальского университета Улофа Рудбека. У них родилось восемь детей. Петрус Олаи скончался в 1707 г. и похоронен в кафедральном соборе Упсалы. Вендела пережила его на три года.

Иммануэль Нобель

Его правнук *Иммануэль* родился 24 марта 1801 г. Природа наделила мальчика замечательными способностями, но в школу он практически не ходил. Благодаря протекции деда по материнской линии его в четырнадцать лет взяли юнгой на «Фетиду», и он три года проходил по Средиземному морю. Существуют фантастические истории о морских приключениях Иммануэля, а также о том, как в 1819 г. он возводил в городе Евле триумфальную арку по случаю приезда туда Карла XIV Юхапа.

Из Евле Иммануэль перебрался в Стокгольм, где прошел курс учебы в машиностроительном училище при Королевской сельскохозяйственной академии — по-видимому, с 1820 по 1825 г. В эти годы он не раз удостаивался наград и стипендий за свои изобретения. В марте 1828 г. он испрашивает три патента: на строгальный станок, станок для качания и механическую передачу (устройство для передачи движения). Его все чаще приглашают- на должность строительного подрядчика и инженера. В 1827 г. он женится на *Андриетте Альселль,* дочери казначея Андреаса Альселля, из смоландского рода которого вышло немало дельных чиновников для Сток-

гольма. У супругов было четверо сыновей: Роберт, Людвиг, Альфред и Эмиль (не считая детей, умерших в младенческом возрасте).

Иммануэль трудился не покладая рук, однако его преследовали крупные неудачи, и в 1833 г. он вынужден был объявить себя банкротом. Спустя четыре года кредиторы стали грозить долговой тюрьмой, но со временем Иммануэля признали невиновным. Он взялся за химические опыты, однако в 1837 г. решил поискать счастья в Финляндии. Там он задержался недолго и проследовал в Санкт-Петербург, где фортуна наконец улыбнулась Иммануэлю и где в 1842 г. к нему присоединились жена и дети. Его «станок для производства колесных ступиц» приобрел известность, а придуманные им новые конструкции мин, в том числе фугасные мины «для уничтожения противника на значительном расстоянии», обратили на себя внимание военного ведомства. Но изготовление мин требует крупных расходов, и Иммануэль вынужден просить их возмещения у военных. Однако первые заказы на мины появились лишь в 1854 г., с началом Крымской войны. Тогда их изготовление наладил под руководством отца старший сын, Роберт. Английский флот не решался заходить в глубь Финского залива, получив серьезное предупреждение: англичане выловили одну мину, и она взорвалась у них на боргу. Нанесенного при этом ущерба было более чем достаточно, чтобы напугать их.

Андриетта Нобель, урожденная Альселль

Как только у Иммануэля появились средства, он открыл небольшой механический завод с литейным двором. Молва о предприимчивости и порядочности Нобеля способствовала получению новых заказов. Постепенно он расплатился с долгами и принялся трогательно помогать всем родным и друзьям в Швеции. Тестю Альселлю он пишет: «Если сыновья мои столкуются и продолжат начатое мною предприятие, полагаю, с Божьей по-

мощью им не придется думать о куске хлеба, поскольку в России дел невпроворот».

Среди продукции завода были системы для обогрева домов с помощью горячей воды и станки для изготовления тележных колес. Когда российский парусный флот понадобилось заменить пароходами, стали поступать крупные казенные заказы. Невзирая па трудности, нобелевский завод оснастил паровыми машинами 11 военных судов. В 1853 г. Иммануэля удостоили Императорской золотой медали - для иностранца это была по тому времени неслыханная честь. Война требовала много материалов, так что Иммануэлю обещали новые заказы от казны и он все расширял производство: у него трудилась уже почти тысяча рабочих.

После смерти Николая I правительство заключило мир и опять стало размещать заказы за границей. Иммануэль снова оказался на грани банкротства и, по его собственным словам, «три месяца пребывал в полнейшем изнеможении». Оставив завод кредиторам, он в 1859 г. с Андриеттой и младшим сыном Эмилем переехал обратно в Стокгольм, где их ждало весьма туманное будущее. Через несколько лет после возвращения они снимают старый особняк Хеленеборг в стокгольмском районе Сёдермальм. Людвиг остался в Петербурге, Роберт переселился в Финляндию, а Альфред в 1863 г. тоже приехал в Швецию, чтобы в отцовской мастерской начать эксперименты по смешиванию пороха и нитроглицерина. Имея патент, отец с сыном в 1864 г. приступили к работе в хеленеборгской мастерской (точнее, лаборатории). 3 сентября того же года там произошел взрыв, от которого погиб Эмиль, только что поступивший в Упсальский университет. Спустя два дня Иммануэль пишет объяснительную записку о несчастном случае, а меньше чем через месяц его разбивает паралич. У Альфреда было весьма туго с деньгами, по, похоже, именно он оплатил поездку родителей на курорт в Норртедье и их пребывание в «водолечебном заведении».

По рассказам Андриетты, Иммануэль даже лежачий любит фантазировать, «подталкивает к делу множество людей», хотя, на ее взгляд, «без большого толку». И все же в брошюре, которую он выпустил в 1870 г., полно замечательных идей! Например, там описана первая клееная, или многослойная, фанера и представлена особая конструкция «гробов, которые можно оборудовать таким образом, что человек, впавший в летаргический сон, мог бы при пробуждении сам открыть изнутри крышку с вентиляционными отверстиями (к тому же снабженную сонеткой, чтобы подать сигнал наружу)».

Иммануэль был незаурядным изобретателем, но зачастую недооценивал суровые условия действительности. Он был человеком исключительно порядочным и трудолюбивым, и работа интересовала его куда больше финансовой прибыли. В нужды они с Андриеттой не знали лишь

благодаря 10-процентным дивидендам с 25 акций Альфредовой нитроглицериновой компании. Согласно описи имущества, составленной в 1872 г. после смерти Иммануэля, у него было в прибытке 28 700 крон. Спустя 17 лет, когда скончалась его супруга Андриетта, все акции были в целости и сохранности, а цена их выросла по сравнению с первоначальной в во-семь раз.

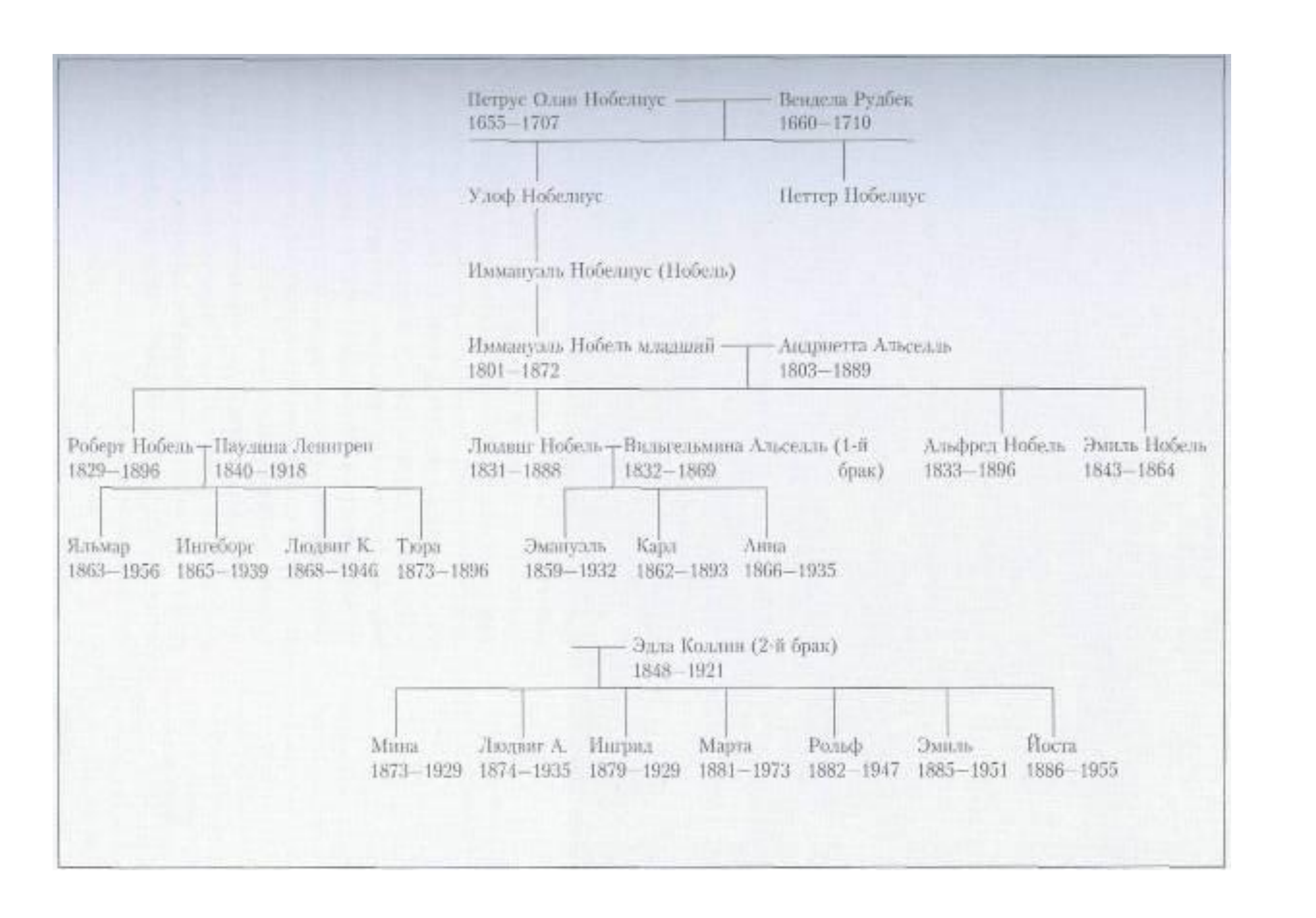
Роберт Нобель (1829—1896) женился на *Паулине Леннгрен,* и у них было четверо детей: Яльмар, Ингеборг, Людвиг и Тюра. *Ялъмар* родился в 1863 г. В 1884—1890 гг. он работал в Баку и Царицыне на «Товарищество бр. Нобель», а затем, до 1896 г., у Альфреда Нобеля. Со временем он поселился в Швеции и вступил в брак с Анной С. Поссе. *Ингеборг* (1865—1939) вышла замуж за графа Карла фон Фришен Риддерстольпе (1864—1905). *Людвиг* (1868—1946) стал «королем Боста-да» — влиятельной и колоритной фигурой этого курортного городка. *Тюра* прожила с 1873 по 1896 г.

Людвиг Нобель (1831—1888) был женат на *Вильгельмине (Мине) Альсеяль,* которая родила ему троих детей: Эмануэля (1859), Карла (1862) и Анну (1866). В браке с *Эдлой Коллип* на свет появились также Мина (1873), Людвиг (Луллу) (1874), Ингрид (1879), Марта (1881), Рольф (1882), Эмиль (1885) и Йоста (1886). Помимо них, было еще четверо детей, которые умерли в раннем детстве.

Альфред Нобель (1833—1896) в возрасте девяти лет едет с матерью и братьями в Санкт-Петербург. Мальчики получили домашнее образование в области гуманитарных и естественных паук. Видимо, но его завершении Альфред отправляется в Америку, затем в Германию и Париж. Первые взрывы нитроглицерина проводились в 1862 г. в Петербурге. В 1863 г. Альфред поселяется в Стокгольме. Через два года основывает в Швеции товарищество «Альфред Нобель и К^0». С 1865 но 1873 г. жил в Гамбурге, затем переехал и I [ариж. После ЭТОГО Альфред в основном живет в Париже или в итальянском Сан-Ремо, наезжая также в шотландский Ардир и Р. усадьбу Бьёркборн в Швеции.

что в скором времени масло это сможет конкурировать с американским. Запасов его никак не менее, чем в Америке. У нефти вообще во всех отношениях блестящее будущее».

Никто из них не подозревает, насколько деятельное участие в этом блестящем будущем будут принимать они сами. О Баку они слышали и раньше: Роберт давно собирался посетить этот город ветров на берегу Каспийского моря. Итак, в 1857 г. Кокорев построил к северу от Баку заводик. Когда в 1863 г. было создано первое нефтеперегонное производство, посетить его приехал выдающийся химик Дмитрий Менделеев. Примерно в 1870 г. государственная монополия на бакинскую нефть, из которой, по сведениям Людвига, Кокорев с помощью Менделеева и вырабатывал

Петрус Олаи Нобелиус
1655–1707
Вендела Рудбек
1660–1710
Улоф Нобелиус
Петтер Нобелиус
Иммануэль Нобелиус (Нобель)
Иммануэль Нобель младший
1801–1872
Андриетта Альселль
1803–1889
Роберт Нобель
1829–1896
Паулина Ленигрен
1840–1918
Людвиг Нобель
1831–1888
Вильгельмина Альселль (1-й брак)
1832–1869
Альфред Нобель
1833–1896
Эмиль Нобель
1843–1864
Яльмар
1863–1956
Ингеборг
1865–1939
Людвиг К.
1868–1946
Тюра
1873–1896
Эмануэль
1859–1932
Карл
1862–1893
Анна
1866–1935
Эдла Коллин (2-й брак)
1848–1921
Мина
1873–1929
Людвиг А.
1874–1935
Ингрид
1879–1929
Марта
1881–1973
Рольф
1882–1947
Эмиль
1885–1951
Йоста
1886–1955

фотоген, перешла к влиятельному армянину Мирзоеву, однако четырехлетний срок откупа препятствовал расширению добычи: никто не хотел вкладывать деньги в столь краткосрочные проекты.

Кокорев и Менделеев не раз убеждали российское правительство отменить систему откупов. Власти понимали необходимость этой меры, однако из-за длительного изучения и обсуждения вопроса решение все оттягивалось. Законодательство было изменено лишь 1 января 1873 г., после чего казна через официальные торги отдала нефтеносные участки (делянки) тем, кто предложил за них наибольшую цену. Начали продажу с окрестностей Баку, где 16 участков на уже известном месторождении в Балаханах достались Кокореву и Мирзоеву: они ошеломили конкурентов высокими предложениями. Предстояло прославиться и другому бакинскому району — Сабунчам, где мелкие промышленники по дешевке скупили землю у ничего не подозревающих крестьян. Предприниматели рассчитывали на авось: «вдруг там что-нибудь окажется». И таки оказалось. Третьим богатым нефтью районом стал Биби-Эйбат — на берегу моря к югу от Баку, города, который охватила нефтяная лихорадка.

В этом городе ветров была лучшая гавань на всем Каспийском море. Через его порт шли товары из России и в Россию, из Европы и в Европу, из Передней и Средней Азии - и навстречу... Этот маршрут с давних времен составлял часть Великого шелкового пути.

Рокфеллер: «наш план»

В 60—70-х голах XIX века и американцы, и русские заразились острой формой нефтяной лихорадки, причем расширение добычи шло параллельно с развитием техники. По мере усложнения станков и другого машинного оборудования возрастала потребность в источниках энергии, в смазочных маслах, в горючем (в том числе в керосине). Эта отрасль была открыта для иницитивы, для людей, обладающих чутьем на все юное, а также способностью покорять рынки, заключать выгодные сделки... и богатеть.

Поначалу американцы опережали русских прежде всего благодаря таким людям, как Джои Д. Рокфеллер, тем более что стране знали толк в свободном предпринимательстве. Рокфеллер заложил основы своего будущего капитала во время гражданской войны в Америке, когда поставлял в армию предметы первой необходимости. В 26 лет он выкупил у компаньона принадлежавшую тому часть нефтеперегонного завода и стал его единоличным владельцем. В 1870 г. он - совместно со своим новым партнером, Генри Флэглером, — основал компанию «Стандард ойл», которая вскоре

В Баку лучшая гавань на всем Каспийском море (см. карту на с. 33). Через этот город, амфитеатром раскинувшийся на Апшеронском полуостров проходил Великий шелков путь, связывая Переднюю и Среднюю Азию с Россие и Западной Европой. За древними стенами Старого города дворцы соседствуют со скромны жилищами ремесленников, с трактирами и чайныме с базарами, банями и мечетями

производила уже 10% всей американской нефти. Однако отрасли угрожало перепроизводство и резкое падение цен. Тогда Рокфеллер и Флэглер занялись осуществлением «своего плана»: скупить или втайне присоединить к себе более мелких промышленников, чтобы таким образом повысить собственный контроль над отраслью. Что они и стали делать самыми безжалостными способами. Компания заслужила прозвище Спрут, се ненавидели за коварные уловки, а сам Рокфеллер слыл чудовищем, которым впору — вместо трубочист — стращать детей. Мать Джона была рьяной баптисткой и, если мальчик не слушался, порола его, привязав к спинке кровати. Отец торговался с сыновьями и нередко обманывал их — «дабы держали ухо востро». Понятно, что такая железная дисциплина воспитывала сложную личность. Родители были люди простые, малообразованные, но у Джона рано проявились и математические способности, и талант дельца.

«Стандард ойл» все больше укрепляла свои позиции монополиста и в США, и на мировом рынке, где компания в 80-х годах уже бросала вызов братьям Нобель и влиятельному семейству французских банкиров — Ротшильдов, а впоследствии и компаниям «Ройял датч-Шелл» и Англо-персидская (будущая «Бритиш петролеум»).

В России начала 60-х заметно увеличился ввоз американского керосина. Европа представляла собой самый крупный рынок в мире, и большая часть поставок шла через компанию «Стандард ойл», — видимо, она же снабжала осветительным маслом и гельсингфорсский магазин «Аврора». Американский консул в Санкт-Петербурге с надеждой взирал в будущее: для керосина от «Стандард ойл» был открыт весь земной шар.

Джон Д. Рокфеллер в 1905 г.: «Американская красотка Роза может достичь своей истинной красы, только если пожертвовать всеми другими бутонами».

Современная карикатура Ч. Дж. Тейлора

Военные поставки — основа капитала

Когда Людвиг в 1864 г. пишет Роберту о «горном масле», он еще идет по стопам отца, но ищет и собственный путь. Он не меньше Иммануэля любит работу: ему интересно решать проблемы — думать, чертить, изобретать технологии, но отцовские банкротства научили его уделять внимание и финансовой стороне дела. Людвиг получил образование инженер-машиностроителя и выпускает много привычной для Иммануэля продукции: пушки и лафеты к ним, подводные ины и артиллерийские снаряды. Он изготавливает сверлильные и токарные станки, паровые молоты, гидравлические прессы и колесные оси. Он производит отопительные котлы мя особняков, доходных домов и присутственных мест, а также водопроводные трубы, батареи и краны. У него на заводе переделывают 100 тыс. ружей, заряжающихся с дула, в заряжающиеся с казенной части. Его завод на петербургской Самсониевской набережной разрастается, основы капитала заложены. В 27 лет Людвиг женится на своей двоюродной сестре

Вильгельмине (Мине) Альселль. Счастливый молодожен пишет в Швецию дяде, Людвигу Альселлю: «На Вашу Мину одно удовольствие смотреть (давно бы так, можете сказать Вы). Вместо привычного для нее печально-болезненного вида она пышет румянцем, здоровьем и веселием, глаза ее светятся лукавой радостью».

Когда Мина зачала, се свекровь, Андриетта Нобель, делится с братом: «Мина начинает понемногу округляться, но, слана тебе Господи, чувствует себя бодро, чего едва ли можно было ожидать при ее слабой конституции». Семья волнуется, как- пройдет беременность. Родился Эмануэль — по-видимому, двумя месяцами раньше срока. Его приходится «обкладывать ватой, купать в бульоне и ставить в коробке из-под сигар на печку». Но мальчик оказывается здоровым и сильным — таким он будет до конца своей долгой жизни. Затем рождаются Карл и Анна. В дом на Самсониевской набережной переезжает внебрачный сын Людвига, Яльмар Круселль, которому уже то ли двенадцать, то ли четырнадцать лет.

Яльмар — первенец Людвига. Он родился у Анны Линдаль через год после того, как Людвиг посватался к Мине. Анна пыла дочерью одной из лучших подруг Андриетты Нобель. Свадьба Людвига и Мины откладывалась: из-за того ли, что невеста плохо себя чувствовала, или потому, что появление на спет Яльмара вызвало размолвку с женихом? Анна вышла «муж за гельсингфорсского врача Густава Круселля, — скорее всего, это был фиктивный брак, призванный дать Яльмару статус законнорожденного. Очевидно, Яльмар учился Мануэлем и Карлом в Техническом училище в Бармене

Людвиг и Мина Нобель

Зарождение нефтедобывающей промышленности в России...

Жители Баку с незапамятных времен видели, как в его окрестностях из расселин в Земле и скалах непонятно почему вырывается пламя, видели, как оно пляшет по воде, и стали приписывать ему мистическую силу. Караваны верблюдов в бурдюках перевозили смешанную с песком нефть через горы и пустыни в иноземные государства. Индийцы и персы устремлялись к бакинскому храму огня, чтобы умереть рядом с этим священным местом. Египтяне добывали тут ингредиенты для своих бальзамирующих масел. В XIII веке через Кавказ держал путь в Китай Марко Поло. Он рассказывает о богатейшем источнике на грузинской границе, «маслом» из которого можно нагрузить до сотни верблюдов; по его словам, масло это годится как лекарство против коросты у людей и животных, однако же есть его нельзя. что подтверждает и известный русский путешественник господин Ханыков. В XV веке нефть начали вывозить в другие страны. В XVII веке масло для светильников получали из лежащих близко к поверхности источников в Закавказье. Петр Великий задумал использовать Каспийское море для впутрироссийских перевозок. Когда русские в 1723 г. отвоевали Баку у Персии, он повелел добывать там нефть и возить ее на судах вверх по Волге.

В 1735 г. Баку снова отошел к Персии. Спустя несколько лет Каспийское море заполонили английские купцы, вознамерившиеся перевозить но нему товары в Индию. Среди англичан был и Джонас Хэнуэй, который в 1754 г. описал, как добывали нефть при персах. Он не раз видел бьющее из-под земли пламя и упоминает богатые залежи на острове Святом, где шкиперы персидских судов закупали нефть, чтобы потом продать у себя на родине (персы хранили ее в земляных ямах). Горела нефть лучше, если к ней подмешать золы. В 60-х годах XIX века на острове появился первый нефтеперегонный завод.

Перегонка стала важным этапом развития нефтяной промышленности. С помощью нагревания и конденсирования удалось получить парафин и горящий при более низкой температуре сорт керосина. «11а Аншеронском полуострове есть также природная форма керосина белого цвета и жиже обычно! нефти. Русские его пьют! Говорят, он помогает против внутренних болезней. А еще им можно выводить пятна с шелка — только уж больно йотом воняет»

В 1801 г. русские снова захватили Баку. В сообщении от 1813 г. значится, что запасы «нафты» неисчерпаемы. Ее используют для освещения, но она дает много дыма и плохо пахнет. Такое впечатление, будто «окрестно-

сти Баку полыхают стекающим с гор пламенем, а в ясную лунную ночь западные вершины подсвечены синим». В 1819 г. было добыто около 4 тыс. тонн нефти, большую часть которой вывезли в Персию. В 30-х годах, когда российская казна предложила небольшие участки в четырехлетний откуп, предприниматели стали черпать нефть из мелких ям. Если рыть яму глубже, вырвавшийся из-под земли газ мог прикончить рабочего на месте. Методы добычи не совершенствовались. С ростом населения, ускорением экономического развития и оснащением производства новым оборудованием возрос интерес к нефти и возможностям ее применения. В 1860 г. был построен перегонный завод в Сураханах. Еще через десять лет производство керосина достигло новой ступени: промышленники поняли, как получать более чистый продукт.

...и в Соединенных Штатах Америки

Североамериканские индейцы использовали нефть для костров и факелов, а также для умащивания своих тел и лечения животных. Первое письменное свидетельство о том, что в Северной Америке есть нефть, было сделано в 1627 г. францисканским монахом отцом Жозефом де ла Рош д'Аллоном. Несколькими десятилетиями позднее уже иезуиты сообщают о «тяжелой и густой жидкости, которая при зажигании горит вроде коньяка». В начале XIX века из-за роста населения уверилась потребность в соли, и ее поиски зачастую приводили к обнаружению нефти. Мнение из тех, кто занимался добычей соли, переключались па бурение нефтяных скважин.

Первая буровая вышка Эдвина Дрейка в Пенсильвании

В середине XIX века шотландский химик Джеймс Янг (Юнг) стал очищать кеннельский уголь (иначе известный как богхед), чтобы использовать по в качестве осветительного и смазочного масла. В 1854 г. один молодой канадец

взял патент на жидкий углеводород, назвав свой продукт «керосином» — от греческих слов *керос* (воск) и *элайон* (масло). [Современная этимология считает вторую часть слова «керосин» не имеющим значения суффиксом. — *ТД.* Американец Джордж Бисселл послал Эдвина Дрейка на поиски нефти, и в 1859 г. тот обнаружил свое первое месторождение в Тайтес-вилле (штат Пенсильвания). К концу следующей) года в Пенсильвании насчитывалось уже около двух тысяч нефтяных скважин.

Итак, нефть была найдена в Пенсильвании в 1859 г. Спустя пять лет, когда Эдвину Дрейку попалось более крупное месторождение, новая отрасль промышленности начала активно развиваться и американский керосин выщел на мировой рынок. Вскоре к его производству подключился Джон Д. Рокфеллер. В 1870 г. он совместно с Генри Флэглером основывает компанию «Стандард ойл», которая разрастается за счет скупленных им мелких предприятий. В 1881 г. создается уже трест -«Стандард ойл траст», - со временем вобравший в себя 38 компаний.

Безжалостные методы его владельцев подвергались такой критике, что администрация Теодора Рузвельта затеяла против треста грандиозный процесс. В мае 1911 г. Верховный суд США принял историческое решение: оп обязал «Стандард ойл траст» в течение шести месяцев отказаться от всех дочерних предприятий.

Помимо жесточайшей конкуренции и полного контроля над рынком, нефтяная монополия Рокфеллера вызывала раздражение тем, что невероятно богатое семейство организовало собственную систему дотаций и фондов, которая фактически представляла собой вторую администрацию и оказывала огромное влияние на развитие науки и образования. Многие из тех, кому достались рокфеллеровские стипендии и другие гранты, впоследствии стали... лауреатами Нобелевской премии.

(город в Рейнской провинции, недалеко от Дюссельдорфа). Людвига он называл дядей.

В 1869 г. Мина умирает шестыми родами, и Людвиг приходит в отчаяние. Вот что пишет Роберту и Паулине Нобель учительница шведской приходской школы в Петербурге Хильдегард Нюберг: «Нам никогда не забыть безутешного супруга и оставшихся сиротами детей у ее гроба. Нобель все меняет и переделывает дома, он то приходит, то уходит, иными словами, не может найти себе места. Вчера вечером он был у нас, сказал, что собирается взять детей и няньку Сельму и через Швецию уехать за границу». Впоследствии на место Хильдегард заступает ее сестра, Эдла Коллин, и тоже знакомится с Людвигом. Ее первое впечатление от будущего мужа: «Он похож на обезьяну». При своем невысоком росте и густой бороде Людвиг кажется ей слишком заросшим, хотя она отмечает его красивые голубые глаза и проникновенный взгляд, в котором светится ум и доброта.

Женившись на юной Эдле, Людвиг просит Роберта приехать в Петербург и взять на себя управление заводом. Молодые почти на год уезжают путешествовать. Роберт без труда расстается с ненавистной компанией в стокгольмском Винтервикене — она вгоняет его в «болезненное состояние», поскольку, как он объясняет, «мы живем на вулкане, к тому же в окружении пьяниц, [...] если же и удается отыскать трезвого работника, он оказывается круглым идиотом».

Берданка модели 1871 г.

В цветущие края, где растет ореховое дерево!

По возвращении из долгих странствий Людвиг обнаруживает, что российское военное ведомство снова хочет заказывать снаряды, пушки, мортиры и пулеметы, причем на сей раз российского производства. Армию собирались снабдить усовершенствованными винтовками системы американского полковника Хирама С. Бердана. Изготовлять их должны были в Ижевске, в пустынной местности к западу от Уральских гор, на казенном оружейном заводе под руководством Петера (Петра) Бильдерлинга. Бильдерлинг был добрым другом Людвига и ранее работал у него в Петербурге, а потому в 1871 г. предложил поделиться с ним заказом на 200 тыс. «берданок-2».

На протяжении 1872 г. Людвиг и Бильдерлинг организовали в Ижевске образцовое производство и значительно улучшили условия жизни рабочих. За восемь лет они изготовили для оборонного ведомства 450 тыс. берданок. Инспектором оружейных заводов был офицер российской армии и финский барон Карл Август Стандертшёльд, также близкий друг семейства Нобель. Эти двое господ, Бильдерлинг и Стандертшёльд, стали главными помощниками Людвига в его следующем предприятии — «Товариществе нефтяного производства братьев Нобель».

Казенные заказы дали Людвигу финансовую возможность расширить завод в Санкт-Петербурге, где он выпускал оборудование для бурно развивающегося российского машиностроения. Работы выполнялись аккуратно и в срок, о чем игла молва. В 1870 г. Людвиг получил право украсить эмблему компании двуглавым орлом российского герба — это было знаком высочайшего отличия.

Петр Бильдерлинг

Роберт отменно управлял заводом во время затянувшегося медового месяца брата, но не захотел участвовать в «ижевской авантюре», а потому Людвиг поручил ему продажу своей гражданской продукции, Роберт получал хорошие деньги, однако вкладывал их в рискованные предприятия, и они утекали (папаша Иммануэль был прав: Роберт действительно обладал склонностью к спекуляциям). Людвиг предлагает брату взять на себя изготовление из твердой породы дерева 500 тыс. прикладов для ижевских берданок; Роберта обещают ссудить необходимыми средствами, благодаря чему он мог бы завести самостоятельное дело. Но сначала Роберту предстояло посетить несколько оружейных заводов в Центральной Европе, а также выяснить, растет ли на Кавказа подходящий грецкий орех. 17/29 января* 1873 г. Людвиг пишет из Берлина:

«Мой дорогой брат Роберт!
Итак, тебе предстоит серьезное предприятие, и я от души желаю, чтобы оно принесло тебе независимость и грядущее удовлетворение. Предприятие это чисто коммерческого свойства, а значит, соответствует многократно высказывавшимся тобою пожеланиям можешь исполнить свою стародавнюю мечту и посетить . цветущие края, где растет ореховое дерево. Твои трудолюбие и внимательность, твоя необыкновенная способность горячо и энергично браться за новое дело служат мне гарантией того что я ничем не рискую, поручаясь за тебя ради успеха предприятия, да и твое собственное будущее будет благодаря нему обеспечено.

Сам я буду поистине рад, если сие начинание увенчается успехом и даст тебе повод для радости и уверенности в завтрашнем дне. Как бы ни

* В России до 1918 г. использовалось юлианское летосчисление, тогда как в Европе — григорианское. 24 октября по российскому календарю считалось 7 ноября по еропейскому. *(Здесь и далее примеч. со звездочкой принадлежат автору.)*

складывались наши взаимоотношения, должен без лишней скромности сказать, что моими поступками и устремлениями всегда двигало желание поддерживать согласие и братскую любовь между нами и нашими семьями. Подобно прочим людям, мы могли совершать ошибки и просчеты, но они ни в коем случае не затрагивали объединяющего нас чувства, и это чувство — залог нашей силы и наших успехов, если только мы пойдем навстречу друг другу и будем вместе трудиться для блага наших семей и поддержания доброй славы, коей фамилия Нобелей пока что всегда оставалась достойной.

Будь здоров и с любовью и благожелательностью вспоминай

своего брата Людвига».

Ответ Роберта полон надежд: «Завод я собираюсь заложить в Баку, где теперь, с окончанием нефтяной монополии Мирзоева, закипит жизнь», и он действительно объезжает оружейные предприятия в Швейцарии и Австрии, а потом еще заглядывает в Париж к Альфреду. У того уже 15 заводов по производству динамита и крупное состояние. Братья обсуждают современные способы изготовления оружия, с которыми Роберт познакомился в путешествии. Затем он — вероятно, через Константинополь и Одессу — едет на Кавказ искать орешник к западу от Баку, в который он тоже заглядывает по дороге. Основательно изучив леса, Роберт подробно докладывает Людвигу из Мальме, куда приезжает в сентябре 1873 г.:

«Грецкий орех, произрастающий в кавказских лесах, либо слишком стар, чтобы давать полноценную древесину, либо слишком молод и незрел, либо, если деревья в подходящем возрасте, их привели в никуда не годное состояние небрежением. Бездумно отрубается ветка крупного дерева, чтобы пустить ее на дрова или использовать для других целей, а в большую рану, нанесенную таким образом дереву, при каждом дожде попадает вода и по стволу просачивается к корням, вызывая незаметное снаружи имение. [...] В казенных лесах деревья, избежавшие уничтожения другими способами, подточены таким манером изнутри. Посему с мыслью о том, что можно получать ореховую древесину з казенных лесов, придется распроститься».

Роберт познакомился с владельцем одной рощи, который -любовно ухаживал за своим лесным участком и мог бы поставлять 50-60 стволов в год, но этого было слишком мало.

К концу 1873 г. Роберт возвращается в Петербург, где просит у Людвига возмещения за время, потерянное на поиски древесины и знакомство с ружейным производством. Получив 25 тыс. рублей, он в начале 1874 г. снова едет в Баку: сначала до Царицына на пароходе, затем, пересев на плоскодонное речное судно, спускается по Волге к Астрахани, а уже

оттуда - к месту назначения. Весь путь занимает у него неделю. Капитаном судна оказывается симпатичный голландец по фамилии Дебур, которому надоел его нефтеперегонный завод Баку. Роберт покупает у него и завод, и участок. В написании по-русски письме от 31 октября 1875 г. Людвиг сообщает Альфреду:

«Роберт вернулся в Баку из поездки на восточное побережье, обнаружив замечательные залежи нафты[*] [нефти. — *Б. О.]* на остове Челекен[4] всего в 10 саженях от поверхности земли. Тверь у него есть запасы сырья. Посмотрим, как он наладит добычу и сбыт. От этого будут зависеть его дальнейшие успехи и счастье. Я со своей стороны сделал все от меня зависящее, снабдив его деньгами и техническими советами. Роберт утверждает, что придумал кое-какие усовершенствования для перегонки и очистки нефти. Не берусь оценить их, поскольку я не знаток в данной области. Самое главное теперь и на будущее — разумно наладить производство. Меня не отпускает мысль о том, что нам, то есть тебе и мне, надо бы вдвоем съездить туда и посмотреть, не можем ли мы ему чем-нибудь содействовать. И тебя, и мне удалось добиться независимости, надо помочь и Роберту наладить свое дело. Так что подумай насчет поездки в Баку».

Роберт приобретает лицензию на разработку острова Челекен восточного побережья Каспийского моря, однако пока что забывает о нем, сосредоточившись на Баку и его окрестностях. В Черном городе действуют 120 небольших перегонных заводов. Если раньше там применялись устаревшие методы добычи и переработки нефти, то теперь начинается техническое обновление. Роберт поручает шведу Мартину Весталлю, который держит в Баку механические мастерские, изготовить оборудование для нефтеперегонного завода, а затем назначает его мастером. На должности химика и заведующего производством он определяет двух молодых гражданских инженеров: Эрланда Тееля и Августа Авелина.

---

[*] В шведской энциклопедии «Nordisk familiedok» (« Скандинавская семейная книга») 1904 г. издания сказано: «Нафта — слово, вероятно, египетского (или персидского) происхождения. В химическом отношении нафта, или нефть, представляет собой жидкий углеводород — от желтого до темно-коричневого цвета, летучий, горючий и по весу легче воды. Нефть встречается во всех частях земного шара и в горных породах едва ли не любого возраста, от силурийского до третичного периода».

[4] Теперь полуостров.

Блестящая репутация компании

Осенью 1875 г. начинается выпуск продукции. Роберт отменный химик, и его нефтепродукты вскоре становятся куда лучше как вырабатываемых местными конкурентами, так и американского керосина, которого Россия ежегодно ввозит около 40 тыс. тонн. Сбыт постоянно растет, и Роберт создает новое предприятие, которое нарекает собственным именем. На этом заводе восемь вертикальных перегонных кубов объемом по 100 пудов* каждый. Для поиска новых источников нефти у Роберта есть немецкий геолог доктор Фил, на смену которому придут многие другие.

Петербургские газеты пишут о нефтяной лихорадке в Баку, о гигантских фонтанах, которые по целым дням, месяцам, годам извергают нефть! Чтобы стимулировать национального производителя, российские власти поднимают пошлины на осветительный керосин из США.

При всей своей скептичности братья из Петербурга и Парижа продолжают помогать Роберту деньгами и советами, а когда Людвиг читает в газете о нефтяном фонтане, повергшем в изумление всех жителей Баку, любопытство его берег верх и он вместе с семнадцатилетним сыном Эмануэлем отправляется на Кавказ. Там он мгновенно подключается к работе — и предприятие начинает необыкновенно быстро развиваться во всех отношениях: техническом, химическоми финансовом. В нефть вкладываются доходы от производства винтовок, пушек и динамита, поскольку в бакинское предприятие Роберта теперь уверовали и Людвиг, и Альфред, и Стаидертшёльд.

В сентябре 1876 г. Людвиг, снова направляясь в Баку, пишет Альфреду длинное письмо с «реки Волги». Он советуется с братом относительно своих «грандиозных планов создать систему крупномасштабных перевозок бакинской нефти», для чего нужно сделать предварительные расчеты. Расчеты превосходят его самые лучшие ожидания: «Прибыль будет неслыханная».

В Баку они с Робертом «усердно трудятся над завершением собственно керосинового завода». Они вложили в него 300 тыс. рублей**, но этого недостаточно. Нужны трубопроводы и большие железные резервуары, поэтому братья «привлекли к делу Стандертшёльда», который внес еще 150 тысяч. Таким образом, только в производство было вложено 450 тыс. основного капитала. Два миллиона рублей требуется, чтобы наладить

---

* 1 пуд равен 16,38 кг.

** До 1914 г. рубль был стабилен. К 1917 г. его курс резко упал, поскольку инфляция за период войны составила 300 процентов.

транспортировку. «Если объединить предприятия, можно уверенно рассчитывать па 50% годовых, причем на много лет вперед. Не думай, что я преувеличиваю или опираюсь в своих расчетах на исключительно благоприятную конъюнктуру! [...] Я рад, что могу рассказать тебе это, хотя радоваться следует прежде всего за Роберта, который натерпелся неприятностей и преодолел массу трудностей в этом малоприятном месте под названием Баку».

Людвиг считает, что денег он достать сумеет, но ему не хочется превращать предприятие в акционерное, поскольку в этом случае нужно ежегодно публиковать официальный отчет. Он просит Альфреда помочь «сведениями о производстве и эксплуатации труб и нефтяных цистерн в Америке, то есть в пенсильванском Нефтяном регионе, — сведениями, которых нет в твоем справочнике по нефти. Я не знаю г, Америке ни одной живой души. [...] Полагаю, что ты через своих знакомых мог бы добыть необходимую информацию, разумеется, "за вознаграждение"». Людвиг прилагает перечень наиболее важных вопросов: это «такие вещи, которые может объяснить каждый грамотный инженер, О в данном случае речь идет о перевозке и хранении не воды, а масел, чем американцы давно успешно занимаются», а потому .Людвиг хотел бы «заполучить эти сведения» с саначала, прежде чем «развернет свое предприятие во сем его масштабе». Вопросы касаются конструкции и материалов для сооружения хранилищ, железнодорожных цистерн, насосов и трубопроводов. В ноябре 1876 г. Людвиг пишет Альфреду:

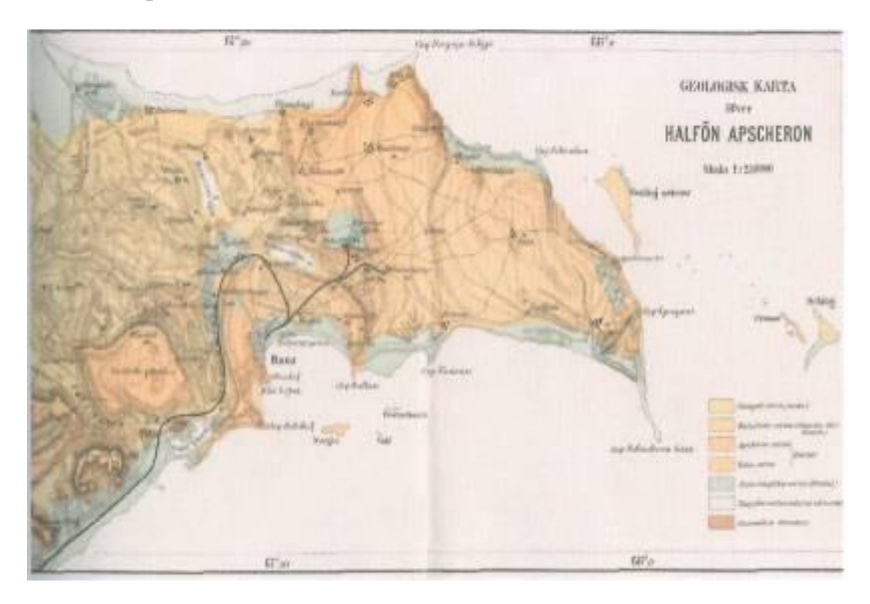
«Бакинский завод построен и пущей в ход; производительность его велика и оценивается в полмиллиона пудов в год. [...] Увеличив размер перегонных установок, что при готовых зданиях обойдется недорого, мы бы с легкостью вырабатывали ежегодно и два миллиона пудов — если бы были обеспечены средствами перевозки и хранилищами. Но пока что загвоздка как раз в них Что касается качества, тут Роберт достиг поистине замечательных результатов, поскольку, в отличие от привычных для Баку 30% нефтепродуктов, к тому же тяжелых и плохого качества, он из того же сырья получает 40% отличного легкого керосина, который по всем статьям не хуже самого превосходного американского. Таким образом, мы можем вступить на рынок с товаром, который обеспечит компании блестящую репутацию».

Сам Роберт, однако, пребывал в дурном настроении: «с ним крайне сложно прийти к согласию».

В начале 1877 г. Людвиг и Роберт изложили свой план Альфреду, подробно описав, как собираются организовать всю «систему» своего предприятия: очистку нефти, ее перевоз по морю и по железной дороге, хранение и сбыт.

«Разузнать как можно больше — только без упоминания нашего имени»

В 1876 г. молодой инженер Альфред Тёрнквист ездил и США помогать в создании шведского раздела на Всемирной выставке в Филадельфии. Затем он некоторое время работал на машиностроительном заводе в Йонкерсе (штат Нью-Йорк). По пути оттуда в Швецию он задержался в Париже, где уже на тамошней выставке познакомился с Робертом Нобелем, а затем был представлен Альфреду (Роберт как раз гостил у того). Способный инженер приглянулся братьям, и они незамедлительно взяли его к себе на службу. Тёрнквисту предстояло досконально изучить перегонку нефти! Благодаря связям Альфреда он поступил служить на марсельский нефтеочистительный завод, причем ему было поручено «разузнать как можно больше». Братья намеревались создать в Баку доселе неслыханное нефтеперерабатывающее предприятие с непрерывным циклом. К сожалению, в Марселе позаимствовать оказалось нечего. Новые технологии были сосредоточены в США, в Ойл-Сити.

Баку со своими нефтяных и газовыми месторождениями расположен на Апшеронск полуострове, в сейсмически активном районе. На этой, карте железная дорога ух проложена в Баку и к некоторым промыслам

И Тёрнквист снова отправился за океан. Он вез с собой пробы бакинской нефти. Как выяснилось, она обладала другими свойствами, чем нефть Ойл-Сити, куда Тёрнквист отдал образцы на химический анализ. В феврале 1879 г. Роберт пишет ему: «Прежде чем удастся разузнать все подробности про выработку осветительных и смазочных масел, не советую предпринимать каких-либо иных штудий, поскольку они могли бы вызвать подозрения и затруднить Ваши занятия. Когда же это будет сделано, Вам, милостивый государь, следует углубиться в перекачивание нефти по трубам и сопутствующие предметы. Наконец, было бы желательно, чтобы Вы, ,|(' упоминая нашего имени, выяснили в крупнейших и наилучших фирмах последние цены на буровой инструмент, всевозможные трубы, паровые котлы и прочее оборудование».

Когда в Петербург прибыла посланная Робертом первая партия в 300 дубовых бочек керосина, это означало, что торговлю американским продукта и *придется сворачивать*

Людвиг остался доволен анализами, поскольку от состава нефти зависит, какой се следует подвергать очистке, какие при этом добавлять химические вещества и т. п. Тернквист регулярно докладывал обо всем, что удавалось Разузнать, и закончил свои «штудии» посещением Патентного управления и Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, а также ряда нефтепромышленников и сбытчиков на восточном побережье. Домой он вез массу самой разной литературы о нефти.

В Париже он снова встретился с Альфредом и со специалистом по химическим технологиям Алариком Лидбеком По-видимому, совместными усилиями они в принципе разрешили проблему непрерывной перегонки. В сентябре 1879 г. Тёрнквиста срочно отправляют в Баку, где ему предстоит из-

готовить экспериментальную модель нового производства а затем возглавить перестройку завода.

Так распорядилась судьба...

Карл Вильгельм Хагелин родился в России[5], но родители его были шведами. Отец работал у Иммануэля Нобеля, а после его разорения водил

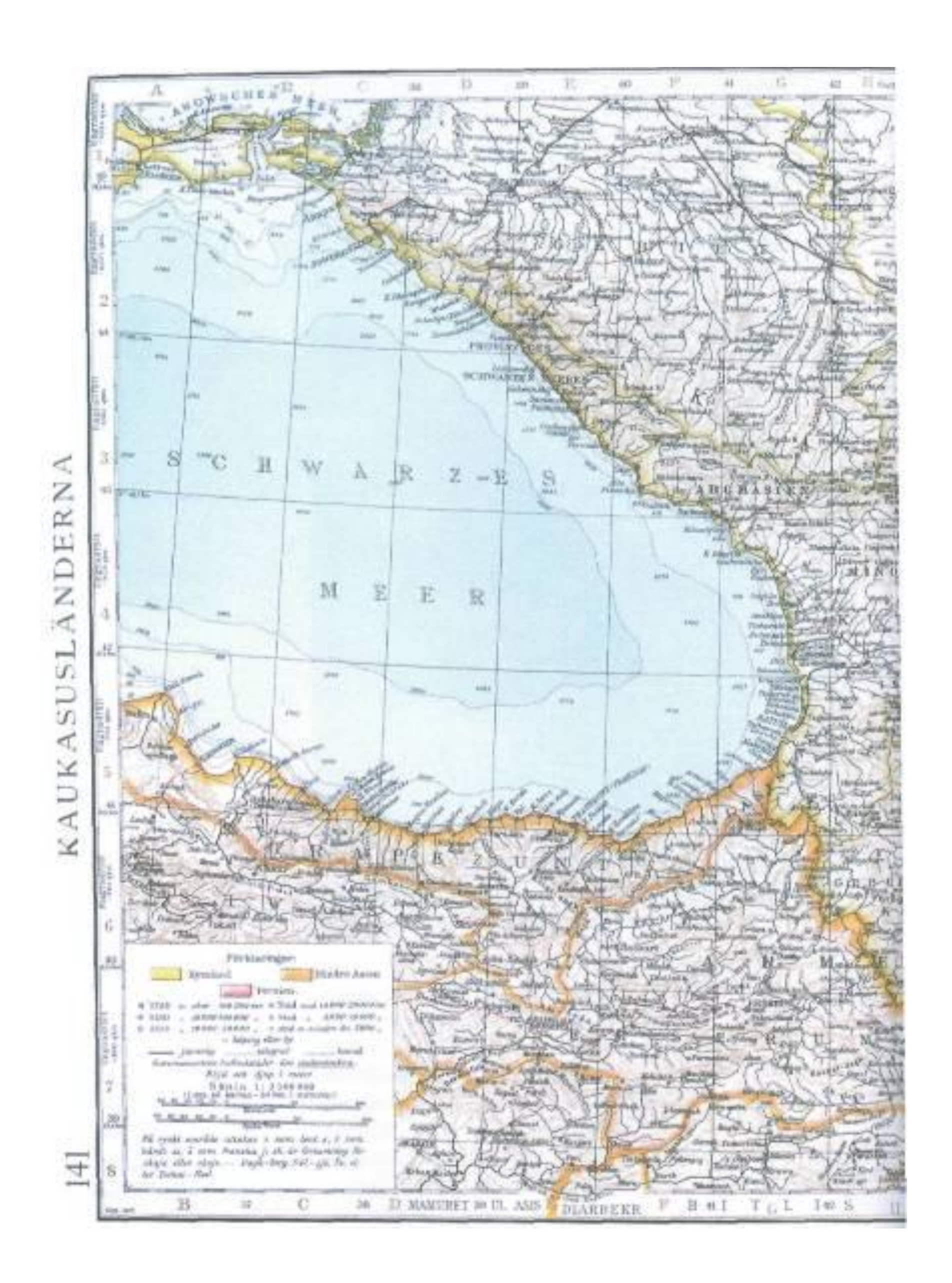

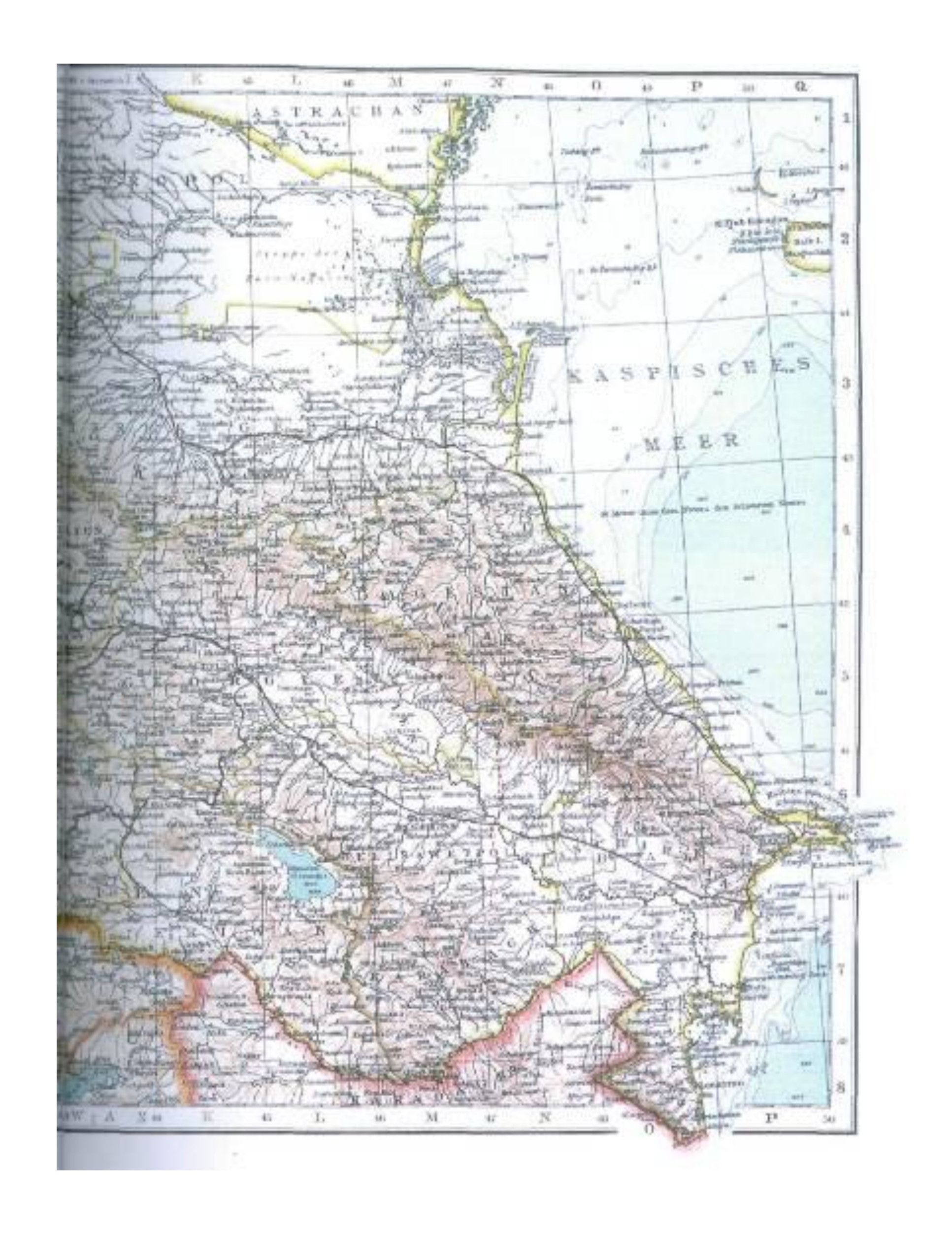
В центре снимка — юный Вильгельм Хагелин. А кто вокруг? Возможно, инструментальщик Весненко, Калле Кварнстрём, мастер Вествалль и слесарь дядюшка Хаглунд

суда по Волге, от Царицына до Астрахани и обратно. Начало рабочей жизни было отнюдь не легким для юного Вильгельма Хагелина, о чем в его мемуарах «Мои трудовой путь» сказано: «Я провел десять беспросветных месяцев в болезнях и тяжких грудах, отчасти во враждебно настроенной среде.

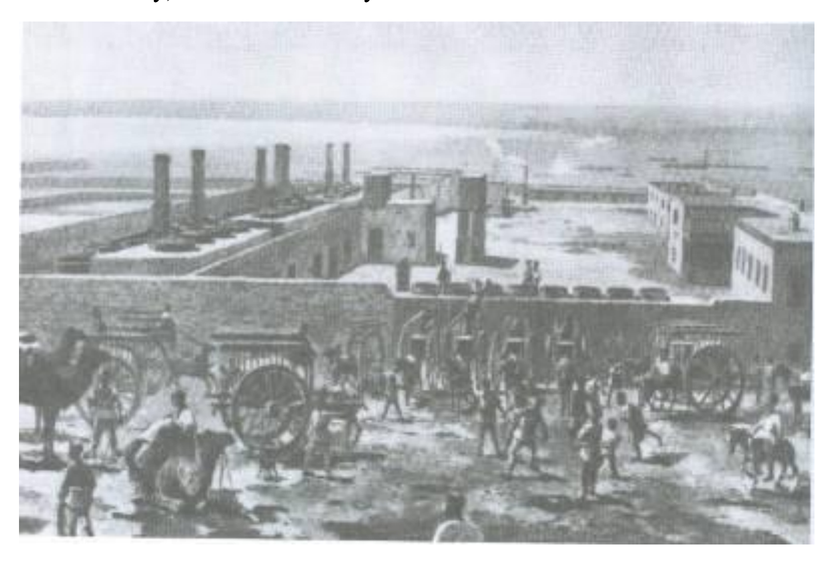
[5] Там его называли Карлом Васильевичем.

KAUKASUSLÄNDERNA
141
SCHWARZES MEER
ABCHASIEN
DIARBEKR

КАРТА *Весь Кавказ, от Черного до Каспийского моря. На Апшеронском по.гуострове обозначены месторождения в Сабунчах Балаханах и Сураханах*

Сам не знаю, как меня осенило попросить у дяди Хаммарстрёма бесплатный пароходный билет до Баку-Па пароходе я познакомился с милейшим Туре Сандгреном, который безо всякой моей просьбы препроводил меня к своему зятю Бенгтссону, где я тотчас получил должность».

В 1879 г. на заводе «Товарищества бр. Нобель» было восемь перегонных аппаратов, четыре больших куба и два малых с паровым подогревом, а также холодильник Оля мазута, сливаемо/о из каждого куба по окончании перегонки. Рядом был сборник керосинового дистиллята, производилась его очистка и осветление. На территории предприятия находились цеха, контора и квартиры начальства и других служащих. Поблизости располагались большие механические мастерские и сарай для повозок

Однажды товарищи Вильгельма по новой работе решили навестить Калле Кварнетрёма на керосиновом заводе Роберта Нобеля. Там юноша познакомился с мастером Вестваллем, и в апреле 1879 г. будущая опора «Товарищества бр. Нобель» Карл Вильгельм Хагелин был взят па завод. Свою карьеру он *начал* слесаря механической мастерской. «Па ножном тоном станке работал опустившийся коллега моего отца, дядюшка Хаглунд; мне достались тиски. Дядюшка Хаглунд вытачивал вентили для новых перегонных аппаратов, а я обрабатывал их до полной готовности. Мастерская была крохотная, но светлая, для тепла же у пас всегда стояла нараспашку высокая дверь».

В первый рабочий день молодой человек встречается с Робертом Нобелем: «Он вкатил на автомобиле в ворота и остановился подле нашей

мастерской. Заглянул внутрь, увидел незнакомого парнишку и вызвал его расспросить, кто он такой. Когда же на вопрос о моем возрасте я ответил, что мне восемнадцать с половиной лет, он похлопал меня по плечу со словами: "Тогда у тебя, черт возьми, не жизнь, а одна потеха!"»

В самый первый день Вильгельм наблюдал и пожар. «Загорелся холодильник для нефтяных остатков, — вероятно, в него поступило сразу много мазута и он просто не справился. К счастью, холодильник стоял в яме, которую быстро накрыли мокрыми кошмами, так что доступ воздуха туда прекратился и огонь затух».

Несмотря на несчастные случаи, отмечает Вильгельм, с технической стороной дела на этом этапе было в основном хорошо, «тогда как коммерчески мы по-прежнему прогорали: ожидаемый крупный потребитель — крестьянин - не появлялся Он считал бесплатную лучину выгодней покупного керосина. Мало того что возрастали повседневные расходы, надо было решиться на столь крупное капиталовложение, как пампа. Людвиг нашел выход: он снабдил перекупщиков керосиновыми лампами, которые были сделаны по его заказу и сначала раздавались бесплатно, а потом стали продаваться ПО заниженной пене. Со временем крестьянин приобрел вкус К удобному и дешевому свету, потребление выросло, и наши .ила пошли все успешней»*.

Как владеющего русским языком, Вильгельма уже осенью взял к себе в помощники Тернквист — для писарской и бухгалтерской работы. Тёриквист привез из Петербурга чертежи, и они вдвоем стали составлять списки материалов, необходимых для переоборудования керосинового завода: нужно было учесть и отразить на бумаге каждую гайку. Списки посылались в Петербург, где на механическом заводе Людвига Нобеля изготавливали все детали.

Чем только не занимался Вильгельм: прокладывал трубопроводы, сторожил цех очистки, составлял ведомости на выдачу жалованья, а еще работал в ночную смену и присутствовал при трех больших пожарах, случившихся в «Товариществе бр. Нобель» в 1880-1881 гг. Самый страшный происходит, когда Вильгельму доверено открывать задвижку идущего к пристани трубопровода. Там стоит под погрузкой наливной пароход «Норденшёльд». Порыв ветра дергает его, струя фотогена попадает на

---

* Для освещения использовался керосин, ил фотоген, известный также названием «осветительное масло». Среди других нефтепродуктов следует назвать петролейный эфир лаковый бензин, скипидар соляровое, парафиновое и другие масла, парафин. асфальт, кокс и мазут. Со временем товариществ стало производить много мазута — остаточного про. нефтеперегонки. который безопасен в обращении и широко применялся как топливо.

горящую керосиновую .лампу, и судно взрывается. Все. кто находился в машинном отделении, погибли.

Нефтяная компания расширяется и приглашает на работу шведских и финских инженеров: Густава Тёриудда и Рюдена, Ламберта и Хеллерстрёма, Альфтана и Сурандера. Вильгельм попил, что бел технического образования ему будет трудно продвигаться по службе. Шведский инженер Бьёркегрен вызывается давать ему уроки математики, физики и химии — вечером, после 12-часового рабочего дня. Вильгельм бросает курить и начинает копить деньги, на его стокгольмском счету в «Скандинависка банкен» появляется 2300 крон. В мае 1883г. он получил свое последнее жалованье и свидетельство о том, сколько прослужил в компании и на каких должностях, однако никто не поблагодарил его, не поддержал дружеским словом желание учиться. В Петербурге он разыскал директора Яльмара Круселля, с которым познакомился в Баку. Если Вильгельму будет нужна помощь, пускай пишет прямо ему, сказал Яльмар. («Это было единственное участие, которое я заслужил своей работой в Баку».) Вильгельм едет на пароходе «Обу» в Стокгольм, и у него в памяти навсегда остается изумительная красота шхер, бесчисленные яхты вокруг и выстроившиеся вдоль фарватера, расцвеченные флагам ми виллы. Два года он проучился в стокгольмском Высшем техническом училище.

Биби-Эйбатское месторождение находится на берегу залива к югу от Баку

За время долгой службы у Нобелей Карл Вильгельм Хагелин поднялся на самый верх служебной лестницы. Он любил Волгу и, потрясенный революциями, делал все возможное для спасения компании до грустного конца, когда се российская часть была национализирована. Он продолжал работать в Стокгольме по реструктуризации того, что осталось от «Товарищества бр. Нобель», и лишь в 75 лет — против своей воли — ушел на пенсию. Вильгельм оказался единственным ИЗ служащих компании, который под собственным именем выведен в русской литературе — в романе Алексея Толстого «Черное золото», опубликованном в Москве в 1931 г.[6].

В 1880 г. Альфреда Тёрнквиста назначили заведовать механическими мастерскими Нобелей, где он продолжил свои эксперименты. В декабре Людвиг прислал в Баку распоряжение о том. что работы следует развернуть на полную мощность: «Время не терпит!» Однако следующей весной у Тёрнквиста обострился ранее скрытый туберкулез. Поскольку компания уже потеряла от этой болезни Карла Улльнера, братья посчитали нужным проявить в отношении Тёрнквиста крайнюю осторожность. Он поехал на курорт в Давос и постепенно оправился.

После пожара танкер «Норденшёлъд» продали как железный лом его бывшему капитану Берне и Калле Кварпстрёму. Эти двое перестроили пароход и дали ему новое (весьма подходящее) имя — «Феникс»

[6] На самом деле Хагелин, скорее всего, послужил прототипом для нобелевского служащего из рассказа Бориса Пильняка «Большой шлем» (1935).

С опозданием на полгода - летом 1882 г. — обновленное предприятие было запущено. Год спусти оно произвело 106 тыс. тонн первосортного керосина, что было больше, чем вырабатывали все бакинские конкуренты, вместе взятые. «Товарищество бр. Нобель» значительно опередило как местных промышленников, так и заокеанских.

Весной 1884 г. Альфред Тёрнквист снова работает для товарищества, теперь уже в Петербурге, организуя поставки освети тельного керосина в Германию. Он не раз ездил в Баку, где к этому времени начальствовал Густав Тёрнудд. Однажды Тёрнквист опрометчиво предложил усовершенствовать тот процесс, в разработке которого сам изначально принимал участие, причем послал докладную записку Людвигу, в обход Густава Тёрнудда. Тот безумно обиделся. Роберт пытался наладить их отношения, но Тёрнквист уволился и покинул Россию.

Транспортировка и хранение нефти

На Всемирную выставку в Филадельфии 1876 г. русское правительство послало и Дмитрия Менделеева. Заодно он изучил нефтяные месторождения и трубопроводы в Пенсильвании, взял образцы для анализов и

Для перевозки нефти в бочках обычно использовалась запряженная лошадью или ослом арба, но расходы на транспортировку в этом случае превышали стоимость продукта. Эффективной и дешевой заменой арбам стал нефтепровод

описал в своем отчете, как в Америке очищают нефть с помощью серной кислоты. Весьма вероятно, что Менделеев встречался с Людвигом Нобелем в Санкт-Петербурге в Императорском русском техническом обществе и они

обсуждали «будущее нефтяной промышленности». По возвращении из Баку Людвиг опубликовал в журнале Технического общества статью под названием «Взгляд на бакинскую нефтяную промышленность и ее будущее». Менделеев, по-видимому, посещал Людвига в Баку в 1878, 1880 и 1886 гг.

Добыча и перегонка нефти у Роберта тоже шли хорошо, хотя возникали разные проблемы и братья обсуждали в письмах их технические решения. Старые методы выкачивания нефти и ее транспортировки в бочках на перегонные заводы в порту безумно устарели, отнимали огромное количество времени и были просто-напросто слишком дороги. Перевозка одного пула нефти на арбе стоила 35 копеек, тогда как с помощью трубопровода она обходилась меньше чем в три копейки. Из менделеевского отчета 1876 г. братья Нобель знали, что в Пенсильвании Джон Д. Рокфеллер уже с 60-х гг. использует трубопроводы. Людвиг хотел провести такие же и в Баку, но городские власти воспротивились, опасаясь реакции населения, ведь в таком случае многочисленные бедняки — бочары и погонщики ослов — лишались работы, а это было чревато революцией.

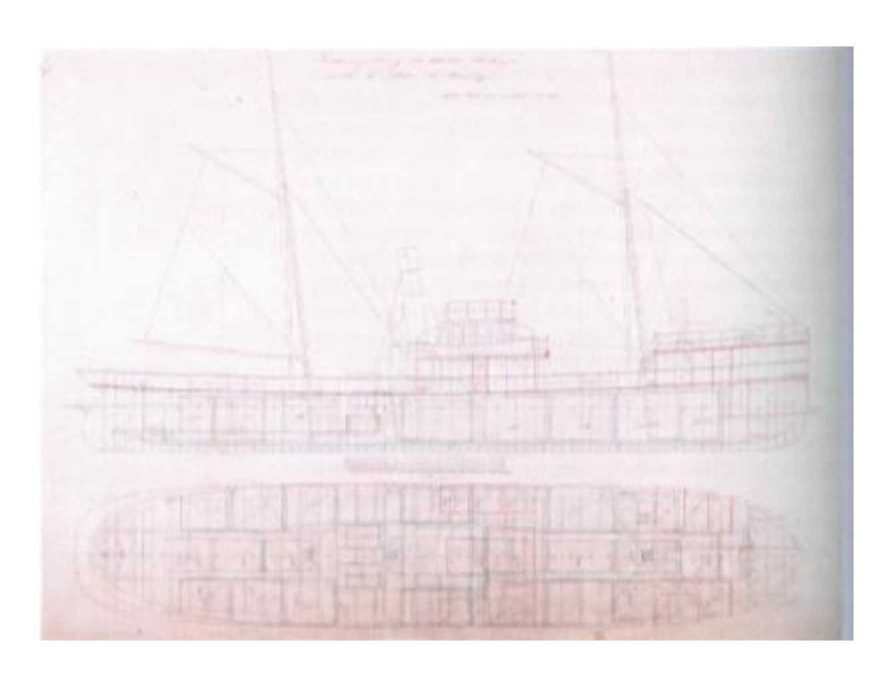

Свен Альмквист

Людвиг испросил аудиенции в Тифлисе у брата царя, великого князя Михаила — в то время наместника Кавказа. Великий князь прекрасно знал Нобелей и то, сколько они сделали для просвещения рабочих на ижевских заводах, для учебы их детей да и для развития экономики в целом. Он «обещал всячески содействовать успехам предприятия и облегчать его существование, — пишет Людвиг Альфреду в ноябре 1876 г., так что, если будут возникать препоны со стороны властей, я не сомневаюсь, что мы можем в случае необходимости рассчитывать на его помощь».

Людвиг вернулся на свой завод в Петербурге, чтобы заняться очередной новаторской работой — конструированием и изготовлением паровых насосных станций и другого оборудования, необходимого для модернизации Робертова нефтяного предприятия. Людвиг разыскал в Шотландии чугунолитейный завод, который снабжал трубами пенсильванских нефтедобытчиков, и заказал там более толстые трубы. Затем он послал инженера Александра Бари в Пенсильванию — изучать тамошние насосы и трубопроводы. Кстати, Бари нанял в Ойл-Сити шестерых мастеров бурового дела, которые, однако, пробыли в Баку лишь год: не выдержали тамошнего климата.

Людвиг предложил конкурентам за определенную сумму присоединиться к его трубопроводу и таким образом облегчим, себе

Танкер «Зороастр» был построен филиалом Мутальского завода в Норрчёпинге. В ноябре 1877 г. Свен Альмквист и Людвиг Нобель сделали два его проекта. Ниже приводится третий вариант — чертеж от 20 ноября. Спустя ровно год, 20 ноября 1878 г., появляется новый чертеж, с удлинением судна. Вполне возможно, что такое удлинение за счет средней части танкера было осуществлено в Баку. Детальный чертеж сделан инженером Улофом Бенгтсоном. Судно брало на борт 242 тонны нефти. (Подробнее о танкере «Зороастр» см. на с 48).

транспортировку нефти, но они не поняли новшества. Не очень-то помогала и поддержка великого князя. Бакинские власти поначалу отказали Людвигу в разрешении проложить трубопровод по территории города. Тогда он обратился в Петербург, к правительству, и оно заставило местные власти пойти на уступки. В 1877 г. из Глазго прибывают первые трубы. Чтобы избежать саботажа, их закапывают на двухметровую глубину. Трубопроводы шли от буровых вышей к большой насосной станции, причем по дороге нередко подключались и более мелкие насосы, ведь месторождения отстояли от перегонных заводов на десятки километров. Но - как и в Пенсильвании десятью годами раньше — возникло недовольство. По сообщению Роберта, оставшиеся не у дел бондари и погонщики ослов разъярились и стали предпринимать 'топочные набеги». Пришлось поставить казаков стеречь трубопроводы и насосные станции на всем пути от промыслов к порту. В марте 1878 г. Людвиг радостно докладывает Альфреду из Петербурга:

«Дела на заводе идут замечательно. Крупные вознаграждения, выплаченные мною за истекший год, подняли дух и производительность у моих служащих [1200 рабочих. - *Б. О.],* которые прекрасно знают, что в этом году прибыль по сравнению с 1877-м не менее как удвоится. Эмануэль, похоже, живо подключился к нашим трудам и раз в неделю в самых ясных и четких выражениях письменно докладывает обо всем происходящем — нет необходимости объяснять тебе, как я счастлив, поскольку это позволяет надеяться, что из него выйдет солидный человек и созданному мной предприятию не обязательно приходить в упадок».

Роберт впервые получил годовую прибыль в *4* тысячи рублей «Можешь себе представить, — пишет Людвиг Альфреду, -как это обрадует и подбодрит его. Я тоже очень рад, но скорее за пего, поскольку сам я теперь настолько пресыщен деньгами, что, будет у меня четырьмя тысячами больше или меньше, это никак не отразится на моем самочувствии». А еще бурятся новые скважины в поисках нефти. Бильдерлинг вложил 300 тыс. рублей, Людвиг - миллион. «Если бы и ты захотел теперь вступить в бакинское товарищество, будь добр указать, какой пай ты намерен взять. [...] И мне, и

Роберту было бы приятно получить от тебя достаточно крупный взнос; тогда я мог бы развивать сие детище, пока оно окончательно не станет на ноги, без привлечения чужих, куда больших, капиталов».

Людвиг намерен учредить в России Societe de commandite (коммандитное товарищество). Блатодаря содействию Биль-дерлинга Нобели получают права, обычно недоступные иностранцам.

В феврале 1879 г. нефть у Роберта качается «в изобилии», о чем Людвиг сообщает Альфреду в том же письме, где рассказывает об очередной семейной напасти: только что родившаяся дочь еле жива.

В указе от 1 мая 1880 г. российские власти объявляют о желательности иметь в нефтяной промышленности иностранных вкладчиков и иностранные предприятия. В начале 80-х годов в Баку было около 200 перегонных заводов, коптивших небо над Черным городом своим насыщенным нефтью дымом. Деньги, вложенные братьями Нобель в трубороводы, вернулись к ним за один-единственный год. Со временем многие заводчики разглядели собственную выгоду, и Людвиг стал строить керосинопроводы для других фирм, так что получилось весьма доходное предприятие в предприятии.

Перевозить нефть, как зерно: постройка «Зороастра»

После очистки нефтепродукты переправляли к следующему звену «системы» — на вывоз морским путем. Керосин наливали в большие дубовые бочки, которые затем грузили на судно. В море бочки нередко разбивались, и их содержимое выплескивалось в трюм. А нельзя заливать масла или керосин прямо в корпус судна? Такая идея пришла в голову братьям одновременно, хотя и в разных местах— одному и Петербурге, другому в Баку. Впрочем, пишет Роберт, «волнение на борту может стать опаснее волнения на море» и, как показали попытки претворить эту мысль жизнь, он был нрав. Российские судовладельцы высмеяли нобелевское предложение «перевозить нефть, как зерно если американцы до сих пор так не поступают, значит, идея бредовая! Однако американцы уже с 60-х годов транспортировали нефть через Атлантический океан и перепробовали не одну конструкцию судов, так что идея танкера была веянием времени. Людвиг когда-то проектировал корабельные паровые машины, и этот опыт пришелся теперь кстати.

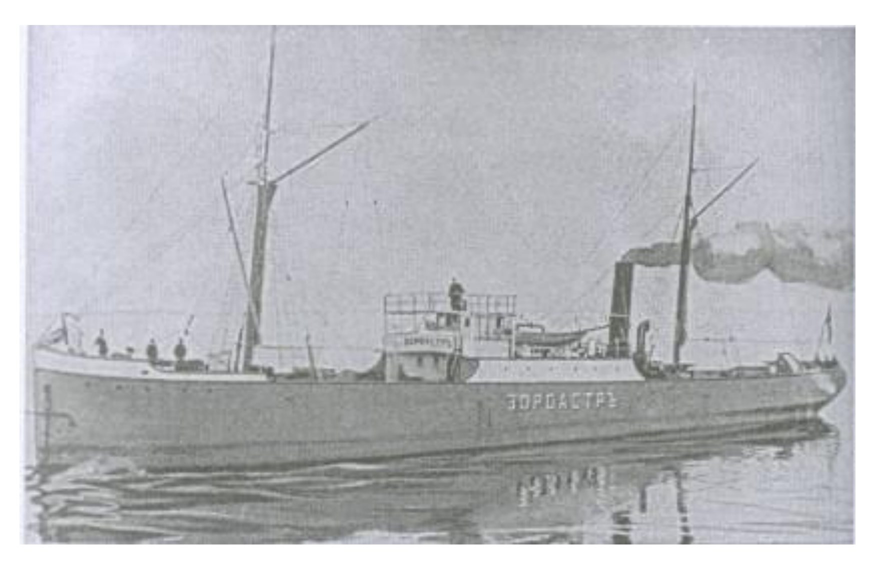
Людвиг Нобель первым в мире заказал судно из бессемеровской стали. В ноябре 1877 г. он обратился к подрядчику, который впоследствии поставит «Товариществу бр. Нобель» много судов, изготовленных на Линдхольменской верфи в Норрчёпинге. Эта верфь относилась к

На своем петербургском заводе Людвиг Нобель сконструировал первый паровой насос для переката нефти. Вероятно, справа на фотографии стоит, сам Людвиг

Мутальскому машиностроительному заводу, во главе которого стоял Свен Альмквист. Пришлось С вену вместо свадебного путешествия ехать в Петербург. Вдвоем с Людвигом они придумали конструкцию наливного парохода, разделенного на отсеки. чтобы препятствовать образованию волн в керосине и нефти. Пароход назвали «Зороастр» — в честь пророка огнепоклонников Заратустры (Заратуштры). Возможно, Людвиг, как и многие другие европейцы той эпохи, интересовался зороастрийскими верованиями. Это тоже было веянием времени.

Размеры парохода и его осадка диктовались уровнем па-1Кт на Волге и Дону. За две недели высокой воды можно ' ю успеть провести судно из Балтийского моря к Каспию. Помимо всего прочего, на «Зороастре» установили восемь отельных цистерн, которые изымались, если требовалось уменьшить осадку на мелководье. В мае 1878 г. Яльмар Круселль провел пароход по Балтийскому морю, затем по российской речной системе и доставил его в Баку. Поскольку братья Нобель были шведскими подданными, их судовладельческую компанию формально возглавлял финляндский россиянин Бильдерлинг.

Пароход «Зороастр» в Каспийском море

Сразу же было заказано еще два больших парохода, «Будда и «Норденшёльд». Их перевозили на понтонах по частям, разделив каждое судно натрое, и собирали уже в Астрахани. На протяжении 1881- 1882 гг. другой филиал Мутальского завода — Линдхольмснская верфь в Гётеборге — поставил товариществу в общей сложности шесть судов, которые были названы «Моисей», «Магомет», «Брахма», «Сократ», «Спиноза» и «Дарвин». Первым океанским танкером стал построенный в 1886 г. «Петролеа» — после кончины Людвига Нобеля

Зороастризм

Атешгях, храм огня в Сураханах, о котором в 1883 г. писал в «Иллюстрейтед Лондон ньюс» английский журналист и художник Уильям Симпсон

После своей поездки в Баку в 1875 г. член британского парламента м-р Артур Арнольд рассказал об «одном из самых древних на свете алтаре, огонь в котором горит [...] благодаря газу, просачивающемуся сквозь трещины песчаниковой породы». Увы, из-за добычи газа и нефти, предпринятой через несколько лет на соседнем месторождении, давление газа упало и огонь потух, не оправдав ожиданий своих верных поклонников-зороастрийцев. Храм был осквернен, и старинное святилище оказалось заброшенным.

Заратустра был выдающейся фигурой в религиозной истории человечества. Жил он примерно за тысячу лет до нашей эры среди персидских племен к юго-востоку от современного Аральского моря. Учение, основы которого заложил Заратустра (зороастризм), впоследствии оказало влияние на иудаизм и благодаря гностицизму распространилось на Римскую империю, стало известно во всем античном мире. Некоторое время зороастризм был официальной религией Персии. До X века пашей эры зороастризм и ислам существовал и в Персии параллельно, однако потом зороастрийцев стали преследовать, и. как утверждает

легенда, многие из них переору лись в Индию, где получили наименование парсов». Небольшая их группа до сих пор живет в, Тегеране, и уж совсем горсточка сохранилась в столь малогостеприимных местах, как Йезд и Керман. Вместе с индийскими и иранскими эмигрантами зороастризм проник в Северную Америку, Европу и Австралию. А в Баку паломники-зороастрийцы снопа приходят к храм огня.

Устная традиция сохранилась записанной в «Авесте». Зороастрийцы верят в единого бога-создателя Ахура Мазду (Ахурамазду), котором) помогали в сотворении мира духи, «архангелы» (ахуры. ~~ *Т. Д.) А*хура Мазда послал своего пророка Заратустру всему сущем на земле - как духовному, так и материальному. По туда попадает и зло, которое приносит Дух тьмы, также окруженный свитой «архангелов». Добро и зло борются друг с другом, и когда- нибудь силы зла будут разгромлены и воплощенный Заратустра вернется с Ахура Маздой. Все восстанут из мертвых.

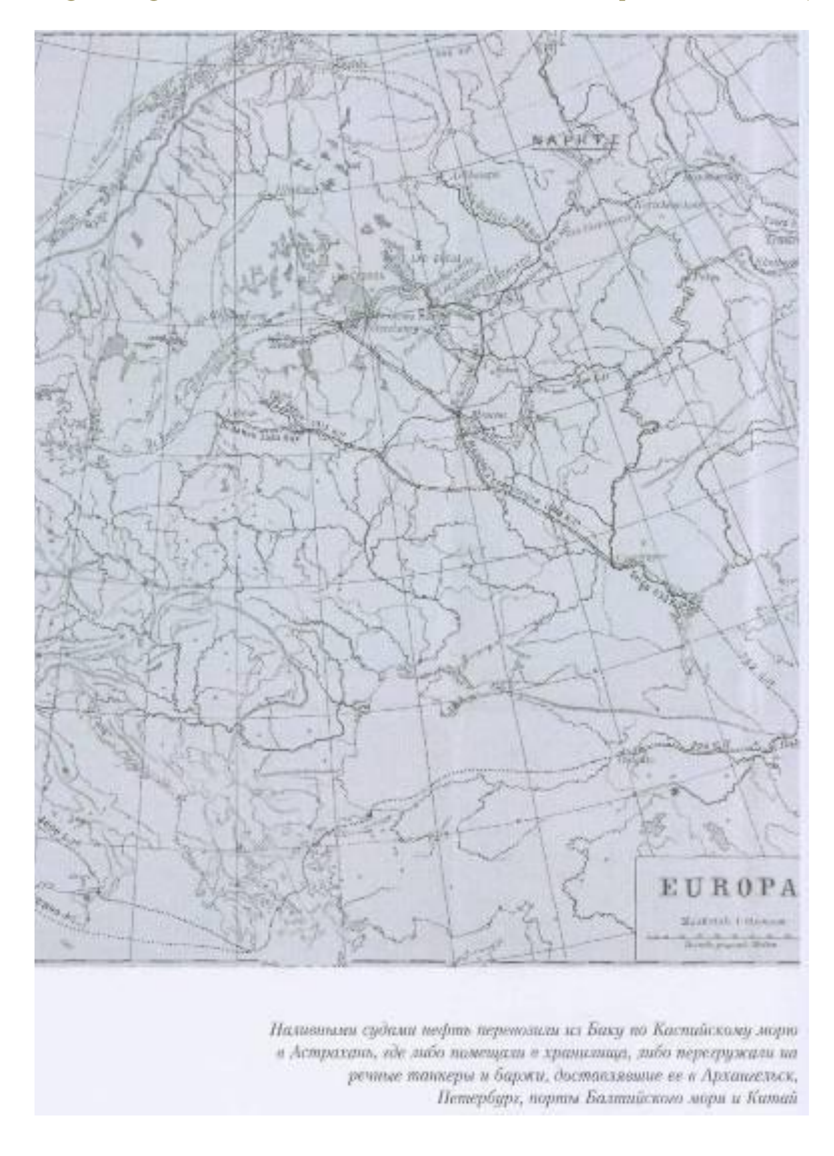

Алтарь в храме огня находится посередине. Храм обнесен стеной с примерно двадцатью кельями — комнатками для молитвы и размещения паломников.

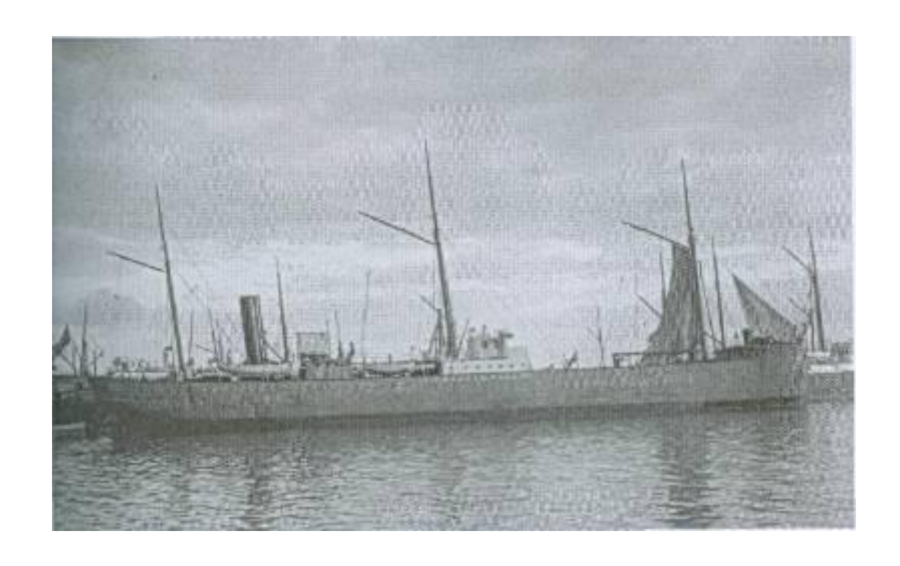
«Иллюстрейтед Лондон ньюс», 1883 г.

Человек должен при жизни поступать «правильно», сознательно отдавая предпочтение добрым мыслим, словам и делам, что можно назвать весьма жизнеутверждающей позиций. Огонь — это еще одно из верховных божеств, сын Ахура Мазды Адур (Атар). В храмах гори т очень чистый огонь, без копоти, и он служит объектом для поклонения. Зороастрийцы посещают храм пять раз и день. Мужчинам и женщинам разрешено молиться вмес-подростки проходят обряд инициации. Помимо молитв, зороастрийские священники совершают в храме огня посвятительные ритуалы, обряды бракосочетания, похорон и т. п.

Из статьи проф. Андерса Хультгорда «Так говорил Заратустра: древняя религия Ирана сегодня» в ежегоднике Общества Натана Сёдерблума «Религия и Библия» за 1981 г. (Hultgard, Anders “Sa talade Zaratustra – İrans forna religion i dag”. Religion och Bibel. Nathan Söderblom – sallskapets arsbok, 1981)

Наливными судами нефть перевозили из Баку по Каспийскому морю в Астрахань, где либо помещали в хранилища, либо перегружали на речные танкеры и баржи, доставлявшие ее в Архангельск, Петербург, порты Балтийского моря и Китай

Крупнейшим наливным пароходом товарищества был «Роберт Нобель». Именем Эмануэля Нобеля назвали теплоход, с которым потом было много неприятностей, тогда как его более крупный собрат получил название «К. В. Хагелип». Пароход «Петролеа» был после смерти Людвига переименован в «Людвиг Нобель». Спуск на воду судов происходил торжественно: их освящали по православному чипу, с участием церковного хора. После церемонии па судне устраивали праздничный обед.

судно нарекли его именем. На Мутальской верфи был заказан пароход «Линней». После пожара на «Норденшёльде», возникшего из-за шторма в бакинском порту, «Товарищество бр. 11обель» приложило немало усилий к тому, чтобы уменьшить опасность пожара как в пути, так и при загрузке и разгрузке танкеров. Для профилактики и ремонта разрастающейся флотилии понадобилось завести механические мастерские, а также доки и эллинги в Баку, Астрахани и Царицыне.

Одно из судов хотели назвать в честь Альфреда Нобеля, но он решительно воспротивился: «У меня есть серьезные возражения. Во-первых, это Она[7], [...] а коль скоро Вы упоминаете о ее красоте и хорошей форме, совершенно очевидно, что было бы дурной приметой наречь ее именем такой старой развалины, как я».

«Зороастр» привлек к себе внимание судовладельцев и конкурентов. Мутальскому заводу и Линдхольменской верфи стали поступать заказы на

[7] По-шведски, как и на некоторых других западноевропейских языках, даже не имеющих сейчас категории рода, любое судно относится к женскому роду.

В теплое время года нефтепродукты размещались в многочисленных хранилищах товарищества, чтобы их хватило на всю зиму. Большие наливные пароходы, а также речные танкеры и баржи ставили зимой на ремонт и профилактику.

суда и машины от российского правительства, от портовых властей, от частных предпринимателей Баку и Одессы. Нефтяная компания Нобелей разместила заказы на танкер с 53 цистернами и различное оборудование для него (общей стоимостью в 12 млн. крон) на Мутальском машиностроительном заводе и на верфях компаний «Линдхольмен», «Бергсунд» и «Кокум». Впоследствии суда для товарищества строились в Обу и на заводе в Коломне (к югу от Москвы).

На всем лежит отпечаток порядка и системы

Нефтяное предприятие зависело от погоды — с ноября но конец февраля Волга вставала из-за морозов, а ведь только по ней можно было перевозить продукцию на север, к российским и европейским рынкам сбыта. В теплое время года, пока река была свободна ото льда, нужно было успеть заполнить керосином хранилища в Астрахани и Царицыне.

Хранение в резервуарах позволяло иметь запасы нефти и постоянно удовлетворять спрос на нее. Заполнялись резервуары в летние месяцы. Склады строили на всем протяжении водных путей. От грузовых причалов Баку танкеры шли в Астрахань, там нефть перегружали на баржи, а затем с помощью (больших буксиров баржи доставляли в Царицын, где стояли наготове большие цилиндрические резервуары для длительного сохранения. Резервуары были снабжены двойным дном и громоотводами.

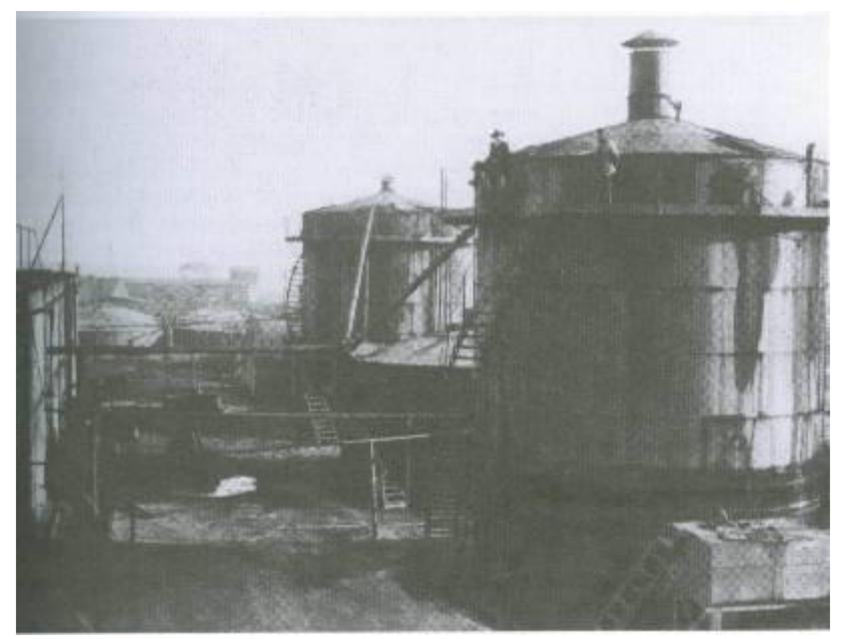

Фото 1881 г.: Вильгельм Хагелин с Зуриковым [возможно, Зорковым. — Т.Д. наверху резервуара, сконструированного Людвигом Нобелем. У резервуара двойное дно и громоотвод. Мазут, который оставался после перегонки нефти, хранили в прудах и амбарах нередко крытых. Самый большой из них получил название «Колизей»

Людвиг остался весьма доволен новым хранилищем в Царицыне: «На всем лежит отпечаток порядка, системы и целесообразности, что крайне непривычно для здешних краев. Дороги у нас выстланы камнем, мосты в исправности, все здания удобные и просторные, опрятные и красивые, а технические сооружения и вовсе потрясающи. Гигантские резервуары вмещают керосина в общей сложности свыше 1 250 000 пудов (примерно 76 300 тонн. — *Б.О.),* насосные станции тоже впечатляют. Кругом нас пустыня, чуть подальше от величавой реки не видно ни деревца, всё голо из-за нехватки воды несмотря на плодородную почву. В городе Царицыне нет ни одного парка, нигде (за исключением железной дороги) не подведена вода. У пас же прекрасный водопровод, вокруг домов и хранилищ разбиты большие сады. Под этим солнцем все растет замечательно, и мне приятно видеть, как довольны служащие, с какой гордостью они говорят о наших сооружениях в противовес некрасивому и равнодушному запустению города. Так что я мог без преувеличения сказать сотрудникам, что приехал лишь затем чтобы полюбоваться и порадоваться».

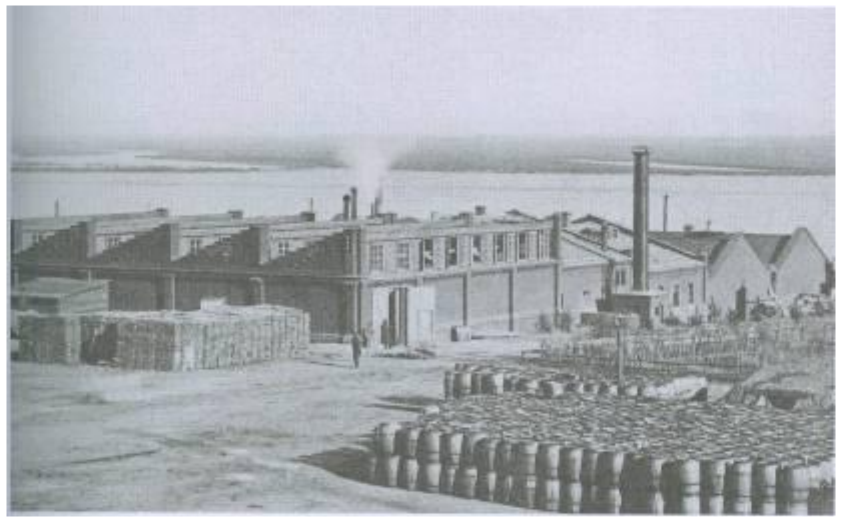
Царицын стал важным узловым пунктом, там появились собственная верфь и механические мастерские для ремонта паровозов и вагонов-цистерн. Тем не менее продолжали перевозить и в бочках. Древесина была дорогой, к тому же ее трудно было достать, и бочки обходились едва ли не дороже налитых в них нефтепродуктов. Некоторые заводчики скупали тару из-под американского керосина. Изучив опыт Америки, «Товарищество бр. Нобель» построило в Царицыне завод для промышленного производства бочек и бидонов.

Сначала деньги!

Когда Людвиг с Робертом разрабатывали свою «систему», в Соединенных Штатах уже десять лет как перевозили нефть в вагонах-цистернах. Для доставки нефтепродуктов перекупщикам и в хранилища по всей территории огромной России нужна была железная дорога. Но российское государство было совершенно не заинтересовано в изготовлении новых вагонов. Тогда Людвиг (с помощью инженера Рижского вагоностроительного завода) сконструировал такой вагон-цистерну, а заодно и паровоз, способный тащить состав с 250 тоннами керосина. Еще братья проложили железнодорожные пути к нефтехранилищам.

Когда поезд останавливался на станциях, работники железной дороги продавали керосин местным перекупщикам и агентам, однако товар не положено было трогать, пока деньги не дойдут до головной конторы в

Петербурге. В контору всегда сообщали телеграфом, где теперь находятся вагоны-цистерны. Их положение отмечалось булавками на большой карте.

На царицынском заводе создали по американскому образцу бондарное производство. 25 лет директором завода был. финляндский офицер Франс Аксельссон. Бондарным., механическим и судостроительным цехами заведовали мастер Лайхиа и технический гений из Бьёриеборга — спокойный и уверенный в себе Франс Экман

Время от времени Людвига упрекали в том, что он «иностранный монополист». В этом была доля истины, однако деньги для громадных капиталовложений поступали в основном от русских вкладчиков, от находящегося в России машиностроительного завода Людвига и — через Бильдерлинга — от российской военной промышленности. Если бы Людвиг не столкнулся с полной незаинтересованностью казенных ведомств в создании вагона-цистерны и более мощного паровоза, за право их изготовления могли бы поспорить и конкуренты. Медлительность правительства, отсутствие у него фантазии задерживали развитие промышленности и мешало предпринимателям. Правда, в 1877 г. правительство освободило российскую нефть от акциза, но вскоре - совершенно неожиданно — опять стало его взыскивать, ограничивая свободу действий нефтепроизводителей. У американских предпринимателей обстановка была куда лучше.

Нефтяное депо в Санкт-Петербурге. Русские служащие железной дороги продавали керосин местным перекупщикам и агентам, однако товар не положено было трогать, пока деньги не дойдут до головной конторы в Петербурге. В контору всегда сообщали телеграфом, где теперь находятся вагоны -цистерны. Их положение отмечалось булавками на большой карте

Роберт мечет громы и молнии

Альфред принимает все большее участие в нефтяном предприятии. С наступлением 1879 г. Людвиг пришел к выводу, что необходимо укрупнять перегонный завод и расширять хранилища. На это требовалось два миллиона рублей — в два раза больше того, что уже было вложено. План обсуждала с Альфредом в письмах, братья также встречались в Париже и Вене. Альфред советовал Людвигу с Робертом создать акционерное предприятие. Людвиг и Альфред долго обменивались мнениями. Наконец Людвиг нехотя признал его правоту. Роберт категорически возражал против такого решения, но Альфред одержал верх. Он пообещал тоже вложить некоторую сумму, и 10 мая 1879 г. было создано и утверждено Александром II «Акционерное товарищество нефтяного производства братьев Нобель» с телеграфным адресом «Бранобель». Уставный капитал товарищества составил три миллиона рублей. Самым крупным пайщиком стал Людвиг Нобель: у него было

акций на 1 миллион 610 тысяч рублей. Роберт владел акциями на 100 тысяч рублей, Альфред - на 115 тысяч. Бильдерлинг - на 930 тысяч и брат Бильдерлинга — на - 50 тысяч. Из годовой прибыли 8% выплачивалось держателям акций прежде всех прочих. 40% оставшегося дохода распределялось между служащими, а еще 60% опять-таки шло акционерам.

С жестяным бидоном за спиной и воронкой в руках этот бельгийский разносчик идет торговать керосином

Братья обрели контроль над предприятием Роберта, что было полезно для дела. Его вспыльчивость усугублялась тяжкой п продолжительной лихорадкой. Весной 1879 г. он уехал из Баку и вернулся только осенью. И Людвиг, и Альфред понимали, что Робертовы усилия «достойны серьезного вознаграждения», и в июле 1879 г. было достигнуто соглашение: Роберт стал владельцем 6% акций новой компании. Как пишет Людвиг, Роберт остался доволен. Правда, он был крайне недоволен внедрением на заводе непрерывной перегонки и наверняка не скрывал своего мнения.

В мае 1880 г. Людвиг сообщает: «Никак не соображу, что делать, его поступки внушают мне массу огорчений и беспокойства. [...] Роберт опять не в себе. Он мечет громы и молнии, и я ничуть не преувеличу, описывая его обращение со мной и моими сотрудниками, если скажу, что он кусается и лягается. Право слово, печально! А я-то надеялся, что теперь, когда его пай в бакинском предприятии составляет 150 тыс. рублей, полученных благодаря мне, он оставит меня в покое и перестанет донимать своими выходками и своей завистью. Увы, это не так, а его письма ко мне просто отвратительны — они полны горечи, презрения, ненависти».

Летом 1880 г. Роберт едет на курорт, где, но выражению Альфреда, может «с утра до вечера лелеять свое здоровье». Спустя некоторое время, после еще одного курорта, Роберт счел, ч го «здоровье его поправилось, а сам он помолодел видом и настроем», отчего Людвиг надеялся, что брат «будет поминать» его «в более мягких и справедливых тонах, нежели прежде». В том же году Роберту выделили еще 90 тыс. Рублей капитала (в общей сложности у него стало 9 % акционерного капитала).

Теперь ему можно было не думать о прокорме семьи, и братья рассчитывали, что Роберт оценит этот жест как признание его заслуг перед

компанией. Роберт с женой Паулиной и четырьмя детьми переехал в Стокгольм, а впоследствии купил усадьбу Йето к югу от него, па берегу залива Бровикен.

Летом 1881 г. Роберт ненадолго вернулся в Баку, где в его честь на Балаханском промысле устроили грандиозный праздник — с фейерверками его собственного изготовления В Швеции Роберт продолжал интересоваться делами компании как ее акционер; он переписывается с братьями и дает неплохие советы. Топ писем смягчается, родственные чувства берут верх.

После Роберта пост главного управляющего в Баку занимает шведский инженер Карл Улльнер. Но у него разыгрался застарелый туберкулез, и Улльнера в сопровождении еще очень юного Вильгельма Хагелина отправляют в Швейцарию. Увы они успевают добраться лишь до Вены, где Улльнер и умирает. Роберт Нобель в это время как раз находился в Вене. Родные Улльнера прислали телеграмму, что хотели бы похоронить его в Финляндии, но все уже было готово для похорон в Вене, и Роберт сказал Вильгельму: «Мы получили телеграмму не до, а после похорон. Если кому-то непременно хочется устраивать похороны в Гельсингфорсе, надо предупреждать заранее». И Роберт пригласил молодого человека на «Тангейзера», который стал первой услышанной им оперой.

Явление банкирского дома Ротшильдов

Нефтепродуктам с бакинских промыслов нелегко было попасть на европейские рынки через Черное море, пролив Босфор и Средиземное морс. Надо было наладить железнодорожное сообщение между Баку на Каспийском море и Батумом на Черном. Правительственная комиссия пришла к такому выводу еще в 1874 т., когда в своем отчете предложила продлить железную дорогу от Тифлиса и довести ее через горы до самого Баку.

Проблема заключалась прежде всего в финансировании проекта. Французские банкиры Ротшильды, которым принадлежал нефтеперегонный завод на Адриатическом побережье, в городе Фиуме, увидели для себя шанс вывести дешевую бакинскую нефть на расширяющийся мировой рынок и конкурировать там с компанией «Стандард ойл». Ротшильды вложили в продление железнодорожной линии 10 млн. американских долларов, и в 1883 г. строительство се было закончено Помимо всего прочего, Ротшильды предоставляли ссуды мелким нефтепромышленникам, которые таким образом попадали к ним в зависимость, - то есть действовали по тоже принципу «разделяй и властвуй», успешно применявшемуся Рокфеллером в Пенсильвании.

Людвиг не мог воспрепятствовать появлению на сцене Ротшильдов, однако оно совпало с обострением антисемитизма[*] Русские не забыли, что дом Ротшильдов финансировал британскую армию во время Крымской войны (которую Россия проиграла). Кроме того, ходили слухи, что заговор, в результате которого в 1881 г. убили Александра II, затеяли евреи. С 1883 г. евреям более не дозволялось ни покупать в России землю, ни брать ее в аренду. Богатые и влиятельные Ротшильды преодолели все препятствия и учредили нефтяную компанию БНИТО («Каспийско-Черноморское нефтепромышленное общество»)[8], ставшую самым серьезным конкурентом «Товарищества бр. Нобель» в России. Сонный портовый городок Батум получил невероятный толчок к развитию, став пунктом, откуда БНИТО отправляло нефтепродукты в Европу — английскими танкерами, которые шли в Марсель и венгерский Фиуме.

Что касается поставок на север, тут «Товарищество 6р. Нобель» было практически монополистом. Уже в 1885 г. благодаря Волге и железнодорожному сообщению — оно распространило свою сеть сбыта на Восточную Германию, Австро-Венгрию и Финляндию. Затем настала очередь Англии, Италии, Бельгии, Дании и стран Скандинавского полуострова. Американские сбытчики почуяли угрозу.

Тащить вагоны-цистерны в гору к Сурамскому перевалу было трудно, и для железной дороги между Баку и Батумом хороню было бы пробить в этом месте тоннель, однако такое предприятие отняло бы много времени и обошлось бы весьма Дорого. В марте 1886 г. российское правительство все же решилось на постройку тоннеля. Карл Нобель, сын Людвига, был агентом Альфредова динамитного завода и предложил поставить взрывчатку оттуда. «Динамит потребуется в значительных количествах». Правда, было пока неясно, каким способом собираются

---

[*] Со времени изгнания евреев из Испании в 1492 г. людей с «еврейской кровью» преследовали и подвергали наказаниям. После 1881 г. в царской России происходили поощрявшиеся властями еврейские погромы. В Гражданскую войну 1918— 1920 гг. в России и на Украине случались массовые убийства евреев. Русский антисемитизм оправдывает себя тем. что евреи - «убийцы Христа», поскольку это они распяли его. Бытует также мнение, что евреи с помощью тайных обществ вынашивают планы мирового господства. Благоприятная почва для антисемитизма создается в периоды экономических спадов и общественно-политической нестабильности в стране.

Источник: Christian Gerner. Stat, nation, konflikt. Bra Boecker, 1996 (Кристиан, Гернер. Государство, нация, конфликт. Стокгольм: «Бра бёккер», 1996).

[8] Точнее, «Каспийско-Черноморское общество» Ротшильдов было создано на основе ранее существовавшего БНИТО («Батумского нефтепромышленного и торгового общества»).

взрывать гору. Письменно обсуждая этот с Альфредом, Карл замечает, что у казенных инженеров «есть выбор между сжатым воздухом, нагнетаемой под давлением водой и электричеством, которое предлагает “Сименс”». Мнение Альфреда, несомненно, повлияло бы на принятие решения. В другом письме Карл благодарит дядю за советы и возвращает полученное от него описание бурового станка конструкции Брандта, предварительно сняв для себя копию. «Инженеры получат еще много полезных сообщений и таким образом будет укрепляться их доверие к нобелевскому заводу, претендующему на выполнение этого задания» Пригодился ли в данном случае динамит Альфреда, сказать трудно.

Зато известно, что не хватало вагонов-цистерн и что железная дорога была перегружена. В конце концов Людвиг и пять крупнейших бакинских экспортеров совместными усилиями построили ветку через перевал. Ветка была пущена в 1886 г., и по ней перевозили керосин. В Баку следовало наладить контроль за перегонкой нефти в этом с Людвигом были согласны все заводчики, даже питавшие к нему сильную неприязнь. Через 10 лет железную дорогу чуть не целиком смыло ливнем, и пришлось прокладывать ее заново, а еще тянуть нефтепровод от Баку до Батума. Его открыли в 1903 г., спустя почти 30 лет после появления на свет этой идеи. Революция 1905 г. привела к резкому падению нефтедобычи, отчего эксплуатация трубопровода стала невыгодной.

ГЛАВА 2

Людвиг создает «систему»

«ТОВАРИЩЕСТВО НЕФТЯНОГО ПРОИЗВОДСТВА братьев Нобель» гигантскими темпами расширялось. Людвиг был доволен: «...между Баку и Санкт-Петербургом образована надежная цепочка связи и налажено разумное управление ею». О компании заговорили печать и общественность, так что все предрекавшие ей крах теперь сожалели о том, что не стали вкладывать деньги, когда им такое предлагалось. Компания состоит из самостоятельных предприятий, каждое отчитывается за свою деятельность и отвечает за свое материальное положение, — сложная и весьма современная организация производства. Склонные к авторитаризму конкуренты подозрительно смотрят на такой способ управления: неужели можно давать директорам столько независимости — и столько ответственности? Да, можно, считает Людвиг.

Михаил Белямин-старший

Впрочем, хватало и проблем, и критики. Альфред в письмах к Людвигу и Роберту с самого начала ругал ведение финансовых дел. Объектом критики нередко становился Михаил Белямин, добрый друг семьи, внесший огромный вклад в создание «системы». Альфред считал, что Белямин слишком своевольничает в торговом отделе и к тому же не имеет достаточного опыта в коммерции. Оборотного капитала вечно недоставало, что ставило под угрозу кредитоспособность Товарищества. Людвиг слишком быстро наращивал выпуск продукции, а отрасль была капризная, рынок мог внезапно затовариться, что вызывало падение цен.

Бензин, на который не было никакого спроса, сливали в море. Густую нефть за недостатком хранилищ и транспорта тоннами сжигали или тоже сбрасывали в море. Во время шторма в Каспийском море получил серьезную течь танкер «Будда».

Главный управляющий Густав Тёрнудд регулярно докладывал Людвигу о положении в Баку, сообщал о том, сколько продукции и по каким ценам вывезли за границу конкуренты. Время трудное, все, похоже, страдают

от недостатка средств. «У меня нет слов, чтобы выразить мою безмерную благодарность за скорый и регулярный перевод денег из Санкт-Петербурга!» Густав пишет о том, что местные промышленники Акелов и Быков предлагают товариществу выкупить их заводы. У Тагиева же скважина совсем оскудела, но он хочет бурить глубже и надеется на новые источники нефти. Говорят, его завод по производству смазочных масел сгорел. Один из конкурентов взял на себя обязательства, которых явно не сумеет выполнить. Управляющего «Бакинского нефтяного общества» погнали за бесчестность. Мирзоев испытывает серьезнейшие материальные трудности. И далее:

«Но больше всего Мирзоеву не повезло с тем, что в его фирме нет ни одного энергичного и головастого человека, [...] иначе она бы уже давно обошла всех соседей. Из сказанного явствует, что в целом обстоятельства в Баку отнюдь не блестящие и следует ожидать перемен. Непосредственно нас касаются слухи о том, что все эти трудности якобы вызваны "Товариществом бр. Нобель". До меня, однако же, не доходили какие-либо доказательства подобного утверждения, если не считать откровенной лжи, которой тоже не чураются, причем слишком часто. Нам надо целиком и полностью полагаться на собственные силы, не прибегая к посторонней помощи даже по самому малому поводу».

Помимо руководства машиностроительным заводом в Петербурге и нефтяной компанией в Баку, Людвиг занимался сбытом Альфредова динамита на российском рынке. В 1881 г., после того как царя Александра II убили бомбой с нитроглицериновой начинкой, Людвигу запретили ввозить динамит из Германии. Планы братьев об открытии динамитного завода в России совершенно расстроились, и о них пришлось забыть до 1914 г., то есть до начала Первой мировой войны.

Летом 1882 г. была оглажена непрерывная перегонка, и Людвиг даже в виде исключения взял на нее патент. В следующем году новый завод выработал 106 тыс. тонн керосина — больше всех бакинских конкурентов, вместе взятых. (В США непрерывный процесс был внедрен лишь в 1906 г.)

В течение некоторого времени Баку угрожали перепроизводство падение цен, что означало бы кризис и для «Товарищество бр Нобель». Альфред по собственной инициативе выделил кредит сначала в 600 тыс. рублей, а зачем в 1700 тыс. франков (в общей сложности около двух миллионов рублей). Собрание пайщиков прошло благополучно, Альфреда выбрали в правление, а Тёрнквиста весьма хвалили. Газеты, ранее с удовольствием хулившие Людвига и его нефтяную компанию, заговорили иначе, когда она раздала 20% прибыли за 1882 г., хотя сама переживала сложный период, сопровождавшийся рядом неудач.

В это время ближайшим сподвижником Людвига в Петербурге и начальником лаборатории, где удалось выделить 40 разных сортов нефти, был Яльмар Круселль. Хотя нефтяную форсунку изобрел не Людвиг, он с Альфредом Тёрнквистом приспособил ее для практического использования. Их конструкция позволяла жечь мазут — остаточный продукт перегонки. Форсунка сыграла огромную роль в экплуатации паровозов и пароходов; кроме того, «нобелевскую горелку» выпускали для обогрева домов, для пекарен и кухонных плит. Нефть была дешевле угля и имела большую теплоту сгорания. Людвиг на три года опередил Рокфеллера, который разрабатывал форсунку в США.

Яльмар Круселль

«Товарищество бр. Нобель» сооружает в Баку 13 самостоятельных заводов. Пять из них заняты перегонкой и очисткой сырой нефти. Один завод очищает нефть от воды и песка, для чего необходимы сода и серная кислота. Закупка этих химикатов обходится дорого. Механические мастерские производят и ремонтируют оборудование для заводов и судов. Газовый завод снабжает дома и предприятия светом " газом для плит. Бондарное заведение поставляет бочки " пиломатериалы. Весной 1882 г. закладывается фундамент «Виллы Петролеа», которая станет райским уголком Людвига!

В связи с этим 19 мая Роберт Нобель, которого бакинские сотрудники величали «наш хозяин», получает в Стокгольме телеграмму следующего содержания: «Цвет нефтепромышленности, собравшийся на закладку нового поселка для служащих, шлет Роберту Нобелю, который заложил основы Товарищества, свой нижайший и сердечнейший поклон! Дорпат, Талльгрен, Карасев, Нобель».

«Какую безумную боль доставили мне эти никому не нужные объяснения!»

В 1881 г. Альфред получил разрешение производить гремучий желатин па заводе в Шотландии, в Ардире. Казалось британский рынок ему обеспечен, но из-за конкуренции через каких-нибудь два года компания «Взрывчатые вещества Нобеля» вынуждена обращаться за ссудами к банкам

и частным лицам. Альфред сам становится поручителем, отдав в залог за крупный заем в Англии свои акции «Товарищества нефтяного производства», что оказалось рискованнее, чем он ожидал, и подготовило почву для серьезного конфликта между братьями. Людвиг ведь продолжает расширять бакинское производство, и ему нужно еще 500 вагонов-цистерн. Российский государственный банк дает Людвигу средства на цистерны, однако тому все мало: он набрал миллион рублей, а ему желательно иметь от трех до шести миллионов. Бильдерлинг пытается продать в Париже акции и облигации «Товарищества бр. Нобель» — по безуспешно. У Альфреда закрадываются подозрения, что нефтяная компания идет к краху. В феврале 1883 г. Альфред как член правления едет в Петербург и учиняет безжалостный разнос в главной конторе. После этого посещения Людвиг пишет Альфреду (17 марта того же года):

«Твой краткий визит оставил у всех нас, от начальников до простых служащих, самые чудесные воспоминания и не перестает быть предметом наших разговоров. Не меньшую пищу для размышлений дают мне и высказанные тобой замечания. Я крайне ценю твой богатый опыт, поскольку ты уже много лет управляешь акционерным предприятием. До сих пор, пока мы вдвоем почти целиком владели компанией, можно было считать это нашим личным делом, теперь же, когда часть акций, пусть даже самая малая, продана в чужие руки, нам следует соблюдать формальности, важность которых я не склонен недооценивать. Посему заверяю тебя, что постараюсь прислушиваться к твоим претензиям и рекомендациям в той степени, в какой они будут совместимы со свободой действий, нередко более привычной для здешнего высокого начальства».

В апрельском письме Роберту Альфред излагает свою версию: «Несмотря па крупные ресурсы Людвига, финансовое положение довольно запутанное и едва ли не угрожающее. Совершенно ни дно, что расширение производства велось слишком поспешио и без учета необходимости иметь колоссальный оборотный капитал для предприятия, которое первые семь месяцев году только поглощает средства, не давая никакой отдачи. Доверие к Товариществу подорвано тем, что Гинцбург [банкир. — *Б.О)* и его бестолковый компаньон [Грубе. — *Б. О.]* метались по реей Европе, пытаясь собрать для предприятия кредит в 6 млн. рублей, из которых по-настощему нужны были лишь три, стучались во все банки... и везде получали отказ. Задача действительно трудноразрешимая. Доверие подорвано также и некоторыми мерами, предпринятыми самой компанией, в результате чего она теперь вынуждена платить на 2 -3 учетных процента больше, чем другие перворазрядные фирмы. Как ты прекрасно знаешь, от высокой учетной ставки

недалеко и до отказа в кредитах. При таких обстоятельствах мелкими вливаниями делу не поможешь, а потому я решил, пусть даже подрывая доверие к себе, выделить компании аванс в размере 4 млн. франков - и это помимо миллиона, который она уже от меня получила, что составит в общей сложности два миллиона рублей».

Альфред с Робертом считали, что компания могла бы получить больше прибыли с помощью «разумных спекуляций». Людвиг же не хотел о них слышать: «Па твоем месте я бы и думать забыл о биржевых спекуляциях, оставив их тем, кто не способен к истинно плодотворному труду». Людвиг вел переговоры с Государственным банком о предоставлении кредита под залог акций и облигаций «Товарищества бр. Нобель», и в апреле 1883 г. такой кредит был ему выделен. Поддержка Побелей министром финансов «подкрепила эту однократную ссуду, подняла доверие к нобелевским акциям и облигациям и повысила их рыночную стоимость». Правительство одобрило выдачу кредита в размере 3 млн. рублей под новое долговое обязательство, а Государственный банк открыл специальный текущий счет на миллион рублей под залог Людвиговых акций в товариществе.

Несмотря на такое пополнение казны, Людвиг до конца жизни не сумел вернуть крупные суммы, одолженные у Альфреда. Более опытный в коммерческих делах Альфред обвиняет предпринимателя Людвига в том, что у пего слишком малый оборотный капитал и это может подорвать доверие кредиторов. Банки, биржи и другие финансовые учреждения в Петербурге и крупных европейских столицах регулярно проверяют «Товарищество бр. Нобель». Берлинский «Дисконто-банк»[*] оценил его активы в 14 710 тыс. рублей, из которых пять миллионов приходилось на Баку, пять с половиной миллионов было вложено в паровозы и вагоны-цистерны, а четыре миллиона — во флот.

Выпуск новых ценных бумаг принес 10 млн. рублей, и компания преодолела кризис. Альфред, хотя и критиковал Людвига, остался весьма доволен его трудами, «которые отличались крайней эффективностью. [...] Теперь во всех странах акционерные общества получают ограниченный кредит, так что если "Товарищество бр. Нобель" стало исключением, этим, на

[*] В переписке между братьями Нобель встречается несколько названий немецких банков, которые могут иметься в виду в данном случае, в частности «Дирекцьон дер дисконто-гезельшафт» (или просто «Дисконто-гезельшафт»), который вел чрезвычайно активную деятельности в дореволюционной России. С ним конкурировали крупнейшие для того времени германские банки «Дойче банк» и «Берлинер хандельсгезельшафт» (в настоящее время известный как «БХФ-банк», пли «Берлнпер хандельс унд Франкфуртер банк»).

мой взгляд, оно обязано исключительно высокому доверию и уважению лично к Людвигу». Это был значительный успех, и Людвиг пишет:

«Тем, кто намеревался обобрать пас, это не удалось; Гинцбург, который вздумал было зарабатывать по 15—18%, берет наши бумаги за скромные шесть. Теперь все пляшут вокруг меня и предлагают свои услуги. И если я рассказываю об этом с торжеством в голосе, пожалуйста, не считай, что я не ценю твоей услуги, напротив, без нее мне не удалось бы снизить выплаты по займам с 9 до 6 процентов и банкиры не остались бы с носом. Увы, у всякой медали есть оборотная сторона. Твоя тревога вкупе с поселившимся в твоей душе недоверием бросили на нас такую тень, что мы ничем не могли рассеять ее, пока наше солнце вновь не поднялось высоко над горизонтом. Доход, полученный от Гинцбурговых акций и сэкономленных процентов, не умаляет моей грусти но этому поводу. [...] У меня мало дельных сотрудников, отчего возникают ошибки и просчеты, газеты тенденциозно и бессовестно врут, на каждом шагу тебя подстерегает зависть, а из-за огромных расстояний любое извращение фактов стократ опаснее. Чтобы справляться со всем этим, нужны убежденность и душевное спокойствие, а также профессионализм и умение смотреть в будущее. Конкуренты тоже не стоят на месте, так что идет постоянная борьба, в которой победа достигается не без усилий и даже победителя могут здорово пощипать».

Облигации выпуска 1883 г., предлагавшиеся потенциальным вкладчикам

THE

PETROLEUM PRODUCTION COMPANY,

NOBEL BROTHERS, LIMITED,

ST. PETERSBURG.

SHARE CAPITAL PAID UP, £1,500,000.

Authorised Issue of £489,320, or 3,058,250 Metallic Roubles, Six per cent. First Mortgage Debenture Bonds, redeemable by annual drawings over 11 years, under a special Edict of the Imperial Government, dated 4th May, 1883.

First Issue of £300,000 in 500 Bonds of £200 each, and 5,000 Bonds of £40 each at par.

10 per cent. payable on Application, 40 per cent. on Allotment, and the Balance on the 1884.

The Bondholders will have the privilege of subscribing for Ordinary Shares of the Company to the extent of one-half of their Debentures at a premium of twenty per cent., such privilege to exist until the 1st May, 1884.

Trustees for the Bondholders.

Directors.

Mr. LOUIS NOBEL, St. Petersburg, *Chairman.*
General BILDERLING, St. Petersburg.
Count TATISCHEFF, St. Petersburg.
Mr. M. BELJAMIN, St. Petersburg.
Mr. ALFRED NOBEL, Paris.

Messrs. Henry Kendall & Sons. are authorised by The Petroleum Company, Nobel Brothers, Limited, of St. Petersburg, to offer for public subscription First Mortgage Bonds of that Company for £300,000, in Bonds of £200 each and £40 each.

These Bonds will bear interest at the rate of six per cent. per annum, and they are to be redeemed by annual drawings extending over eleven years.

The interest will be payable half-yearly on the 13th April and 13th October, and the first half-year's interest will be payable on the 13th April, 1884.

7 июля 1883 г. Альфред пишет Роберту:

«Людвиг не хочет ни на йоту поступиться своим влиянием пи намерен и далее поддерживать эту систему, которая тяжким бременем ложится на его здоровье и подрывает его силы. По сути дела, ни у кого из нас нет достаточно здоровья, чтобы управлять такой махиной, как Баку. Нам пора ограничивать себя мыслительной работой, оставляя всю механическую другим».

5 декабря 1883 г. Альфред представляет 28-страничную памятную записку, в которой подводит итог своему посещению товарищества, анализирует его положение и дает некоторые рекомендации. В записку вложен большой труд, свидетельствующей как о познаниях Альфреда-финансиста, гак и о его глубокой заинтересованности в «Товариществе бр. Нобель». По-видимому, к этому времени ему принадлежит там не меньший пакет акций, чем в его динамитных предприятиях. 11 декабря Людвиг отвечает из Лондона:

«Если бы ты знал, какую безумную боль доставили мне эти никому не нужные объяснения, ты бы сжалился и оставил меня в покое. Ты, в свою очередь, забыл несколько совершеннейших пустяков: что я разбираюсь в предмете лучше тебя, что сам я все! всегда верил и продолжаю верить в это предприятие, что я возлей жил полную ответственность за него на самого себя и никогда не допущу, чтобы кто-нибудь терпел из-за этого убытки, и что я готов гарантировать это собственными средствами, буде их хватит. Я также не сообщил о твоих опасениях на родину, а твое участие в компании понимается всеми очень просто: ты один из братьев Нобель. Люди привыкли к тому, что я пекусь об интересах Товарищества больше, чем о своих собственных, посему не приходится удивляться, что тебя тоже не посчитали в данном случае человеком сторонним. Прими это во внимание, если тебя опять потянет на размышления о прошлом; исходи из того, что прежде дельца и счетовода стоит человек, наделенный душой и чувством чести и твердо намеренный исполнить свой долг».

В довершение неприятностей, Роберт просит выплатить из принадлежащих ему в компании средств 68 тыс. рублей. Людвиг как раз распорядился о выпуске новых акций на 3 миллиона рублей и новых облигаций, которые появятся в феврале. Он не может заплатить Роберту теперь, поскольку это подчаст дурной пример другим пайщикам — что, если они тоже потребуют свое? Момент для выдвижения Робертом такого требования избран крайне неудачно! Людвиг выражает надежду, что

ты удостоишь пас чести оставить значительную часть своих активов в пашем предприятии (...). На предстоящем вскоре собрании шинников я попробую растолковать, почему Товарищество действовало так, а не иначе, и какие я вижу для него перспективы на будущее».

Альфред продолжал год за годом критиковать коммерческий отдел главной конторы. «В Петербурге, похоже, творится жуткий беспорядок. Здесь уже опротестовали два их векселя. 1 [е потому, что у компании нечем платить, а потому, что расчет направили не в тот банк». Работали в конторе действительно небрежно, спустя рукава, и репутация Альфреда в финансовых кругах поколебалась. По его мнению, в правлении не хватало человека, достаточно сведущего в торговле и финансах, и Альфред писал: «Я могу рассердиться до чертиков, моту полыхать от злобы, но не более получаса. И не думай, что я злюсь без веских оснований». За эти полчаса он успевал отправить ругательные письма, о которых потом жалел — но было поздно. Та же чреватая конфликтами тема возникнет снова через три года, усугубляя обиду Людвига.

Укрощение нефти и предотвращение пожаров

В начале 80-х забило много гигантских фонтанов, на Биби-Эйбатском месторождении один из них достиг чуть ли не 70-метровой высоты. Когда ветер дул в сторону Баку, весь го-рол застилало дымом. Нефть тоннами изливалась в море. Нужно было найти способ укрощать фонтаны. Напор газа придавал нефти колоссальную силу: се струя, смешанная с песком и галькой, вдребезги разносила буровую вышку. Густав Тёрну, и описывает в своей книге, как они сооружали коленчатую трубу или ставили боком бетонную плиту, подпирая ее железнодорожным рельсом, чтобы отклонить струю в определенную сторону, как рыли канавы и ямы для сбора нефти. Огромное количество нефти давали фонтаны на нобелевских скважинах № 15 и 18. Когда в Баку приехал российский морской министр и пожелал увидеть нефтяной фонтан, по такому случаю фонтан открыли... на десять минут, после чего удалось его спокойно закрыть. Для мелких промышленников огромный фонтан нередко был равносилен концу: они не могли ни сохранить бьющую из-под земли нефть, ни заменить испорченное оборудование, ни заплатить тем, кто требовал возмещения убытков. «Товариществу бр. Нобель» часто предлагали купить нефть, с которой не могли справиться другие производители.

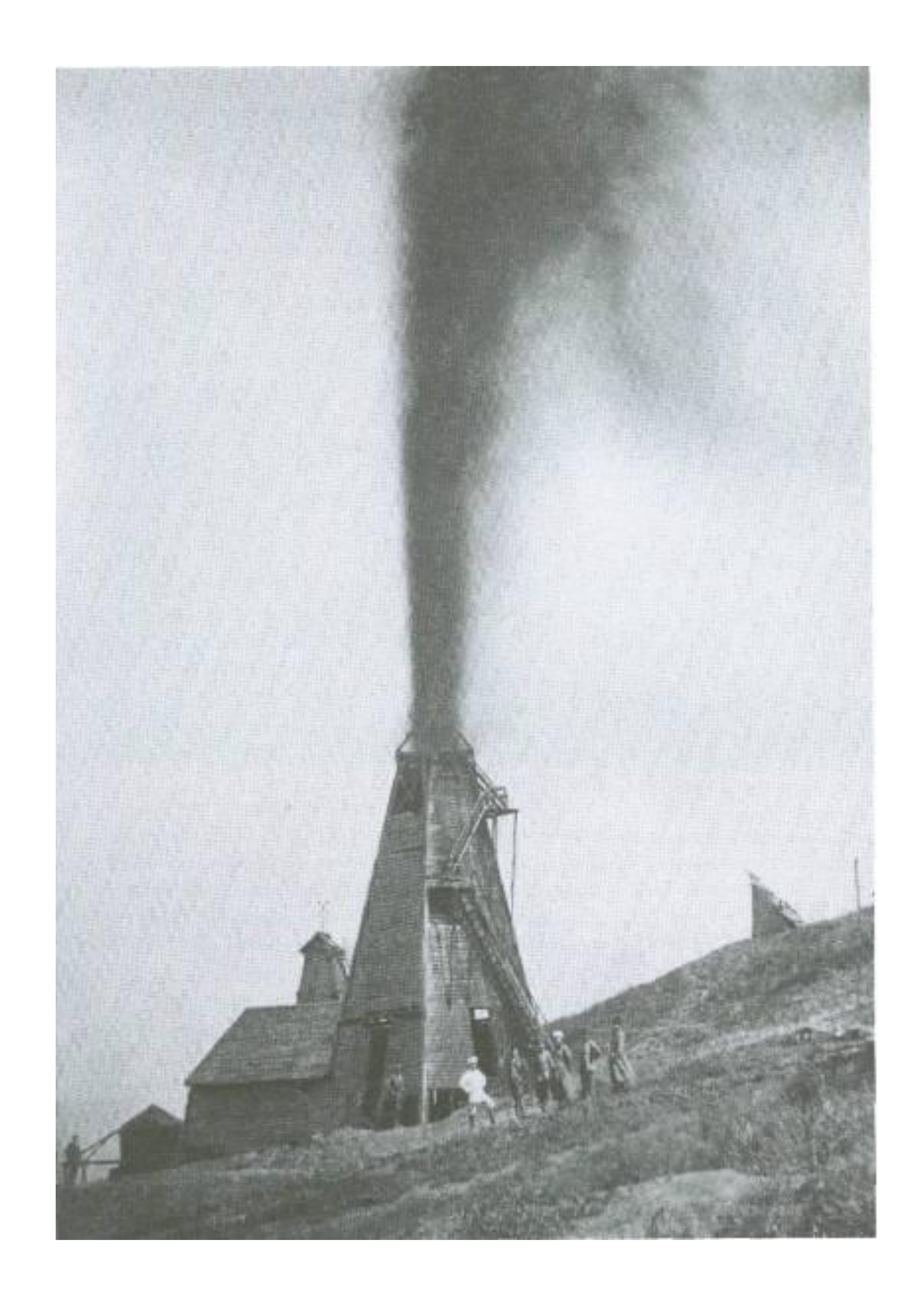
Опасность возгорания была особенно велика там, где били фонтаны, а также на заводах, в трубопроводах, сточных канавах и амбарах[9]. Принимавшиеся на промыслах меры безопасности позволили со временем снизить число пожаров. Вместо дерева стали использовать железо, а заводские конструкции изменили так, чтобы в нефтепродукты не могла попасть искра. Курение на рабочих местах было запрещено. Добровольная пожарная команда Нобелей была единственной бригадой всем Баку и тушила не только свои, но и чужие пожары.

Непрерывная перегонка была внедрена па всех предприятиях «Товарищества бр. Нобель». Ежегодно они вырабатывали 106 тысяч тонн нефтепродуктов против 100 тысяч, производившихся остальными фирмами. На заводах получат осветительный керосин, солярное, веретенное, машинное и цилиндровое масло; остатки назывались мазутом или гудроном. Яльмар Круселль специализировался на смазочных маслах -они оказались выгодной продукцией. Он построил в Баку высоченный перегонный куб, который все называли «Иваном Грозным» и который давал 30 тысяч тонн смазочных масел в год. Спустя десять лет «Иван Грозный» взорвался.

Людвиг Нобель был первопроходцем и новатором во многих отношениях. В 1886 г. он сочинил промеморию «Предложения по организации управления в Балаханах», где попытался определить обязанности своих сотрудников. «Геологу

«Никогда не доверяйте фонтану! Каждая скважина что хочет то и воротит!» На нобелевских промыслах было много мощных фонтанов. Давление газа придавало нефти колоссальную силу. В буровых вышках были задвижки — дубовые колоды от 5 *до* 15 м *длиной, окованные 30-сантиметровым слоем железа. Иногда фонтан удавалось закрыть такой задвижкой, но достаточно было крупному камню удариться об железо и высечь искру, как возникал пожар* надлежит указывать подходящие для бурения участки для их последующей аренды или покупки», но сначала ему следует представить заключение. Он должен определять места для буч рения скважин и в каком порядке их следует бурить, должен производить разведку и предлагать приобретение новых нефтеносных площадей. Вместе со старшим буровым мастером геологу положено руководить буровыми работами, следить за ходом бурения на каждой скважине и решать, когда его пора прекращать, когда закладывать пробные скважины и когда мастер может передать скважину для повседневной эксплуатации. Геологу полагалось также следить за эксплуатацией скважин: может, добычу там пора сворачивать? В случаях особо сильного или продолжительного фонтанирования геолог с

[9] Здесь: вырытые в земле пруды для сбора нефти, иногда крытые.

начальником отдела решал, какие надо принимать меры. А еще он должен был писать отчеты в контору.

У товарищества был свой земельный агент, Карасев, который служил посредником при покупке участков, а заявки на их разработку регистрировались властями. Разумеется, все считали запасы нефти неисчерпаемыми. Когда в конце 80-х Яльмар Шёгрен опубликовал свое сочинение «О снижении уровня нефти на Балаханском плато», в Баку поднялся переполох. Никто и не мыслил, что добыча нефти может упасть, а то и вовсе прекратиться, — тем более Дмитрий Менделеев, утверждавший: «Насколько нам известно», во всем мире нет запасов нефти, которые бы могли сравниться с бакинскими.

В 1885 г., когда Яльмар Шёгрен поступил геологом 15 «Товарищество бр. Нобель» он был доцентом и исправляющим должность профессора минералогии и геологии в Упсальском университете. Кое-кто из его ученых коллег в Швеции считал, что Яльмару негоже брать в университете длительный отпуск и отправляться за границу: место профессора — в .лаборатории. Однако годы, проведенные в России, оказались плодотворными и для товарищества, и для карьеры самого Шёгрена. К тому же геология и минералогия — благодаря ученым вроде Шёгрена — стали приобретать все большее уважение и ЗЩ пределами университетов. Кроме того, чем больше знании накапливали эти науки, чем больше получали стимулов, тем и'Н-рс становилась область их применения. Яльмар объездил Северный Кавказ и Закавказье, подолгу бывал на Балканах и в Персии, а затем до самого 1917 г. не раз выполнял разные задания по просьбе Эмануэля Нобеля.

En slamvulkan i utbrott.

Заметка об извержении грязевого вулкана в Балаханах («Стокгольмс дагблад» от 1 мая 1887 г.)

«Геологу надлежит указывать подходящие для бурения участки», — постановил Людвиг Нобель. На снимке балаханский геолог работает в конторе с отчетами и картами

Яльмар Шёгрен еще в 1885 г. заинтересовался грязевыми вулканами к югу от Баку. Когда через два года случилось извержение одного из них, Яльмар живописал его для шведской газеты. Оп хотел подойти как можно ближе, что было отнюдь ее безопасно: газами можно было отравиться, а их смесью (грязью, которую выбрасывал вулкан, — обжечься.

Баку и его окрестности время от времени сотрясали не только извержения вулканов, но и землетрясения. Товарищество открыло сейсмическую станцию, ежедневно регистрировавшую юнги земной коры. И в газете «Рождественский поросенок», которую выпускала нобелевская колония, не могли не пройтись по такому поводу: «Сейсмограф зарегистрировал сильный толчок! Но это, оказывается, споткнулся и упал господин Шёвалль. Через несколько дней свалился с лестницы господин Юлленхаммар. С тех пор у нас тишина и спокойствие»

«Излишества, которыми балует меня мой Альфред»

Каждый год братья Нобель с детьми и женами собираются в Стокгольме у матушки — она по-прежнему центр притяжения семьи. Матушка Андриетта живет на старости лет покойно и счастливо. В 1883 г. Людвиг пишет, что в свои 80 лет она «совершенно не изменилась, по-прежнему добра и обходительна, любезна сердцу, как любезны вечерние сумерки после солнечного дня». Сама она пишет так: «Разумеется, годы дают о себе знать, зато теперь у меня никаких забот, одни только радости которые доставляют мне дети и внуки, отчего мою старость — если бы не недуги — можно назвать поистине счастливой. Мои мальчики — самые лучшие сыновья на свете». Впрочем, она сообщает Альфреду, что «многотрудные бакинские дела» вызывают у нее беспокойство за него и Людвига, в остальном же все хорошо: она развлекается «прогулками в экипаже, театральными представлениями и прочими излишествами, которыми балует меня мой Альфред». Из всех сыновей он ее любимец.

В январе 1884 г. она сердечно благодарит Альфреда за подарки к Рождеству: «Серебряные сахарница и лопаточка для торта — ничего подобного у меня в жизни не было, а ведь серебро моя давняя слабость. [...] Спасибо, милый, за все, что ты для меня делал и делаешь! Твоими заботами восьмидесятилетняя старуха получает радость, и если меня мало что уже может развлечь, то ощущение безмерного счастья привносит в мою душу мир и покой. Этим счастьем я обязана своим дорогим детям, которых денно и нощно не упускаю из головы».

Тридцатилетняя война за нефтяной рынок

Многотрудные бакинские дела перерастают в тридцатилетнюю войну за мировые нефтяные рынки.

Создав в 1883 г. БНИТО, Ротшильды стали самым опасным конкурентом из всех, с какими приходилось сталкиваться «Товариществу бр. Нобель». Черноморский порт Батум закипел деятельностью: там работали на полную мощное построенные Ротшильдами заводы, там нагружали и выгружали товар 5 тыс. судов.

Развитие событий в далеком Закавказье стало восприниматься как угроза и Соединенными Штатами, и Европой. Разучивается борьба за обладание нефтяными рынками. Первым се признаком стало обращение братьев Ротшильд Нобелям с вопросом: не интересует ли тех возможное сотрудничество? На переговорах в Париже в мае 1884 г. товарищество представляли Альфред Нобель, Михаил Белямин и Ивар Лагервалль.

Ротшильды сообщили размеры своих активов и долей в перегонных заводах в Австрии, Франции и Испании. Добываемая ими в Баку сырая нефть отгружалась через Батум. Людвиг поручил своим представителям обсудить продажу 25% акций товарищества - незадолго перед этим проводилась оценка его активов, и решено было увеличить уставный капитал до 20 млн. рублей. Людвиг подумывал о новых вложениях в Баку и Батуме — в размере 5 млн. рублей. По-видимому, он надеялся получить часть этой суммы от продажи акций Ротшильдам, а остальное — за счет выпуска облигаций.

Людвиг был «нефтяным королем Баку», а потому чувство-нал себя уверенным и сильным. Молва о его достижениях в России, а также об успехах Альфреда шла по всей Европе. После возобновления переговоров Ротшильды отвергли Людвигово предложение: они хотели иметь либо контрольный пакет акций в «Товариществе бр. Нобель», либо ничего. Людвигу нужно было изыскивать новые способы добыть средства для капиталовложений. Он вступил в переговоры с «Дисконто-банком». Состоялась еще одна встреча с Ротшильдами, Но и она кончилась безрезультатно.

В 1883 г. американский керосин был фактически вытеснен с российского рынка, и тут компания «Стандард ойл» пробудилась от своей самодовольной спячки и стала прощупывать почву насчет объединения. Впрочем, американцы не претендовали на полное завладение товариществом: они считали Людвига с его опытом и связями незаменимым руководителем.

Восприняв все эти события как предупреждение, Людвиг постарался обезопасить себя от новых угроз и попыток отнять завоеванные товариществом территории. Он перезаключил контракты со своими агентами как в России, так и в Европе, а заведовать торговым отделом в главной конторе посадил крепкого начальника по фамилии Гиссер, который состоял в правлении нескольких русских банков и возглавлял санкт- петербургскую транспортную компанию «Шёнман и Шпигель». В Австрии была создана новая торговая организация ЭНИГ, получившая право торговать нефтепродуктами также в Швейцарии и Южной Германии. Вскоре «Товарищество бг> Нобель» охватило своей сетью сбыта всю Северную Европу — за исключением Франции, в которой господствовали Ротшильды. Впрочем, парижская фирма Александра Андре обладала монопольным правом на продажу нобелевских смазочных масел и мазута по всему континенту. Теперь-то Людвиг и заказал океанский пароход «Петролеа», призванный совершать рейсы в Скандинавию, Германию и Бельгию. В Сток-

гольме, Любеке, Свинемюнде[10], Копенгагене и Антверпене были оборудованы крупные склады.

По Черному морю начали курсировать суда «Фергюсонс» и «Свет», оба построенные на Мутальском заводе. «Свет» принадлежал «Российскому обществу пароходства и торговли», которое посрамило скептиков, когда в 1885 г. «Свет» доставил свой груз очищенной нефти прямо в Лондон. Больше всего спроса на нефтепродукты было в России, за ней шли Англия, Германия, Бельгия, Швеция и Дания. Гиссер подумывал о дальнейшей экпансии, когда компания «Стандард ойл» вдруг резко снизила цены. Рокфеллер контролировал более 90% американского рынка и мог позволить себе снижения цеп, разорительные для других фирм, -уловка, к которой он в случае необходимости будет прибегать еще не раз.

«Стандард ойл» главенствовала на нефтяном рынке по всему миру — кроме России. Падение цен немедленно сказалось на сбыте продукции у «Товарищества бр. Нобель», и ни о какой экспансии уже не было речи. Чтобы навредить Нобелям, американцы слали прибегать к саботажу, распространению слухов и подкупу. Для отражения этих нападок Людей? вынужден был обратиться к независимым экспертам из научных кругов. Впрочем, в Англии возникли проблемы уже у «Стандард ойл», поскольку нефть из Огайо была низкого качества и потребители стали высказывать претензии. За несколько следующих лет Людвигу удастся совместно с Ротшильдами — через компанию «Бесслер энд Вэхтер» занять третью часть британского рынка.

«Стандард ойл» ответила учреждением «Англо-американской нефтяной компании» (Anglo – American Petroleum Company) со штаб-квартирой в Англии. Спустя два года был создан филиал и для Германии - «Дойче американише петролеум гезельшафт», ДАПГ. На протяжении долгих лет между БНИТО «Товариществом бр. Нобель» и «Стандард ойл» происходили переговоры в самом разном составе. Догоноренности и обманы, ценовая война, взятки, клевета, сплетни "Промышленный шпионаж - в борьбе за новые европейские рынки все средства были хороши.

[10] Наружная гава н ь для Штетина в прусской провинции Померании. Современное название Свиноуйсьце (Польша).

Густав Тёрнудд в Баку: «Я как сыр в масле катаюсь!»

Густав Тёрнудд приехал в Баку зимой 1882 г. в качестве главного управляющего «Товарищества бр. Нобель». К тому времени две тысячи тамошних служащих занимались под руководством Людвига Нобеля расширением нефтяного производства. Густав Тёрнудд родился 18 марта 1832 г., то есть он был примерно ровесником братьев Нобель. По окончании школы в Выборге набирался практического опыта в мастерских финского города Васы, Санкт-Петербурга и Лондона, где он также учился на конструктора в Столичной школе искусств, Metropolitan School of Arts (прошел там годичный Курс), (дух о талантливом юноше распространился и у него на родине, в Финляндии, так что его приглашали служить во многие хорошие места. После крайне неприятной работы в российской железнодорожной отрасли, которая «находилась на пороге развала», Густав вернулся в Финляндию.

Густав Тёрнудд

Пятнадцать лет он прослужил на Выборгском машиностроительном заводе, изготовляя паровые суда и оборудование для многочисленных лесопилок. Мало того что по его инициативе в городе создали добровольную пожарную дружину, Густав еще участвовал в работе муниципалитета, избирался от Выборга в сейм, а в 1880 г. стал одним из учредителей либеральной партии. Знакомый финляндец, Харальд Берг, был инженером на петербургском заводе Нобеля, и через него Людвиг Нобель предложил Густаву Тёрнудду должность главного управляющего в Баку, которую раньше занимали Роберт Нобель, Карл Улльнер и Альфред Тёриквист. Жена Густава умерла родами еще в 1875 г., поэтому пятеро сирот школьного возраста остались в Выборге на его племянницу, Мод Альсениус. Ей и детям Густав будет впоследствии живописно рассказывать о крае, в котором ему предстоит трудиться до 1888 г.

Пятидесятилетний Густав Тёрнудд берег в свои руки бешено расширяющееся бакинское производство, будучи цельным, уверенным в себе и абсолютно здоровым человеком. Если другие сетуют на болезненность и одолевшие их хвори, рассуждают о длительных курсах лечения на водах и

странных медикаментах, которые им прописал врач, то Густав ноет хвалу себе — он здоров!

К месту службы Густав сначала шесть дней едет из Петербурга на поезде. «Я чувствовал себя превосходно и заглатывал еду, как крокодил!» Во Владикавказе железнодорожная линия кончается, гак что он пересаживается в конные сами. которые и доставляют его по заснеженным горам к Каспийскому морю. Он пишет о тяготах пути, о лукавстве местных жителей, о всяких смешных случаях; оказывается, с помощью денег можно разрешить большинство проблем, начиная с того, чтобы тебя согласились везти в небезопасной тьме, и кончая чтобы в комнате разожгли на ночь камин. Неподкупны были только клопы.

«Лошадь, которую гонят по этой отвратительной, зловонной черной жиже, утопает в ней до середины боков. Я сам видел, как повозки опрокидываются, и слышал, как едущие в них зовут на помощь, дабы не утонуть»

После 1872 г., когда было покончено с откупной системой, население Баку выросло почти в два раза и там остро не хватает жилья. Все помешаны на добыче нефти. «Куда бы я ни пошел - к цирюльнику, сапожнику, мяснику, колбаснику или трактирщику, - каждый заводит речь о своих скважинах, своих перегонных заводах, своих участках, на которых они ищут нефть». Как средоточие торговли. Баку притягивает к себе самые разные народности. «Все держатся за свою нацию и, похоже лаже гордятся ею, благодарят

Господа, что он позволил им родиться среди того народа, к коему они принадлежат, будь то армяне, персы, татары[11], грузины, черкесы, чеченцы, лезгины, осетины, имеретины, туркмены, арабы, негры, текинцы, гурки, греки, русские, итальянцы, французы, румыны, всевозможные немцы, евреи, англичане, американцы, швейцарцы, датчане, шведы пли финны. Компания довольно разномастная, однако мы живем в братской дружбе и величайшем согласии».

Дороги отвратительные. Все товары переносит целая армия мужчин и мальчишек. «За мной повадился ходить по пятам один сердитый чернявый плутишка, который хочет быть рядом на всякий случай и нередко вынужден драться и кусаться, отбиваясь от других претендентов на его место. [...] Я плачу щедрее местных: они обычно дают три копейки, тогда как я даю пять. Пресной воды тут нет, вся более или менее соленая». Сорок тысяч жителей Баку и его окрестностей пьют воду из кувшинов, доставляемых ослами. Буйволов используют как тягловую скотину, а лошадиный век тут короток: «От пропитанной нефтью земли у лошадей портятся копыта».

Издалека прибывают караваны верблюдов. «Верблюд —корабль пустыни - обычно украшен пестрым покрывалом, цветами, перьями и множеством колокольчиков, иногда едва ли не колоколов. Верблюд держится очень важно, словно несет на своих плечах судьбу мира. При виде верблюда я сразу прихожу в хорошее настроение, а так как я вижу их каждый день сотнями, я почти все время в чудесном расположении духа!»

[11] Слово «татары» на всем протяжении книги означает «азербайджанцы», как было принято до революции.

ы погашены, нужно налить в миску нефти (лучше всего нобелевской) и ка

Город ветров доставляет неудобства и завернутым в шелка женщинам, однако Густав делает интересное наблюдение: личико красавицы может приоткрыться даже от небольшого ветра, тогда как для дурнушек требуется вихрь!

Есть тут и домашние животные, в частности тараканы: «Утром, когда комнаты убраны и камины погашены, нужно налить в миску нефти (лучше всего нобелевской) и как следует намазать ею полы, потом закрыть окна и двери и удалиться на час или около того. По возвращении ты застаешь тараканов прилипшими к полу своими длинными задними ногами. В таком положении ты и оставляешь их подыхать или же приканчиваешь молотком. Средство верное, благодаря ему я был избавлен от бессонных ночей».

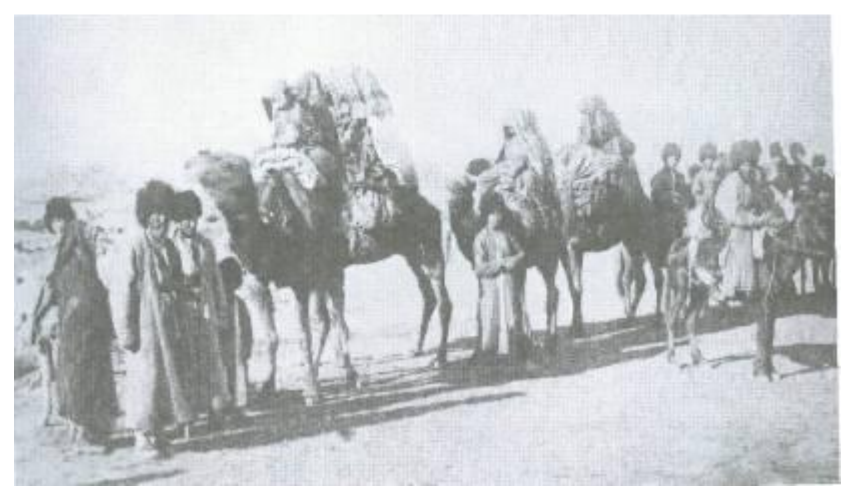
Комариные укусы Густав смазывает нашатырным спиртом. Однажды его кусает саранча. Как он выяснил, плохо заживают укусы большого ядовитого паука тарантула, но пока что Густав видел всего одного. Скорпиона же, которого \-били в конторе, он и вовсе не видал. Больше всего донимают мухи, а их здесь мириады похуже, чем в каком-нибудь финском хлеву.

Высокопоставленный ревизор и иллюминация всего города!

В одно прекрасное утро Густав, направляясь в контору, к своему удивлению видит на улице... метлу! Подумать только, город подметают! Оказывается, ждут с инспекцией кавказского генерал-губернатора князя

Дондукова-Корсакова. Полицмейстер возмущен: «Почему он не может сидеть у себя в Тифлисе и оставить пас в покое?! Гнев его ужасен!»

Густав спрашивает, чем может помочь. Полицмейстер перечисляет: «Вы должны бесплатно выделить городу две тысячи мши нефти, чтобы мы могли полить ею улицы и на время посещения князя избавиться от пыли. Вы должны убрать свой балкон коврами, флагами и китайскими фонариками, об

Караваны верблюдов — на этих кораблях пустыни перевозят товары и людей

учиться во фрак, устроить для его светлости изысканный завтрак с шампанским у скважин в Балаханах, вывесить флаги заводе, насосных станциях и буровых вышках, принять участие в городской иллюминации и жизнью отвечать за соблюдение порядка как на вашей территории, так и на всех прочих!» Густав полагает, что это уж точно входит в обязанности полиции, по нет, у пес хватает других забот! И полицмейстер в сопровождении казаков покидает контору.

Все получилось иначе, чем было задумано. Дондуков-Корсаков отнюдь не дурак и знает, на что горазды вверенные ему люди... Он учиняет проверку не там, где к ней подготовились и всё вылизали, он осматривает учреждения и казармы, которые не должен был видеть, велит провезти себя по улицам, на которые ему лучше было не заглядывать. И гнев его ужасен!

«Наступает моя очередь. Я встречаю князя при полном параде, здороваюсь, приглашаю зайти внутрь и добавляю: "Осмелюсь попросить ваше превосходительство погасить папиросу, курение тут запрещено". Он меряет меня взглядом, все затаили дыхание, а он спрашивает: "Вы какой 6\ лете нации?" "Я финн". — "Ага. Милостивые государи, погасите папиросы!"

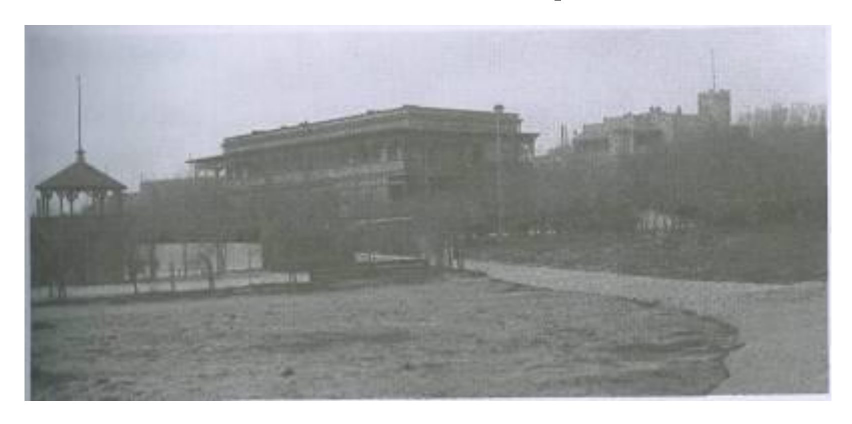
Затем мы обошли завод, и надо мной воссияла Божья благодать, так что и само нобелевское предприятие, и его служащие, и всё к ним относящееся были признаны образцом для всей Российской империи. А потом наступил вечер, когда нужно было устраивать грандиозную иллюминацию».

Первое письменное упоминание о Баку относится к 885 г., однако эти края были обитаемы уже в I в. до н. э. В результате монгольского завоевания в XIV в. образовался тюркский этнос под названием татары, который осел к северу от Черного моря на Волге, в Крыму, на Кавказе, — образуя там ханства. [Это другие татары, не азербайджанцы. — Т.Д.] В Баку жили бок о бок представители разных народов: татары, армяне, евреи, русские. Архитектурный стиль Романовского проспекта свидетельствует о персидском влиянии

«Зрелище получилось невероятное! На склоне горы возвышались две колоссальные литеры — Д и К — в горящем дубовом венке. Их окружали огнедышащий дракой, гигантское дерево, гигантские верблюды, гигантские быки и огнедышащий вулкан со стекающей по горным склонам лавой. Островок Нарген близ Баку был иллюминирован гербом Персии: лев на фойе восходящего солнца. В гавани все суда, от мала до велика, расцвечивались тысячами потешных огней — ракетами и саксонскими колесами, фонтанами и шутихами. Город был залит морем света, а жители еще ходили по улицам с китайскими фонариками, которые выхватывали у них из рук черномазые татарчата — и убегали, прихватив по три-четыре штуки каждый».

В письме от 10 августа 1882 г. Густав Тёрнудд посылает Домой чертеж поселка Петролеа, присовокупляя к нему описание: парк и дома расположены в очаровательной долине, с южной стороны которой возвышаются две горы, живописно спускающиеся к морю. «Нам принадлежит около 10 Уннландов[12] земли, па которой мы возводим поселок

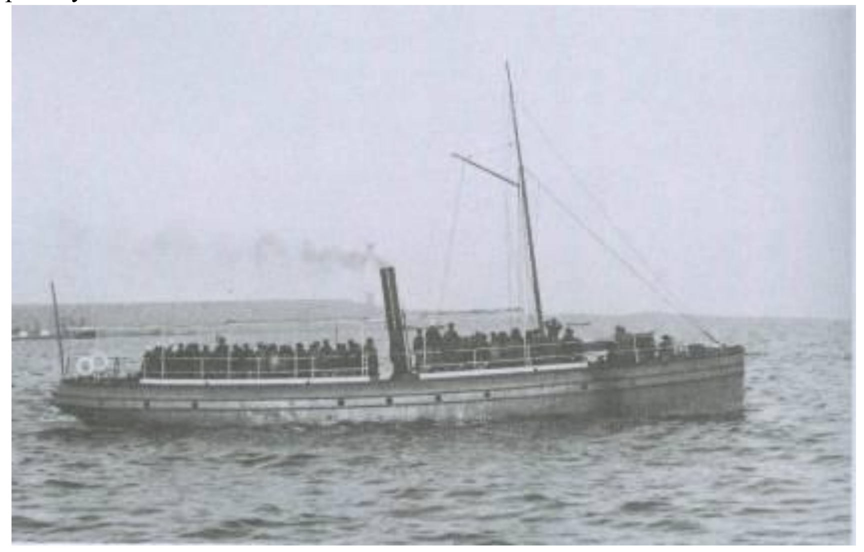
Поселок Вилла Петролеа справа особняк управляющего, слева дом служащих с открытыми верандами. Всего в поселке около 10 зданий. Помимо жилых домов, на территории расположен вместительный театр, клуб, хозяйственно –гигиенические постройки, кегельбан, теннисные корты и т. д Установка для кондиционирования воздуха поддерживает темпера! на уровне 15—20° С

для примерно ста служащих компании. Все дома расположены на одном склоне, так что из каждого окна, обращенного на восток или на юг, видно море — иногда поверх домов, иногда между ними. Все здания сооружаются в византийском стиле из белого, тонко обработанного песчаника, некоторые будут в один, другие в два этажа, а вокруг раскинутся пресные сады и парки. С южной и восточной сторон — как на первом, так и на втором этажах — дома окаймлены изящными просторными верандами. Пресную воду ежедневно доставляют с Волги и заливают в резервуар, откуда она по трубам поступает в кухни, ванные комнаты, к фонта и брандспойнтам». Густав рассказывает обо всем подряд; вот гостиная, кегельбан, хозяйственный блок с ванными ней, прачечной, помещением для катания белья и гладил] ней. Далее идет описание квартир. «Есть также клуб, в котором размещаются ресторан, музыкальный и бальный залы, биллиардная и библиотека с читальней. Погреб до отказа набит льдом с Волги, и этот ледник стал для нас

---

[12] Туннланд- старинная шведская мера площади, равная 4936 кв. м.

истинным спасением. Впоследствии будут построены оранжерея, конюшня, сараи для экипажей, птичий двор, пруды для уток, коровник, свинарник; кроме того, мы надеемся прикупить еще земли и со временем устроить крупное сельскохозяйственное предприятие. С завода к домам подведен газ для приготовления еды и отопления комнат. Освещение и на заводе, и в поселке уже частично электрическое. Телефонная линия тоже есть, но от нее нужно сделать отводе! к каждому из подразделений и в конторы — городскую и в Балаханах».

Из Баку в Черный город и обратно служащих товарищества и других пассажиров перевозит баркас.

«До сих пор сообщение с городом поддерживалось исключительно конными повозками. Теперь мы завели для этого пароход и подали прошение о строительстве электрической железной дороги»

«Чуть было не забыл упомянуть: мы устанавливаем очень Дорогое оборудование, чтобы посредством сжатого воздуха снижать температуру в комнатах "Виллы Петролеа" до 15—20 градусов, то есть нормальной температуры, к которой мы, северяне, привычны. Будет возведена и больница в окружении красивого сада. Мы строим отличную казарму для нашей охраны - 40 человек отборных петербургских гвардейцев, все хорошо вооруженные, а часть к тому же на конях. Разве это в похоже на сказку из "Тысячи и одной ночи"? Тем не менее это правда и подтверждает, что Людвиг Нобель не пожалел удов и средств, чтобы сделать Баку как можно приятнее для нас скандинавов».

«Замечу мимоходом, что перспективы моей службы под началом Людвига Нобеля столь великолепны, что мне и в голову не приходит жалеть о том дне, когда я покинул Выборгский завод. На зиму у Людвига грандиозные планы нового строительства на предприятиях, и я просто потрясен колоссальными суммами, которые ежедневно проходили и проходят через мои руки. Если говорить о деньгах, они исчисляются миллионами, однако и продукции мы выпускаем тоже на миллионы! Производительность

Вино на веранде в компании фру Пауэс, фру Оман, г-на Пауэса и г-на Аландера.

собираются увеличить вдвое по сравнению с теперешней, а еще сооружают заводы для выпуска новых, доселе не виданных продуктов. В создавшихся обстоятельствах да еще при том, что я тут как сыр в масле катаюсь, я посчитал делом чести отказать себе в удовольствии ради исполнения долга!» (Густав не успевает приехать домой.)

Музыканты. По мнению Карла Нобеля, они издают оглушительные звуки, которые «пробирают тебя до костей»

«В ноябре 1882 г. прибыл Эмануэль Нобель, исключительно милый, доброжелательный, порядочный и серьезный молодой человек 23 лет от роду, а также, коли будет на то Божья воля, следующий глава фирмы. По части головы Создатель одарил его менее, чем отца, не наделив в должной степени и Людвиговой энергичностью или настойчивостью.

Если отец, паче чаяния, скончается, на плечи бедняги Эмануля падут безмерный труд и безмерная ответственность, благодаря железной воле и огромному авторитету отца все тут ходят по струнке, но, как только его не станет, каждый из Эмануэлева окружения начнет блюсти собственные интересы — в ущерб общему делу. Разумеется, если я, даст Бог, еще
поживу на свете, то по мере своих сил не дам Нобелевых *де*тей в обиду, и мне кажется, Эмануэль это интуитивно чувствует».

Густаву удается вдвое сократить себестоимость нефтепродуктов. «Это была чудовищная работа — я не жалел ни себя, других, однако был хотя бы здоров и с утра до вечера вертелся как белка в колесе!»

Весной 1883 г. Людвиг Нобель повышает Густаву Тернуддк жалованье. «Конечно, это в высшей степени любезно и щедро с его стороны, ибо я не могу претендовать па что-либо свыше обещанных мне 15 тысяч рублей, но что выкладываться за повышенное жалованье я буду еще больше, тут двух мнений быть не может! Признание Нобелем моих заслуг было настолько дружеским, безоговорочным и доверительным, что у меня потеплело на душе - независимо от денет, которые, понятно, тоже не будут лишними. Здоровье и самочувствие у меня превосходные, только, видит Бог, катастрофически не хватает времени. Надеюсь, недели через две завод будет готов в своем обновленном, помолодевшем виде и тогда

Церковь в Черном городе (снесенная, по-видимому, в 30-х годах)

мы сможем вырабатывать по 35—40 тысяч пудов в день. Если мне удастся заполучить в Баку наши новые суда и начать отгрузку продукции, все будет в порядке. Насколько мне позволено судить самому, я замечательно справился как с возведением нового, так и с перестройкой старого. До сих пор у меня не было ни одного пожара. Все работает как часы, и все предприятие настолько грандиозно и великолепно, что даже я могу быть доволен!» К концу года у товарищества уже 30 скважин, из которых Густав надеется извлечь целое море нефти.

Со временем на помощь приходит Эдвин Бергрот, облегчив неимоверную нагрузку Густава. Вот как тот отзывается О нем: «У Эдвина есть не только голова, но и сердце, а уж кому, как не мне, знать, что личность важнее капитала. Теперь в спокоен. Были кое-какие неприятности, не очень страшные. *В* основном течение событий нарушается лишь пожарами, однако совсем не такими опасными, как, например, изобразила газета «Эстра Финланд». Когда я телеграфировал туда: «Никакого поджога у нас не было, и

казаками завод не охраняется», редактор Лагус пожелал передать мою телеграмму следующим образом: "И в настоящее время казаками завод не охраняется". Откуда он взял это "настоящее время"? Кстати, все сообшения из Баку, которые я видел в финской печати, неверны».

Пока длится навигация, для меня не существует ни воскресных, ни праздничных дней, я тружусь без отдыха. Впрочем неприятностей все равно хватает, в этом году не обошлось без трех пожаров.

Эмануэль Нобель

«Степь охвачена зловещим белым сиянием»

Шведскую публику всегда увлекали рассказы об исследовательских экспедициях в дальние края, Осенью 1880 г. в СТОКГОЛЬМ через Японию и Суэцкий канал вернулись на судне «Нега» Норденшёльд и Паландер, первыми проплывшие Северо-Восточным проходом из Атлантического писана в Тихий. Необъятный мир становился меньше. После возвращения «Беги» об экспедициях в полярные широты стал меч гать и Свен Хедин, еще школьник. 115 России Хедин более известен как Гедин, но уже появились издания, где его фамилия передается более правильно.

Когда весной 1885 т. директор Бесковской школы в Стокгольме спросил новоиспеченного выпускника: «Не хотели бы вы поехать па Каспийское море, в Баку?» -мысли Хедина обратились в другом направлении. «Я и не подозревал, что мне суждено па всю жизнь связать себя с крупнейшим на континентов!

Семь месяцев Свен Хедин пробыл домашним учителем Эрхарда Сандгрена, отец которого был инженером-бурильщиком па Балаханском промысле «Товарищества бр. Нобель». Готовясь к дальней дороге, Хедин прочитал кишу корреспондента «Морнинг пост Чарльза Марвина «Край вечного огня: рассказ о предпринятой в 1883 году поездке в нефтеносный район Каспийского моря» («The Region of the Eternal Fire: an Account of a Journey to the Petroleum Region of the Caspian in 1883»). По словам Марвина, благодаря нобелевским трудам Восточная Европа преобразилась. Организация добычи и продажи российской нефти потребовала невероятных усилий, и справиться с этим мог лишь человек, наделенный редкими талантами Лессепса (строителя Суэцкого капала) или Людвига Нобеля.

Всякую свободную минуту (вен Хедни изучал суперсовременную технику товарищества. ""Бранобель" владеет 75 скважинами, из которых 12 действующих; нефть по тринадцати трубопроводам перекачивается на расположенные у берега перегонные заводы. Поскольку в Балаханах кругом нефтяные озера и канавы, поскольку земля, дома и вышки и буквальном смысле пропитаны нефтью, нетрудно представить себе, сколь велика опасность возгорания. Летом не проходит и недели, чтобы не случился большой или маленький пожар. Чаше всего он возникает но небрежности или от искр п.; котельной. Над Черным городом постоянно висит туча густого черного дыма».

Зрелище, которое описывает Свен Хедин, одновременно впечатляющее и страшное:«Дело было в феврале 1886г., в тихий спокойный вечер. Вдруг послышались вопли: русские кричали "пожар", татары — "янго". Эти слова неизменно вызывают испуг и замешательство. Когда мы выходим на простор, нас ослепляв! море света. Вся степь охвачена зловещим

белым сиянием. На светлом фоне привидениями стоят буровые вышки. В небо вздымаются белесые валы огня и дыма. Первыми па месте происшествия обычно оказываются нобелевские пожарные. Огонь либо тушат, либо дают ему выгореть. И степь опять погружается в непроглядный мрак».

Юный Хедин делится с Людвигом Нобелем СВОИМИ мечтами по изучению Персии. Через много лет Эмануэль и Альфред дадут Хедину денег для путешествий по Азии. Отправляясь в очередное восточное странствие, Хедин нередко заглядывает в Санкт-Петербург, к Нобелям.

Каждый такой случай побуждает меня изобретать новые способы предотвращать катастрофы 17 июля на Балаханском промысле взметнулся огромный фонтан, который снес все преграды на своем пути и бушевал 32 дня, выбросив за это время семь миллионов пудов нефти! Уж будьте уверены, он заставил меня попотеть! Тем не менее дело кончилось на удивление благополучно. Мне удалось не только спасти почти всё, но и заткнуть глотку этой твари, хоть она и противилась до последнего мгновения. Этим сбесившимся чудовищем занималось 400 человек. Когда трубу наконец заглушили, а пробку придавили грузом в пять тысяч пудов, раздалось девятикратное "ура"! Все совершенно измотались. Я давно обещал устроить по окончании сражения грандиозный пир. Татары зарезали чуть ли не стадо баранов. изжарили их на вертеле и заварили чай. Русские раздобыли свою любимую водку и массу того, что они называюI "закуска". И пошел пир горой — с возлияниями, песнями, играми и плясками».

За горами и долами

В разгар жары Людвиг Нобель посылает Тёрнудда поездом на Черное море, в Батум. Товариществу нужна земля для новых предприятий. «Пришлось принимать разные меры предосторожности; прежде всего купили самый большой глиняный горшок, какой только сыскали в Баку. Его обшили во много слоев одеялами и заполнили льдом из подвалов "Виллы Петролеа". Затем упаковали в ящик 100 бутылок зельтерской, перекладывая их опилками и опять-таки льдом». Взяли также по два веера на человека. И вот Густав и землемер Карасев размещаются в салоне первого класса, где тотчас распахивают все окна и двери и опускают все шторы. Жара усиливается, и к концу путешествия оба едут в одних рубашках. Сутки они добираются только до Тифлиса. «Местность приобрел гористый характер, и впервые за почти два года взгляд мог снова ласкала пышная зелень». Их путь лежит мимо золотеющих нив и цветущих долин. Позади остаются развалины ли

рыцарских, то ли разбойничьих замков, орлиные гнезда вершинах утесов. Как явствует из описания, в отвесных скалах высечены целые города. Поезд взбирается все выше, и Густав, забыв про жару, неотрывно смотрит в окно. «Жители здешних гор со своей светлой кожей, белокурыми волосами и голубыми глазами оказались очень похожи на наших северян, а уж или в национальных костюмах были точь-в-точь как деревенские ребятишки в Финляндии».

Они прибывают в бывший турецкий город Батум, где приглядывают подходящих участок и решаются на покупку. Его владелец, Гемий Ахмат Касимаба [возможно, Ганий Ахмат Касим-аба или Касим-баба. - *Т.Д.],* живет в горах. По дороге к нему их останавливает громовой окрик «Стоять!»: сверху, из- за каменного бруствера в чаще леса, поблескивает ружейный ствол. Они знакомятся с Ахматом, почтенным 80-лстиим старцем с длинной седой бородой, восхитительным орлиным носом и голубыми глазами, в которых светится задорный, живой огонек. Происходит обмен любезностями, гостей угощают мацони и кукурузными лепешками, турецким кофе и кальяном. «И тут я выдвинул свое предложение. Неспешно обдумав его, Ахмат сказал, что хочет узнать мнение родни, после чего г, комнату пожаловали не только мужчины, но и прежде остававшиеся невидимыми женщины в чадрах. Я был тем более поражен, когда дело было с ходу решено госпожой Касимаба, которая, выслушав предложение, некоторое время внимательно рассматривала меня, а потом заявила, что нужно согласиться на сделку, поскольку чужемезец ей весьма нравится и наверняка станет кабалетцам[13] добрым и верным другом. [...] [1]Вотличие от других восточных народностей, у кабалетцев женщина пользуется огромным уважением и ее голос в большинстве случаев оказывается решающим. Зато в трудную минуту приходится вставать рядом с мужчиной - не менее его вооруженной и храброй».

«Дикари Стенли освещают себе путь Нобелевым керосином!»

« В улице Людвига Нобеля я обрел хозяина, который всякий раз видит дальше меня и не только на словах, но и на деле осуществляет задуманное, причем столь быстро, что я иногдаподхватил другую из мимоходом брошенных мною, разработал ее и приказал довести до конца.

[13] Имеются виду кобулетцы, как раньше- называли гурийцев.

Мусульманский праздник Шахсей-Вахсей

Первые десять дней месяца мухаррам мусульмане-шииты оплакивают внука пророка Мухаммеда, имама Хусейна, принявшего и VII в. мученическую смерть в иракской пустыне. Эта смерть развела в разные стороны суннитов и шиитов.

Гуннар Дальгрен, уроженец провинции Вермланд, был страстным фотографом и любил наблюдать людей и их обычаи. 6 марта 1907 г. он вместе с еще двумя шведами направляется к одному из зданий «Товарищества бр. Нобель», приспособленному под \рам и по случаю праздника Искупления освещенному рядами глиняных ламп. В сенях гостей встречают двое гагар, которые указывают им места на скамье во внутреннем помещении. Вот что рассказывает Гуннар в своем дневнике:

«Все татары сидели на полу, от стены до стены устланном коврами. Напротив дверей возвышался алтарь со светильниками, цветами и большой чашей с водой. На столбе посреди помещения висела лоска, к которой прикреплялись самые разные предметы, в том числе шелковые платки, фарфоровые чашки, монеты, медали и портреты персидского шаха. На стенах были развешены флаги Персии.

Входя в храм, перс или татарин снимал обувь и ставил ее на полку, после чего преклонял колена либо садился на под со скрещенными ногами. По одну сторону выстроилось человек десять голых до пояса татар, которые в такт речи и пению старика в чалме били себя в грудь - изо всей силы, до крови, так что тело краснело и распухало. Впрочем, не все делали это с одинаковым рвением, кое-кто явно щадил себя. Еще одна группа охаживала

свои спиши железными цепями. Через некоторое время представление закончилось и вперед выступил другой старик в чалме, мулла, который пел, совер*шал* литургию и читал отрывки из Корана, посвященные страданиям Аллаха; помимо всего прочего, он плакал, а с ним плакали и его слушатели. Впереди муллы шел человек, собиравший денежные пожертвования. [...] Прежде чем мулла начал богослужение, по храму разнесли очень сладкий чай, которым угостили и пас. [...] Когда речи муллы нам наскучили, мы покинули храм и разошлись по домам».

Кульминацией этого календарного празднества стал следующий лень в селении Кишли под Баку. Гуннар Дальгрен идет туда со своим фотографическим аппаратом. Уже на подступах к селению слышны крики и гиканье, народ валит валом.

«Показалась группа участников представления. Сначала несли штандарт с доской [...], затем шли три красиво убранных лошади [...] с шелковыми платками и каким-то грузом па спине, груз был покрыт белым полотнищем, испачканным красным соком или иной жидкостью, которая призвана была изображать кровь. Что это был за груз, я не знаю.

Над холкой одной из лошадей торчали две Скрещенные сабли, сзади которых сидел мальчик. Следовавшие далее десять татар в распахнутых черных рубахах колотили себя в грудь. За ними лишалась такая же группа в рубахах, открытых сзади, - эти люди стегали себя но спине железными цепями. По бокам бежали ребятишки и приплясывали музыканты с барабанами и цимбалами. Шествие достигло открытой площадки, где стоял обнесенный высокой стеной храм. На, кришах и стенах расположились зрители: татарки персиянки были закутаны в пестрые покрывала, из –под которых виднелись одни глаза. Некоторые сидели на одеялах, взятых вместо подстилки, многие захватили с собой детей. На площадь подтянулся еще народ, и вот уже по краю свободного пространства началась безудержная пляска. Завели ее несколько мужчин с мечами, кинжалами и палками, которыми они размахивали во все стороны и били себя, не переставая при этом плясать и петь — с криками и гиканьем. По-среди круга оглушительно наяривали на своих инструментах музыканты. Некоторые из Терзавших себя доходили до такого состояния, что их уводили. Они и сами заканчивали пляску, когда совсем умаивались, — это в первую очередь относилось к тем, кто колол себя кинжалом. Под конец все участники собрались перед храмом и мулла произнес речь, после чего церемония завершилась и все разошлись».

Гуннар потрясен. «Самым страшным зрелищем стал для меня мальчонка, ехавший верхом на лошади разумеется, в богато украшенной сбруе. На голове у него зияла рана, из которой по лицу и шее текла кровь; мальчонка громко стонал. Видимо, некоторые самоистязатели получают за

это вознаграждение и снижают чувствительность к боли с помощью опия. Оглушив себя опием и войдя в экстаз, они не знают меры в бичевании, и иногда более трезвым приходится вмешиваться и палками отводить в сторону самые опасные удары. Вероятно, бывают и смертельные случаи от нанесенных ран».

Проклятие всех прочих предприятий — деньги — он казалось, выкапывал из-под земли; как бы то ни было, они в конце концов неизменно являлись, так что наш неутомимый муравейник трудится сутками напролет и на результаты его самоотверженного труда невозможно смотреть без радости, ибо целые поселки возникают словно по мановению волшебной палочки и там, где еще месяц назад была безлюдная пустыня, сегодня, как звезды в ночи, горят тысячи огней. И альфа и омега всего этого Людвиг Нобель. Какой богатырский дух живет в этой хрупкой оболочке и как он умеет заразить своим энтузиазмом всех, кто оказывается с ним рядом; иногда кажется, будто все на свете зависит лишь от желания и воли!»

«Не случайно у нас снова ожидаются грандиозные усовершенствования и стройки. Здесь идут вперед семимильными шагами. Сегодня приходит телеграмма: "Не могли бы вы в 1884 г. произвести столько-то миллионов пудов?" Завтра отсылается ответ: "Могли бы", а послезавтра следующая телеграмма: "Затребуйте необходимые средства и исполняйте"».

«В настоящее время положение таково, что рынок Российской империи целиком зависит от нас, и мы всерьез подумываем о вытеснении американцев не только из Европы, но и из Азии. Теперь взгляды наши устремлены в одну точку — на Батум, и я надеюсь в течение 1884 года наладить оттуда крупные поставки, с одной стороны — в европейские порты, с другой - в Турцию, Египет и Ост-Индию. В мыслях я уже вижу, как нобелевским керосином освещют себе путь в Центральной Африке дикари Стенли».

«Вчера, в самое Рождество, я приобрел для нас дагестанские серные копи, которые в свое время поставляли серу на пороховой завод Шамиля, четверть века сражавшегося с превосходящими русскими силами. Тут все обернулось ка1 в сказке. Для производства керосина нам требуется 100 тысяч пудов серы в год. Сицилийская сера дорожает и становится нам не по карману. Когда положение кажется сове, аховым, объявляются бывшие воины Шамиля и рассказьвают чудесную историю про волшебные горы и нескончаемые запасы серы, запрятанные среди лесов в труднодоступном горном районе Дагестана. Скоренько туда посылают с сопровождением скандинава (т. е. самого Тёрнудда. - *Б. 0.).* В пути сто кормят исключительно ослятиной, а в Баку он возвращается с туземным владельцем горы, после чего

В волшебных горах Дагестана, меж его древних селений нашлись серные копи, которые Нобели и купили

никто оглянуться не успевает, как гора переходит во владение Нобеля! Ура! Ловко мы это спроворили! А сам Нобель тем временем понятия не имеет о происходящем. Впрочем, с чего бы ему быть недовольным, если мы сбережем ему эдак сто тысяч рублей в год?»

Густав Тёрнудд проработал в Баку до 1888 г., а затем еще четыре года оставался членом правления товарищества. Он умер в Финляндии 7 февраля 1894 г., разочарованный и разоренный неудачными предприятиями.

ГЛАВА 3

Райский уголок в Баку

В НАЧАЛЕ 80-Х ГОДОВ XIX ВЕКА условия жизни в Баку были крайне тяжелыми для его обитателей. Зимы там были снежные, летом стояла тропическая жара; то тебя донимал ледяными стрелами ветер норд, то изводили ревущие песчаные бури. Собирали свою дань холера, тиф, малярия и легочные болезни. Потеряв нескольких добрых помощников, Людвиг Нобель понял, что уроженцам северных широт следует создать более комфортные бытовые условия. Густав Тёрнудд оставил подробное описание того, как выглядел поселок Петролеа в 1882 г. Спустя два года строительство было закончено и сотрудники с семьями могли справлять новоселье! За стенами Виллы Петролеа было возведено жилье также для садовников, кучеров и сторожей.

Поселок стал достопримечательностью, подлинным оазисом среди тропической жары и окружавшей Баку бесплодной полупустыни. Благодаря чернозему, привезенному из плодородных окрестностей Ленкорани, и пресной воде, доставляемой с Волги, цвели сады. Питьевой водой жителей обеспечивал опреснитель. В конце весны морем доставляли 800 тонн льда, которого должно было хватить на весь летний сейш. Из порта к нефтеразработкам протянули первую в Баку телефонную линию — компании «Белл».

Людвиг регулярно сообщает Альфреду об успехах товарищества, и вот что он пишет ему из Санкт-Петербурга *\2./г.* мая 1884 г.: «Согласен с тобой: Роберту не стоит ехать в Баку. Я слишком хорошо помню, как он вел себя в Стокгольм в дирекции КНГ (компании «Нитроглицерин»? — *Б- О-)*безо всяких на то оснований оскорбил всех тамошних руководителей. [...] Единственная причина такого поведения - недовольство Роберта тем, что у него более нет в Стокголь*ме* высокой должности, которой он дорожил(…) Я с ужасом вспоминаю его пребывание в Баку, его вспышки гнева и техническую беспомощность. [...] Независимые натуры чувствовали себя рядом с ним скверно, служащие тем паче. [...] Возможно теперь, когда Роберт поправил свое здоровье и упрочил материальное положение, он изменился. Если бы он только мог сохранять спокойствие и вести себя как нормальный человек, я был бы безмерно рад его посещению Баку». Далее Людвиг рассказывает об улучшениях в нефтеперегонном производстве: «Ты, вероятно, помнишь наши так называемые мазутные холодильники, которые принесли нам огромное число пожаров и бед, стоили множества человеческих жизней, остановок производства и финансовых потерь...» Уже

введена непрерывная перегонка, и Людвиг отмечает: «Внедрение непрерывного процесса, о котором было столько споров, стало эпохальным событием! К счастью, мне удалось выправить на него привилегию. Все это я бы с радостью и гордостью показал Роберту, если б не боялся, что эти достижения могут не столько обрадовать, сколько рассердить его. Я очень рад твоему отзыву об Эмануэле, поскольку он действительно приносит мне большую пользу».

От четвертого причала было рукой подать до поселка Петролеа

Письма Людвига в Санкт-Петербург — семье, живущей на Самсониевской набережной, — свидетельствуют о том, каким он был заботливым отцом. Старшие дети выросли в том же просторном особняке, где Эдла одарила Людвига новым выводком. Теперь Эмануэль и Карл вместе с Робертовым сыном Яльмаром работают в товариществе. По дороге в Баку Людвиг пишет в Петербург дочери Анне:

Я заложил «наш городок в надежде, что мы будем окружены зеленью, но, увы из-за недостатка воды надежды мои не сбылись. Удалось лишь разбить цветочные клумбы и небольшой огород. Летом поля стоят сухие, выжженные солнцем. Дождей об эту попе бывает. Зато осенью, зимой и весной дожди идут часто. Тогда все кругом чудесно зеленеет, а воздух напоен чарующими араматами. Вчера ночью был первый дождь, необходимость в ко-

тором чувствовалась уже давно. Особенно воспряли после пего астры и левкои, которые гордо подняли свои пышные соцветия. Надеюсь, в будущем году мы сумеем лучше запастись водой и тогда, с Божьей помощью, осуществится моя мечта о зеленой "Вилле Петролеа", райском уголке в Баку.

Из поселка открывается замечательный вид на синее море и горы, а также на вместительную гавань. Не приходится жаловаться и на безлюдие вокруг, поскольку мимо то и дело проезжают всадники и экипажи. Ну вот, большой лист исписан, а сказать я почти ничего не успел. Прими сердечный привет от своего любящего отца «Людвига».

Карл Нобель

Климат тут лучший на свете и лепешки изумительно вкусные!

В 1884 г. Людвиг привозит на Кавказ своего второго сына, Карла. Как и его старший брат Эмануэль, Карл прошел хорошую подготовку на других предприятиях компании, после чего заведовал производством на машиностроительном заводе в Петербурге. Поездка на Кавказ и длительное пребывание в Баку, чтобы ближе познакомиться с работой «Товарищества бр. Нобель», должны были завершить его образование. По пути в Баку судно задерживается в Астрахани. Карл шлет сестре Анне письма, в которых рассказывает своих впечатлениях, например о посещении виноградника «Без каких-либо сложностей мы попали на виноградник, нам разрешили ходить кругом и даже собирать виноград. Мы не преминули воспользоваться этим и наелись вдосталь. Виноградные лозы тут выращивают очень удобно, их пускаться вверх по стойкам, так что под ними может пройти человек; нам оставалось лишь разевать рты и набивать их ягодами»

Судно продолжает путь в южном направлении и делает остановку в Дербенте, на юге Дагестана, где пассажиры пользуются возможностью сойти на берег. «Здесь я впервые в жизни мог осмотреть мусульманскую мечеть. Мечеть имела солидный возраст в 1109 лет, что, как ты понимаешь, немал Весь пол и частично стены были покрыты коврами. Там и, ковров не было,

стены стояли голые, белые, без каких -либо украшений. Висело только два-три зеркала и столько же часов европейского производства. [...] Что касается персидских верований и прочих обычаев, то о них я имею весьма слабое представление, однако собираюсь узнать больше во время своего пребывания в здешних краях».

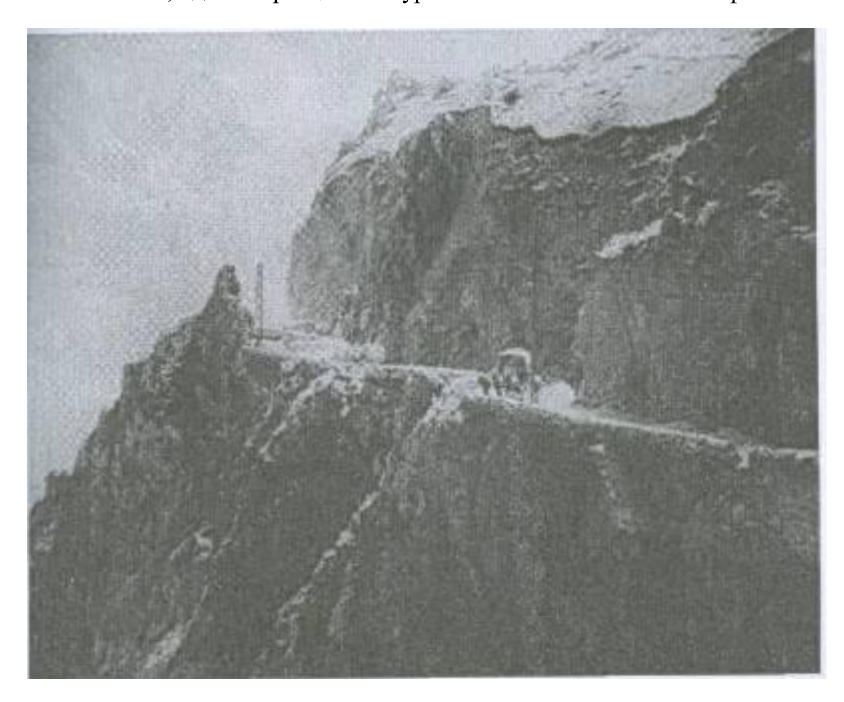
Запыхавшись по дороге к Тифлису, паровоз уже с меньшим напряжением тащил состав среди зеленых гор к Черному морю, в Ватум

Вместе с Густавом Тёрнуддом Карл едет поездом к Черному морю и посылает из Тифлиса открытку Анне, чтобы та посмотрела на кавказцев. Он рассказывает ей о выпечке лепешек: «Как ни примитивен способ их изготовления, лепешки получаются изумительно вкусные, и я не раз, идучи по улице, откусывал от них, заедая виноградом».Описывает он и примитивные орудия, которыми пользуются ремесленники «что свидетельствует о том, насколько их уровень цивилизации ниже нашего, а еще о том. что они не хотят перенимать опыт у других и упорно держатся за старое».

«Ехать из Тифлиса в Батум весьма интересно. Железнодорожная .шипя почти все время идет по глубоким узким долинам, а на горных склонах довольно много растительности, [я человека, едущего из Баку, невероятно приятно. В одном месте дорога очень круто ползет вверх, и на самой высокой ее точке мне повезло увидеть вблизи снег. Судя по всему, это станет

единственным случаем за всю зиму, когда мне пришлось ступить на мерзлую землю».

По возвращении в Баку Карл посещает богатого татарского бека (что примерно соответствует князю), который угощает его обедом. Аштар-бек живет в селении Сабунчи под Балаханами. Нобель арендует значительную часть его земли, где товарищество бурит скважины в поисках нефти.

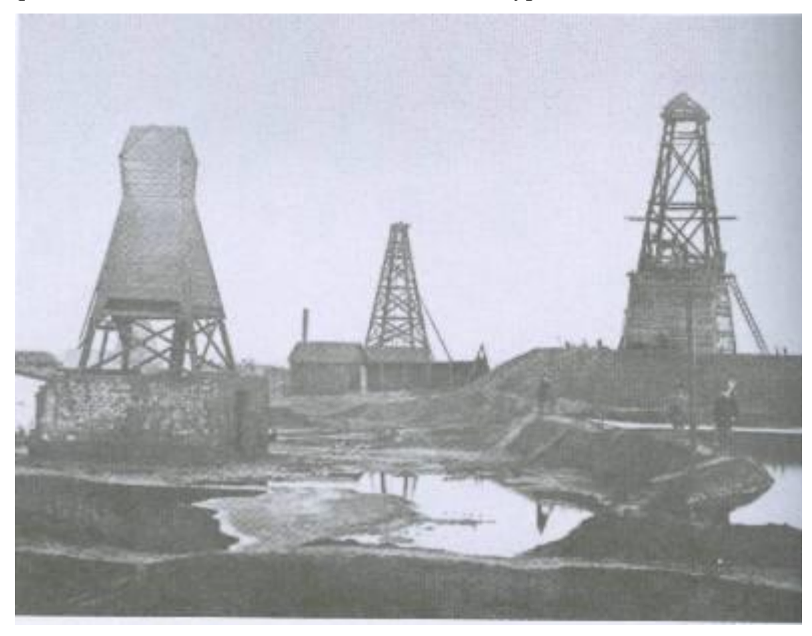

На копной повозке по дорог вьющейся среди утесов и обрывов

Помимо всего прочего, гостей у Аштар-бека потчуют национальной музыкой. «Игравший на скрипке старик был неплох. Время от времени он подхватывал песню, которую исполнял второй музыкант, и это было очень лаже недурственно, но когда тот пел один, аккомпанируя себе на барабане, оглушительные звуки, прямо скажем, пробирали тебя до костей. Такое пение мы скорее назвали бы криком, мелодий же монотонны и печальны, хотя посвящены в основном любви».

Застольный этикет у татар своеобразен. «Наш хозяин и еще один татарин сидели за столом с нами, и оба, чтобы продемонстрировать свою воспитанность, ели ножом и вилкой, однако явно чувствовали себя стесненно

и пользовались и крайне неумело. Остальные татары сидели на полу, где – для них было накрыто отдельно, и тут ни о какой стесненности речи не было (…). С супом они справлялись следующим манером: кусок лепешки, макали в суп и съедали. Зато мясо и рисом поглощали, безо всякого загребая рис горстью и отправляя в рот. Такой способ был не слишком аппетитен. Впрочем, до и после каждой еды татары обычно моют руки. Сидят они всегда на полу и по-турецки скрестив ноги (…) Если их просишь сесть на стул, они, взобравшись на него, опять – таки садятся по-турецки».

Нобелевские буровые вышки, 1883 г.

Сегодня рождественский сочельник, 24 декабря 1884 г. Карл сообщает Анне, что за последние годы пи разу не справлял Рождество в Петербурге - слишком надолго уезжал то на запад то на восток. И все же это первое Рождество, которое и встречает даже без ближайшей родни. «В Стокгольме я не чувствовал себя одиноким, потому что там у меня бабушка, двоюродные братья и сестры, много друзей. [...] Теперь я живу в Балаханах, по третьего дня ездил верхами в поселок Петролеа, к инженеру Тёрнудду, который пригласил меня провести у них сочельник. Собрались мы все вместе только к обеду, и стол ломился от рождественского угощения, а потом старики, то бишь инженеры Тёрнудд и Бергрот, долго беседовали, а я, как

пай-мальчик, сидел рядом и спутал захватывающие истории про разбойников и грабителей».

16 марта 1885 г. Карл снова пишет Анне: «Время бежит быстро. [...] Этому немало способствует ощущение, что мне хорошо. [...] Весть о том, что сюда собирается приехать Я.11.мар, очень меня обрадовала. Интересно, возьмет ли он с собой Сигрид. Мне кажется, ей хорошо провести лето в Баку, она бы гут живо избавилась от излишней полноты и боли 11 коленях».

Анна Нобель

Когда «Товарищество 6р. Нобель» посещает английский журналист и художник Уильям Симпсон, его проводником становится Карл. «Симпсон 35 лет путешествует по всему земному шару и участвовал во многих войнах. Теперь он едет из Афганистана, по поводу которого у русских с англичанами вот-вот будет драка». Карл показывает англичанину перегонный завод поселок Петролеа, Балаханы и храм огня в Сураханах. «А теперь внимательно следи за «Иллюстрейтед Лондон ньюс», - сказал Уильям Симпсон, — глядишь, через несколько месяцев там появятся виды Баку». И действительно, в номерах 21 ноября 1883 г. и 5 июня 1884 г. были напечатаны его статье и рисунки.

В свое время Альфред категорически отказался приехать к Роберту в Баку, поскольку считал тамошний климат ужасным, о чем и писал брату: «Соблазнить меня могла бы встреча с тобой и, вероятно, с Людвигом, но безводная, пропыленная, загаженная нефтью пустыня меня ни в коем случае соблазняет. Я предпочитаю жить среди кустов и деревьев - безгласных друзей, уважающих мои слабые нервы, - и, сколько возможно, избегать как больших городов, так и пустыней».

У Карла Нобеля иное мнение: «Климат туг вовсе не такой Скверный, как обычно рассказывают, напротив, многие здесь лаже утверждают, что он лучший на свете. К примеру, такой прекрасной, такой замечательной погоды, какая стоит теперь, почти не бывает в жаркое время года в Петербурге».

Англичане долго не проявляли интереса к бакинским нефтяным месторождениям, так что публикация в «Иллюстрейтед Лондон ньюс» в ноябре 1883 г. стала для них откровением. Рассказывая о своем посещении Баку, журналист и художник Уильям Симпсон цитирует Чарльза Марвина, который писал, что в 1872 г. в Баку перегоняли 16 400 тонн нефти, а к 1883 г. этот показатель достиг 205 тыс. тонн. Чарльз Марвин впервые представил в цифрах то, о чем другие наблюдатели лишь догадывались

Климат тут лучший на свете», - считает Карл Нобель. Правда, от землемрясений рушатся дома и мечети

ГЛАВА 4

Крах компании — дело времени!

ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО НЕФТИ ПРИВЕЛО к снижении, цен на нес и в новом, 1886-м, году. До Парижа - и Альфреда— дошли распространившиеся в печати и на европейских биржах слухи о том, что «Товарищество бр. Нобель» приостановило выплаты по обязательствам. Берлинский банк «Хандельс- унд дисконто-гезельшафт» отказался от опциона на недавно выпущенные в обращение акции, и Людвиг вынужден был скупить довольно много из них сам.

Альфред не сомневался, что компания стоит па грани финансового краха, а коммерсанты с хорошим деловым нюхом начали подозревать, что на рынке скоро станет одним конкурентом меньше. Ранее в Баку приезжал инспектировать ротшильдовские предприятия Жюль Арон, который воспользовался этой возможностью, чтобы заглянуть и в «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель». В сентябре 188") г. весьма опытный представитель «Стандард ойл» Уильям Герберт Либби обсуждал с Людвигом в Петербурге покупку большого пакета акций в «Товариществе бр. Нобель». На следующий год переговоры были продолжены в Париже и Вене.

Альфред уже несколько лет старался собрать свои разрозненные фирмы под одной крышей — по примеру Джона Д. Рокфеллера, создавшего в 1881 г. «Стандард ойл траст». Альфред понимал, что для преобразований понадобятся крупные суммы, причем скоро. А две трети его имущества было вложено в нефтяные акции, у брата Людвига, которому прочили банкротство. Вот что пишет ему Людвиг 8/20 марта 1886 г.

«Любезный брат Альфред! [...] В настоящее время [...] мы не должны ни банкам, ни частным банкирам ни одной копейки. У нас е обязательства по векселям (долги за железо, соду, серу, различные материалы и проч.), которые составляют на данный момент 242 тысячи рублей, - срок оплаты по ним в основном подойдет еще не °' Невзирая на это, в определенных кругах развернута систематическая планомерная кампания по оговору нашего предприятия. (Группа нефтяных магнатов задумала провести нефтепровод из Баку в Батум, чтобы вытеснить с рынка монополистов Нобелей. – Б.О.) Эта кампания (...) ведется с невероятной беззастенчивостью. Здесь стишком большой простор для взяточничества».

Постскриптум от 29 марта:

«Мне приятно сообщить тебе, что впредь мы сможем получать деньги из Государственного банка под залог керосина. Другое радостное обстоятельство заключается в том, что мы наконец добились права возить свою продукцию по Закавказской железной дороге и сможем транспортировать этим путем большое количество нефти».

16 апреля 1886 г. Альфред отвечает ему с австрийского курорта Бад-Ишль:

«Дорогой брат Людвиг! Похоже, что нам примерно в одно время удалось создать синдикаты: мне — динамитный, тебе — нефтяной. Поздравляю с этим достижением. [...] Я еще не знаю, придется ли тревожить тебя насчет оформления некоторых векселей, поскольку мне необходимо выкупить акции гамбургского "Динамита"; во всяком случае, требуемая сумма будет гораздо меньше той, какую я исчислил прежде. Поскольку мне удалось создать синдикат для выкупа этих акций, теперь остается внести не более одной пятой всей суммы».

3 июня 1886 г. Людвиг уже в Баку:

«Любезный брат Альфред! (...) Лагервалль скоро поедет через Одессу в Париж, так что будет возможность устно доложить тебе о всем, что может тебя интересовать. Из-за перепроизводства низких пен положение у всех отнюдь не блестящее. (...) Посему мне пришлось провести в нашей компании вызванные конкуренцией Финансовые преобразования. Нет ничего хуже необходимости снижать сотрудникам жалованье и лишать их некоторых льгот (…) Проводить технические усовершенствования более нежно, теперь остается лишь сократить управленческий аппарат и создать синдикат для сбыта продукции. [...] Недавно Эмануэль телеграфировал, что ты требуешь вложенные деньги либо векселя. [...] Ты наверняка понимаешь, насколько неудобной была бы для нас выплата наличных в период, когда у нас самые крупные расходы и наименьшие доходы: в разгар лета.

Не знаю, что ты думаешь о положении дел на мировом рынке; вероятно, человек бездетны?! (вроде тебя) может иметь о нем другое представление, нежели тот, кто обременен многочисленным семейством (вроде меня). [...] Я всегда пользуюсь случаем объяснить и показать, насколько сложно заставить капитал приносить плоды, если не прилагать к этому достаточно трудов и забот. Капитал в виде наличности, которую оставляют в наследство детям, это чистый разврат. Капитал, вложенный в промышленность, может быть хорошим оружием в борьбе за существование, однако тот, кто надеется, что его капитал будет [приумножаться? — *Т.Д.]* без упорной работы, вскоре остается ни с чем».

Людвиг рад, что Эмануэль намерен в одиночку провести собрание пайщиков и совет:

«На собственном примере могу утверждать, что получил большую пользу от неудач и что упорная борьба за достижение цели научила меня гораздо большему, чем легкие победы. Теперь у меня гостит Робертов сын Яльмар, и я не упускаю случая внушить ему мысль о том, что будущее его брата и сестер зависит от благополучия нашей грандиозной компании, а потому он — как и Эмануэль с Карлом — обязан, не жался усилий и времени, трудиться на благо предприятия».

По словам Людвига, Яльмар поддается внушению: он готов и может приносить пользу. Юноша наделен трезвым умом и наблюдательностью. К тому же он легко овладел русским языком. Людвиг также рассказывает, что его младший сын, Карл, за год пребывания в Баку завоевал всеобщие симпатии и далеко пойдет. «Прости, дорогой Альфред, что я невольно перевел разговор на детей, но ведь будущее принадлежит не нам, а им, и зависит оно тоже от них. Преданный тебе Людвиг».

За весну давление на Альфреда возрастает, и он все больше раздражается.

24 июня 1886 г. Альфред пишет из Парижа Эмануэлю, что не может и дальше выполнять свои обязанности члена совета (куда его «ввели без спросу»), поскольку едва ли не все его время уходит на собственные компании. А «долгие и утомительные поездки в Санкт-Петербург» лишь усугубляют положение. «Ваше российское предприятие доставляет мне много беспокойств, не говоря уже о колоссальных убытках от него, парализующих все мои начинания». И далее:

«Все сожалеют, что их втянули в это безнадежное предприятие, которое дает прибыль в 2%, но не может выплачивать даже их. Сам я почту себя счастливцем, если судьба позволит мне выпутаться из всего этого, потеряв в рублях миллион или полтора. [...] Неопределенность для меня страшнее убытков, поскольку она препятствует осуществлению моих планов и делает мое положение в динамитных компаниях крайне затруднительным. Пришла пора объединить их все под одной крышей, для чего прежние акции следует заменить па акции, которые будут выпущены одним крупным — головным — акционерным обществом. Оно будет создано примерно к 15 июля, может быть, чуть позже. Тогда мне необходимо иметь в распоряжении несуществующие средства, посему я вынужден просить "Товарищество братьев Нобель" выплатить мне векселями долг по моему текущему счету».

На другой день, 25 июня, Альфред отправляет новое письмо:

«В дополнение ко вчерашнему хочу сообщить, что ради обретения свободных средств я продал почти все поддававшиеся реализации ценные бумаги. Я даже расстался — но весьма низкой цене — с частью акций шведского "Динамита". [...] Этим посланием я хочу объяснить тебе, насколько остро нуждаюсь в деньгах, чтобы вы там не просто приобщили мое ходатайство ad acta»[14].

Людвиг пишет «милому брату Альфреду» пространный ответ, в котором выражает свою философию предпринимателя. Письмо послано из Финляндии, с дачи в Лауритсале:

«Недавно Роберт потребовал остаток своего пая в Товариществе — 6 тысяч английских фунтов, причем не заикнувшись об этом заранее. Ты отказался от места в совете, так что пришлось подбирать человека тебе на замену. Все это совпало с периодом, когда мы не можем выплачивать дивиденды из-за невыгодной конъюнктуры и когда компании необходимы все имеющиеся средства, дабы избежать обращения за ссудой к посторонним лицам. Этими обстоятельствами воспользовались паши недруги, представившие их в таком свете, чтобы как можно больше навредить Товариществу и лишить его всякого доверия. Все это отразилось прежде всего лично на мне. Я всегда брал на себя полноту ответственности за наше предприятие как в финансовом, так и в моральном отношении; любое покушение на нашу честь на нашу репутацию рикошетом попадает в меня. Я уже десять лег считаю себя рабом компании и отдаю ей свое время, свое здоровье, свое душевное спокойствие. Российские газеты клеймили меня, называли монополистом и капиталистом, а в России это даже скорее, чем в Западной Европе, равносильно объявлению тебя преступником, который подлежит всеобщему преследованию. Пострадала моя репутация, и это в конце концов повлияло на кредиты, ведь народ оповестили, что я вложил в Товарищество большую часть своих средств. Все это Роберт должен знать не хуже других, поскольку своим рабством и своими жертвами я обязан в первую очередь ему. Он должен также не хуже других знать, что, несмотря на вышесказанное, наше предприятие крепко стоит па ногах — настолько крепко, насколько вообще может стоять промышленное предприятие. Тем не менее ходят слухи о том, что он позволяет себе безрассудно высказывать недовольство и недоверие, тем самым пороча компанию. Промышленное производство связано с конъюнктурой, за прибыльными годами неизменно следуют скудные, а потому здравомыслящий

[14] К делу (лат).

человек не должен отчаиваться, отмежевываться и думать только о спасении собственной шкуры.

Сам понимаешь, меня вынуждают к таким словам горькие чувства, вызванные твоим отношением. Будь в моем распоряжении средства, чтобы удовлетворить твои требования, я бы, право, не стал хвататься за перо и выкладывать все эти малоприятные соображения. Я бы предпочел продать дома и остальное имущество, по в Петербурге теперь никто ничего не покупает. Тут воцарился застой, утрачены надежды на будущее, в банках полным-полно лежащих втуне денег.

Когда на прошлое Рождество наши конкуренты (германские евреи, торгующие американским керосином) придумали этот трюк — в одно и то же время распространить на биржах Нью-Йорка, Берлина, Штеттина и Бремена телеграмму о том, что Нобель прекратил в Петербурге выплаты но обязательствам, — это лишь незначительно сказалось на доверии к компании.

Русских патриотов, входящих в советы российских банков, хлебом не корми, дай уронить в чужом мнении иностранца — шведа, которого допустили сыграть важную роль в промышленном производстве. Евреи, чье влияние там преобладает, не могут простить мне стремления к независимости и того, что я не хочу позволить евреям прибрать к рукам весь сбыт нефти. Так что вопли против монополиста идут из русского стана, тогда как евреи пытаются навредить нам с другой стороны подрывом нашей репутации.

Между тем дела "Товарищества бр. Нобель" обстоят совсем неплохо. Разумеется, выплачивать дивиденды было бы опрометчиво, поскольку, учитывая преследования, которым мы систематически подвергаемся, следует приберечь все имеющиеся средства, дабы не зависеть от кредитов, и вообрази, как докучливы могли бы стать некоторые акционеры во главе с Бильдерлингом, если бы мы решились на выплату.

[...] Так что нет ничего естественнее моей просьбы к вам обоим, с кем мы вместе учредили это Товарищество и чью фамилию оно носит", не бросайте его, а спокойно подождите до лучших времен. Разумеется, Роберт с каждым годом играет все менее значительную роль, тогда как твоя роль решающая. Посему прошу тебя оказать мне услугу, оставив удовлетворение твоего ходатайства на мое личное усмотрение и подождав, пока я достану ссуду в другом месте. В качестве залога предлагаю тебе, помимо акций нашего Товарищества, ипотеку на мой особняк в Петербурге. Я бы хотел впоследствии продать его, но любой шаг в этом направлении используется нашими врагами для дискредитации Товарищества, а у этой своры в распоряжении наша продажная [...] пресса, против которой я бессилен, как бы ни клокотал гневом. Во всех прочих отношениях ты можешь быть совершенно спокоен, уверяю тебя. [...] Я знаю, что мы расходимся во мнениях о том, как следует руководить промышленными предприятиями. Я ничего не понимаю в

спекуляциях и не доверяю биржевой игре, полагаясь исключительно на работу и считая, что только честным трудом можно поставить компанию на ноги. Я верю как в этот принцип, так и в самого себя, и у меня хватит терпения дождаться плодов своего труда. На своем веку я многажды подвергал проверке сей принцип и всякий раз убеждался в его справедливости. А когда ты не один, когда кругом акционеры, теряющиеся при первой неудаче, тем более важно верить в победу труда, настойчивости и предусмотрительности, поскольку пессимистов, которые все видят в черном свете, у нас хватает. За будущее же нашего предприятия я спокоен. Разумеется, нужно дать некоторое время па то, чтобы образовавшийся избыток продукции был поглощен растущим спросом. Но наша компания имеет преимущества по сравнению с большинством и, когда наступят лучшие времена, начнет пожинать плоды раньше других. [...] Короче говоря, мне требуется твое содействие, чтобы помочь Товариществу, на счету которого в государственном банке два миллиона рублей — моими хлопотами.

Осенью я, по обыкновению, собираюсь денька на два в Стокгольм, проведать матушку. Преданный тебе Людвиг.

P.S. Мы получили право выпустить облигации, но я не вижу в этом ни малейшей необходимости».

Альфред снова в Бад-Ишле, откуда в августе 1886 г. приходит очередное письмо от него:

«Братец Людвиг! Ты совершенно напрасно упрекаешь меня в том, что я "отмежевываюсь и думаю только о спасении собственной шкуры". В таком случае ты [...] забываешь, что, требуя возвращения долга, я не только пребывай в неведении о материальных и кредитных затруднениях компании, но, напротив, накануне [...] получил уведомление о том, что Государственный банк и железнодорожная компания готовы ссудить предприятию столь крупные суммы, что тебе придется отказаться от предложения последней».

Людвигу следовало бы вернуть заем, предоставленный Альфредом, но не выплачивать дивиденды акционерам. Далее Альфред обиженно пишет, что того гляди ввергнет себя в

«нищету ради того, чтобы "Товарищество бр. Нобель" обанкротилось чуть медленнее. Ибо, обоснованно или нет, только я совершенно убежден, что крах компании — лишь дело времени. Я не раз дивился множеству счастливых случайностей (чего стоят три моих миллиона, два — Государственного банка и четыре с половиной — "Дисконто-гезельшафт"), которые позволили Товариществу так долго держаться на плаву».

Ему необходимы свободные средства, объясняет Альфред. *Он* также принимает предложение о закладе Людвигова дома. Поскольку это

«один из способов достать средства, которые мне могут понадобиться, я с готовностью соглашаюсь на него. Хоть ты, по собственному выражению, и говоришь "малоприятные вещи", я прекрасно понимаю твое отнюдь не безоблачное настроение. в котором люди не склонны взвешивать свои слова.

Сердечный привет всем от преданного тебе Альфреда».

29 августа Альфред опять пишет из Бад-Ишля:

«Милый брат Людвиг! Перед отъездом в Баку ты сообщил мне, что Государственный банк и железнодорожная компания открыли такие кредиты, что ты даже не сумеешь воспользоваться их [...] предложениями. Из чего я сделал естественный вывод, что твоя компания имеет избыток денежных средств и вполне могла бы вернуть мне долг. [...] Если Товарищество считает, что оно может просто-напросто игнорировать меня, то я скажу: не на того напали. Я вполне могу перевести свое ходатайство в какой-нибудь банк, и тогда компания (...) вынуждена будет обращаться со мной более любезно. А теперь — о "Динамите"...

С сердечным приветом к твоим близким, преданный тебе Альфред».

22 августа/3 сентября 1886 г. Людвиг вернулся в Санкт-Петербург.

«Милый брат Альфред! Твое письмо из Ишля от 29 августа только что прибыло. К величайшему сожалению, я вижу, ты меня опять понял превратно, истолковав мое сообщение, как если бы нам открыли кредит и банк, и железная дорога. Кредит можно было бы получить у одного из этих учреждений, но в любом случае он покрывал лишь транспортные расходы и предоставлялся под залог перевозимой продукции. Ты упоминаешь о письме к Эмануэлю от 30 июля. Не знаю, дошло ли до него это письмо, но хорошо помню его удивление по поводу того, что он не имеет от тебя сведений и ответов на свои вопросы. Эмануэль теперь полезнее для меня в Швеции, так что придется подождать с выяснением обстоятельств до личной встречи с ним. Твое предположение о том, что Товарищество хочет тебя проигнорировать, совершенно безосновательно. [Недоразумение будет выяснено по возвращении Эмануэля в Петербург. — *Б. О.]* Я терпеть не могу ссор, и мне совсем не трудно извиниться, если по моей ли вине или по вине кого-то из моих подчиненных мы причинили тебе неприятность».

Альфред шлет из Бад-Ишля телеграмму, где сообщает о письме, которое вот-вот должно от него прийти. Людвиг, отложив поездку в Швецию, пишет 1/13 сентября 1886 г. из Санкт-Петербурга:

«Братец Альфред! Моя поездка в Стокгольм была сорвана твоим письмом из Ишля от 3 сентября. Поначалу содержание его страшно меня разозлило, но теперь я остался, чтобы раздобыть затребованные тобой сведения о ломах. По зрелом размышлении мне кажется, что ты пребываешь в удручающем расположении духа, иначе невозможно объяснить твои излияния ведь ты обрушил на нас ушаты несправедливых и голословных обвинений. [...] Я, однако, не могу оставить без внимания вопрос о нравственной подоплеке твоего и Робертова отношения ко мне и моему предприятию. Как ты прекрасно знаешь, Роберту есть за что меня благодарить. Тем не менее он пользуется любым случаем очернить и опорочить мою репутацию, а также оговорить тех, кто совместно со мной трудится не покладая рук ради его же блага. Высказывания, которые он позволял себе перед посторонними людьми, в том числе перед зарубежными банкирами, нанесли мне колоссальный ущерб, и ущерб этот был бы еще больше, если бы неестественность наших отношений не заставила многих усомниться в его отзывах. Роберт болен, но худший из его недугов — зависть, и она не излечилась никакими курортами. [...] Гораздо важнее отношения с тобой [.,.], оброненные вскользь слова разносятся недоброжелателями по всему свету и подрывают до-верпе к нашей компании. Лишь ты можешь судить, насколько обоснованно подобное суждение. Вероятно, следует напомнить тебе, что компания па две трети принадлежит нашему семейству и что подлинные се кредиторы — мы, в том числе я сам».

Людвигу наскучило просвещать Альфреда, тем более что со стороны брата он «наблюдал [...] лишь склонность истолковывать все факты наимрачнейшим образом, отчего и здоровому человеку недолго заделаться пессимистом». Письмо из Санкт-Петербурга от 2/14 сентября 1886 г.:

«Милый браг Альфред! Анализируя твое письмо от 3 сентября и доискиваясь причины сего докучливого послания, я нахожу, что оно было продиктовано преувеличенным страхом финансовых потерь и удивительной для меня неосведомленностью в отношении свойств и положения нашего предприятия. Посему я пропущу мимо ушей все нападки личною характера и постараюсь снабдить тебя как заимодавца и пайщика темп сведениями, которые я всегда готов предоставить любому из акционеров нашего предприятия».

Людвиг обещает в самом скором времени выслать Альфреду финансовый отчет, пока же хочет напомнить брату, что

Людвиг Нобель в домен кабинете на Самсониевской набережной

«...наша компания распадается на несколько частей, каждую из которых можно считать отдельным предприятием, [...] однако они образуют единую сне тему. От американских компаний она отличается прежде всего тем, что, не прибегая к бочкам, мы должны иметь собственные средства перевозки и хранения, для чего требуется Вкладывать собственный капитал, тогда как американцы, поставляющие продукцию в бочковой таре, могут использовать уже существующие па мировом рынке транспортные средства. В американской системе капиталовложения в перевозку, хранение и сбыт продукции делаются из общественных средств. Разумеется, то, что там есть спекулянты, всегда готовьте купить товар, пусть даже чтобы спекулировать им, — большое преимущество, но это не значит, что моя система неправильна пли менее рентабельна. В целом производство и сбыт товара по моей системе требует меньших затрат, чем по американской. [...] Так что системы отличаются прежде всего тем, что мою нельзя с выгодой применять в малом масштабе, нельзя использовать наполовину, она обязана быть полной. Кроме того, нефтепродукты должны быть ровными по качеству, поскольку предусматривается их смешение, которого просто невозможно избежать.

Теперь спрашивается: неужели столь выгодная система не должна воплощаться лишь потому, что требует крупного капитала? Говорят, что в

американскую нефтяную промышленность вложено 400 миллионов долларов. Говорят, что компания "Стандард ойл" располагает 80 миллионами долларов и тем не менее в основном рассчитывает на спекулянтов. Мне это известно непосредственно от представителей сей могущественной компании которые в настоящее время находятся здесь, а послали их сюда чтобы достигнуть соглашения с нами. В нашем предприятии (которое, однако же, не сумело бы обслужить всю Россию, если бы конкуренты не позаимствовали мою систему) задействовано около 25 миллионов рублей. Один из ведущих наших финансистов, директор Учетного банка Зак, сказал: "У нобелевской компании всего один изъян — она недостаточно большая". А народ кричит, что она "слишком большая". Кто же прав?

Что система хорошо продумана и прекрасно воплощается, доказывает бешеная поспешность, с которой конкуренты бросаются копировать мои новшества. Пока я развивал свои идеи чисто теоретически, меня поднимали на смех. Я предложил пароходствам и железным дорогам присоединиться к моей системе, но их представители, покачав головами, отказались. Когда я сам воплотил в жизнь систему и продемонстрировал ее преимущества, когда я построил все необходимое, чтобы удовлетворить спрос на российском рынке, мою правоту мгновенно признали и пароходные компании кинулись сооружать суда по моим идеям, а железные дороги — строить вагоны-цистерны и резервуары (к сожалению, выправить патент на систему оказалось невозможно). Теперь они работают совместно. Не могу сказать, что они нам мешают своей конкуренцией: если они не станут менять действующих цен, дополнительные танкеры, хранилища и железнодорожные цистерны только на пользу делу. В целом мы работаем в лучших условиях, так как перевозим собственный товар и можем полноценнее использовать вагоны. Кроме того, расчеты доказывают, что эта часть предприятия весьма рентабельна, а конкуренция тут не больше, чем в любой другой отрасли мировой промышленности. Естественно, процент, который приходится платить по займам, невысок, поскольку риски по вкладам в эту область производства считаются крайне малыми.

Что же тогда вызывает тревогу и настолько ослепляет людей, что они готовы поверить в крах компании? Перепроизводство нефти. При добыче в 25 миллионов спрос существует не более чем на двадцать. Как известно, мелкомасштабное производство не окупается, а потому всякий норовит расширить свое предприятие, надеясь количеством компенсировать потери от низкой цены, однако из-за перепроизводства часть товара оказывается невозможно продать, и цена падает все ниже. Со временем достигается ее нижний предел, и некоторые промышленники вынуждены сойти с дистанции. Какие именно — мелкие, у которых не хватает средств, или крупные и благополучные?

Теперь снижение цен дошло до нижней точки, поскольку мелкие и средние производители вопиют о потерях и разорении. Само собой, виноват

Нобель. В добрые старые времена, когда вся нефть поставлялась в бочках, она стоила 3—4 рубля, а потом заявился этот иностранец со своим капиталом и своими чертовыми новшествами. Жалобы перекочевывают в газеты и превращаются в ненавистническое преследование. Всеобщий стон по поводу ущерба, плохих времен, плохих цен и т. п. подрывает доверие к нефтяной промышленности, низводит ее до смехотворного уровня. Я тут беседовал с одним недальновидным банкиром, считающим керосин вещью совершенно никчёмной, и поинтересовался у того: уж не поведал ли ему какой-нибудь астроном о скором появлении нового солнца, что будет светить по ночам?

Итак, вопрос о необходимости и рентабельности нашего предприятия сводится к другому вопросу: возможно ли для нас извлекать прибыль из производства нефти? Без колебаний отвечаю: мы могли бы вырабатывать самую дешевую нефть в мире, но при условии, что наши заводы станут действовать на полную мощность. Для этого нужно лишь использовать уже имеющиеся технические средства и расширять сбыт. Пока мы держимся высоких цен и низкого сбыта, мы играем на руку конкурентам и ухудшаем собственное положение. Трудясь в полную силу, мы могли бы производить и транспортировать свой товар с наименьшими издержками. Почему же мы последовательно не проводим в жизнь эту систему? Да потому, что для этого необходим более крупный оборотный капитал, завести же его нам упорно не дают — с одной стороны, общественность, которая кричит, что "компания слишком большая", а с другой. — акционеры, которым подавай дивиденды и которые судят о будущем предприятия исключительно по тому, какая прибыль им выплачена за год.

Чтобы поддаться всеобщему заблуждению и стать пугливым и недальновидным, я должен был бы завязать себе глаза. Благо компания требует расширения рынка, для чего необходимо построить в России несколько новых станций, завод в Батуме и танкер, который бы вывозил нашу продукцию в Балтийское море. Все это уже создано и приступает к работе. В результате у меня на руках грандиозное предприятие, продуманное и завершенное до мелочей, - и долги, из которых самые крупные тебе и мне, в общей сложности составляющие два с половиной миллиона. И если теперь общественность, по обыкновению бездумно и поддавшись страху, откажет в кредите, я все равно выкручусь — пусть с гораздо меньшей прибылью, но выкручусь! Доказать эти общие рассуждения могут цифры. Цифры, отражающие результаты многолетней работы. В свете вышеизложенного прошу тебя самого решить, должен ли я немедленно выплатить долг; если ты будешь настаивать, я, невзирая на потери, продам свои особняки.

Преданный тебе Людвиг.

Поскольку я непременно хочу навестить в Стокгольме матушку и поскольку состояние здоровья не позволяет мне путешествовать поздней

осенью, я намерен через два-три дня поехать туда, хотя бы даже обязательства перед гобой требовали моего присутствия дома».

Из Санкт-Петербурга, 17/29 сентября 1886 г.:

«Братец Альфред! [...] Прилагаю также смету доходов и расходов, из коей явствует, что затраты па производство, а также на транспорт и управленческий аппарат неуклонно снижаются. Перед такими фактами для упреков не остается ни малейших оснований. (…) Производимое мною соответствовало российским потребностям, тогда как чужой товар был избыточен. Неизбежным следствием стало перепроизводство. Теперь остается лишь спокойно дождаться окончания кризиса, который был вызван эгой нерасчетливостью».

Людвиг не намерен отказываться от своих планов:

«Напротив, мы должны наращивать выпуск и сбыт продукции, доведя их до того уровня, когда наши производственные и транпортные мощности будут загружены на полную мощность. Если мы станем вырабатывать 15 миллионов (пудов. - *Б. О.]* для перевозки по Волге и продажи па русском рынке, а также 5 миллионов для вывоза на экспорт по Черному морю, наши расходы на управленческий аппарат и погашение долгов снизятся настолько, что нам не будут страшны никакие конкуренты. Тогда можно подумать и про объединение с американцами. [...] Чиновники и пресса всегда принимают сторону слабого. Такова их обязанность, по, действуя подобным образом, они никому не помогают, лишь усиливают озлобление. Помочь мелким производителям могло бы образование синдиката, однако синдикаты у нас не в моде; мало того что против них выступает либеральная печать, они запрещены российским законодательством, поскольку это повлечет за собой подорожание товаров».

В одном из следующих писем Людвиг перечисляет стоимость своей недвижимости.
В письме из Парижа от 7 октября 1886 г. Альфред признает:

«...мое письмо от 3 сентября было несколько опрометчивым, однако и ты, как я понимаю, не обратил должного внимания на то, что V меня есть поводы для недовольства. Рассуди сам: в 1883 г., когда я собрал все мыслимые средства и выручил Товарищество из крайне затруднительного положения, мы договорились, что они будут выплачены мне в тот же год. Теперь же свыше трех милли-ОП01! рублей оказались заморожены в Петербурге, а почти все остальное мое состояние вложено в динамитные акции, [...] именные и фактически не подлежащие продаже, ибо при первой же попытке реализовать их среди

прочих акционеров поднимается невероятная паника и я вынужден снова покупать [...] проданное. Как видишь, при широком поле моей деятельности, а также при моей нелюбви брать взаймы я попал в стесненные обстоятельства.

Если предприятие хочет сохранить ссуженные мною средства, то в настоящем положении (...) будет не просто справедливо, по и дешево предоставить мне обеспечение, которым я мог бы в случае необходимости воспользоваться для разрешения собственных дел. Таким обеспечением со стороны Товарищества могли бы послужить либо склады керосина, либо облигации второго выпуска. Первое было бы самым надежным обеспечением, второе — похуже. Ты, кажется, считаешь, что я упрекаю компанию в недостаточ-ной рентабельности. Подобные упреки были бы справедливы, поскольку я вложил дополнительные средства в Товарищество не для наращивания своих капиталов, а для поправки его дел. Однако же я подвергал сомнению вовсе не рентабельность, а нетвердое кредитное положение. Недавно ты написал мне, что компания пострадала из-за моих высказываний, тогда как на самом деле (я пытался дать. - *Т.Д.]* объяснения держателям ценных бумаг, которые боятся, что им не будут выплачивать дивиденды. Было бы глупо моей стороны подрывать доверие к предприятию, в которое вложено 2/3 моего состояния. К тому же я не мог бы испортить вашу репутацию больше, чем это уже сделали банкиры».

В Царицыне очень низкие цены, 35 копеек за пуд.

«Уму непостижимо, почему товар продолжает наводнять рынок, (предприятия. — *Т. Д.)* работают на собственное разорение. Конечно, рано или поздно производство достигнет своего естественного уровня, и тогда капитал, при условии рационального вложения должен давать привычные для России [...] 8—10% прибыли. Вопрос в том, может ли Товарищество позволить себе цены, губительные для конкурентов.That is the question! Преданный тебе Альфред».

13 октября 1886 г. Альфред пишет из Парижа Эмануэлю:

«Дорогой Эмануэль! Я чрезвычайно благодарен тебе за интересные сообщения, которые обнаружил в твоем письме от 10/22 сентября. (...) Беспокоюсь я не за себя, как считаешь ты, а за вас, ведь ты не хуже моего знаешь, что акционерное предприятие не должно зависеть от временного положения с кредитами и бояться каких-либо слухов. Раз в вашем случае это не так, значит, речь идет о недостатках планирования. По-моему, сначала раздобывают деньги, а потом начинают строительство, и для меня это настолько само собой разумеется, что невольно задаешься вопросом, почему компания на протяжении многих лет действует в обратном порядке. Вот отчего идут слухи,

подрывающие вашу репутацию. [...] Но у меня много веских причин утверждать, что Товарищество неглижирует обязательствами передо мной. Оно никогда не выдерживает сроков, и, будь у него возможность поставить меня на грань полного безденежья, оно бы уже этого добилось».

Фактически в письме к юному Эмануэлю повторяются доводы из письма к Людвигу, только в более спокойном и назидательном тоне. В тот же день Альфред пишет Роберту:

«Дорогой брат Роберт! Мое молчание объясняется тем, что я вернулся (из Стокгольма) с воспалением легких, которое с тех пор держит меня взаперти и в бездействии. [Альфред должен был приехать к Роберту в Йето, а он даже забыл 30 сентября поздравить Андриетту телеграммой с днем рождения. — *Б. О.]* Если ты считаешь, что это я впутал в деловые отношения эмоции, ты несправедлив ко мне. Я не желаю сношаться напрямую с Людвигом, поскольку в Лондоне он вел себя со мной оскорбительно и грубо, но, за исключением этой оговорки, я по-прежнему готов к услугам».

Никто из братьев не способствовал распространению слухов, отпугнувших потенциальных кредиторов, более того, Альфред утверждает, что всячески защищал компанию и успокаивал акционеров:

«Доверие к Товариществу, а в конечном счете и к Людвигу подорвало то, что он затеял строительство, не зная, из каких средств будет его оплачивать, — метода, простительная детям, но отнюдь не зрелым людям. Представь себе, в какой яме он бы [сидел. — *Т.Д.]* уже давным-давно, если б не получил четырех с половиной миллионов от "Дисконте-гезельшафт", трех миллионов от меня и двух миллионов от Государственного банка. [...] Понятно, что при подобных обстоятельствах не [следовало. — *Т.Д.]* заказывать постройку в Мутале парохода "Петролеа" и оплачивать се векселями, тем более что Людвиг подорвал свою репутацию и вынужден соглашаться на займы, которые могут быть не возобновлены с уведомлением всего за месяц. [...] Как ты знаешь, мне приходилось иметь деловые сношения со множеством людей самого разного толка и зачастую обсуждать весьма щекотливые проблемы, однако никогда еще это не приводило к ссорам вроде той, что произошла между мной и Людвигом в Лондоне, никогда прежде (да и позднее) со мной не обращались столь беспардонно. Разумеется, я и далее буду ему всячески содействовать, но предпочел бы делать это через третьих лиц».

На следующий день «в Лондоне должен быть учрежден "Динамитный трест"», но Альфред слишком болен, чтобы присутствовать при этом событии. 14 октября 1886 г. он вновь пишет Людвигу:

«Милый брат Людвиг! Мне кажется, ты не до конца понимаешь мое положение и я должен просветить тебя. В акциях и облигациях Товарищества, а также в ссудах ему у меня заморожено 3125 тысяч рублей. Почти все мое прочее состояние вложено в акции "Динамита", которые до сего времени [...] не подлежали сбыту, и теперь эти деньги на год или два тоже заморожены».

Далее Альфред разъясняет принципы динамитной конкуренции, говорит, что ему необходим залог за акции, и предлагает Людвигу выставить в виде обеспечения керосин, который

«можно быстро перевести в наличные деньги [...]. Поскольку мне необходимо вкладывать несметные средства в покупку динамитных акций (мы рассчитываем, что синдикату понадобится не менее шести-семи миллионов франков), я не вижу иного выхода [...]] однако я прибегну к нему, только если у меня будет другой залог, который в случае необходимости легко и скоро реализуется».

Альфред отказывается от залога в виде Людвиговой недвижимости, поскольку продажа домов может подорвать доверие к самому Людвигу, и заканчивает письмо слонами:

«Мне очень жаль, что я не могу отложить все это дело в долгий ящик, по ты и сам помнишь: заем, полученный от меня в начале 1883 года, подлежал возврату в том же году».

Людвиг приехал в Париж на переговоры с Либби и 17 октября 1886 г. пишет:

«Милый Альфред! [...] Ты меня очень обяжешь, если честно признаешься, действительно ли означенные 500 тысяч рублей необходимы тебе срочно или ты можешь подождать. Залог тебе лично я предоставлю — это мои особняки. [...] Остальных вопросов не хочу даже касаться, в том числе обсуждать наши воззрения и кто из нас прав больше, а кто меньше. Можем вернуться к ним, когда удовлетворим твои денежные претензии. [...] Посему буду крайне признателен, если и ты сочтешь возможным исключить эти темы из наших разговоров, пока я не разрешу всех проблем, из-за которых сюда приехал. Перед

отъездом я с удовольствием сам предоставлю себя в твое распоряжение. Преданный тебе Людвиг».

Из Парижа Людвиг едет в Вену, откуда 3 ноября 1886 г. пишет:

«Милый брат Альфред! Хочу от всей души поблагодарить за радушие, которое ты проявил ко мне в Париже, и за немалое уделенное мне время. Моему сердцу приятно было возникшее между нами прежнее братское доверие. Письма холодны и бездушны, тогда как в устном разговоре всегда отражаются глубинные чувства, и мы оба знаем, что чувства эти теплые и дружеские.

С Либби переговоры происходили в том же духе. Хотя он не уполномочен принимать важных решений, вся его манера поведения, его осмотрительность внушают доверие к словам и помыслам. Я был бы несказанно рад, если б ты познакомился с ним. Попрошу Либби навестить тебя. [...] В "Нефтяном вестнике Стоуэлла" опубликована статья, где утверждается, что Нобели и "Стандард" намерены заключить "выгодную сделку" и что «Стандард» предлагает 10 миллионов американских долларов. Можешь себе такое вообразить?!!»

Образовав «Динамитный трест Нобеля», Альфред одолжил компании свое «овеянное пороховым дымом имя» не только для названия, но и на должность почетного председателя, однако от руководства устранился, предпочитая работу в лаборатории: повседневные хлопоты по управлению предприятием его не привлекали.

Теперь он успокоился и 13 ноября 1886 г. пишет Людвигу:

«Дорогой брат Людвиг! Ты себе не представляешь, как меня обрадовано твое сердечное, дружеское письмо из Вены. У нас обоих жизнь движется к закату, а в эту ее пору, все чаще предвещающую наступление ночи, обычно дает о себе знать мелочность, что почти неизменно лежит в основе так называемого разлада. На самом деле мой разлад — с собственным внутренним миром и его "духами Нифльхейма"[15]. Меньше всего я хочу ссориться с тобой, и если между нами пролегла тень, то она давным-давно (уничтожена. — *Т.Д.)* идущими от сердца словами: "Да будет свет!" [...] Я вынужден был приготовиться к самому худшему, а именно к тому, чтобы, привлекши все возможные средства, выкупить акции и перевести их в новую трестовскую компанию [...]. Но похоже, что, благодаря содействию германских банков, дело обернулось гораздо лучше, чем смели предполагать мы с моими содиректорами».

---

[15] Нифльхейм – в скандинавской мифологии мир мрака, существовавший до начала творения.

6/18 ноября 1886 г. Людвиг пишет из Санкт-Петербурга:

«Дражайший Альфред! По возвращении из Москвы я обнаружил твое письмо от 13 ноября. Оно пролило бальзам на мою душу и не менее обрадовало Эмануэля, который считал, что не все сумел объяснить тебе. Я понял твою нужду в деньгах и крайне серьезно воспринял задачу иметь наготове средства для быстрой расплаты с тобой, если возникнет такая необходимость. [...] Похоже, успех твоего Бреста подействовал на местных финансистов не хуже электрического разряда. Несколько дней назад член правления Учетного банка обратился к одному из наших агентов на бирже с предложением капиталовложений, если мы захотим объединить в трест бакинские предприятия. Теперь идея витает в воздухе — необходимость чего-то подобного давно признавалась всеми, но никто не нашел верного способа. Впрочем, осуществить идею все равно было бы невозможно без капитала. Преданный тебе Людвиг».

И вот 21 ноября Людвиг получает из Парижа от Альфреда откровенное послание:

«...если все, по твоему уверению, считают меня человеком зажиточным [...], то это неудивительно. Отчасти людям известно о моих связях с современной мировой промышленностью, про которую идет столько кривотолков, что се представляют гораздо более крупной, нежели она есть на самом деле; отчасти благодаря помощи множеству тех, кто раструбил о моем богатстве в виде жалоб — дескать, я сделал для них слишком мало по сравнению с имеющимися у меня средствами; отчасти (и более всего) благодаря одной военной хитрости, поднимающей веру в мою кредитоспособность. Она заключается в том, что я время от времени перевожу ценные бумаги из одного банка в другой, причем давая им везде полежать. В результате банкиры Парижа, Лондона, Глазго, Берлина, Гамбурга и т. д., всегда собирающие сведения о своих клиентах, убеждены, что я в десятки раз богаче, нежели в действительности. Ты получил мои предыдущие письма?»

Вот другое парижское письмо Альфреда, от 19 января 1887 г.:

«Дорогой Эмануэль! [...] Хотя здоровье твоего отца пошло на поправку, пожалуйста, не подпускай его к делам. Лучше бы ему вообще уехать и как можно дольше не слышать про керосин, мазут и прочих своих мучителей из бакинских недр. С сердечным приветом ко всем вам, ваш старый друг Альфред».

В 1887 г. Альфред выходит из попечительского совета товарищества. Ответственность за финансовые дела компании все больше забирает в свои руки сын Людвига Эмануэль. Его младший брат Карл руководит машиностроительным заводом в Петербурге, тогда как в Баку совместно начальствуют Густав Тернудд и Эдвин Бергрот.

Пора ожидания и скорби

Людвиг изработался, его изводят грудная жаба и болезни дыхательных путей. 27 июля 1887 г. они с женой находятся на водах в Норвегии, в Модуме. Их сопровождает Людвигов сын Эмануэль. Чем болеет Эдла, не очень ясно, но оба супруга усердно лечатся - как и их дочь Мина, которая всегда была слабенькой девочкой и в раннем детстве, видимо, страдала туберкулезом (теперь у нее проблемы с позвоночником). Эдла пишет двадцатилетней падчерице Анне, под присмотром которой оставила младших детей в Финляндии — в усадьбе на Карельском перешейке, где семейство обычно проводит летние месяцы:

«Любезная моя Анна!
Во вторник мы прибыли в Модум! Несмотря на отвратительную погоду, оказалось, что Норвегия — чудесная страна с совершение! потрясающей природой. Я дышу и наслаждаюсь. Посмотрим, как подействуют ванны и воздух. По-моему, папа чувствует себя не хуже, чем в любом другом месте, и ему тут как будто нравится. Он возобновил свои ванны и ингаляции, Мине пребывание здесь гоже должно пойти на пользу».

Эдла Нобель

18 августа Людвиг и Эмануэль ненадолго возвращаются в Петербург. Эдлу они оставляют в Норвегии, договорившись, что она встретит мужа через три недели - очевидно, за границей. Эдла подчиняется, хотя внутри у нее сомнения: «Если б мне дали прислушаться к голосу сердца, я бы за два часа собралась и поехала с ними домой». Она не решается перечить Эмануэлю, который считает, что Людвигу нельзя надолго за-

держиваться в российской столице. С Эллой быстро уехать оттуда было бы невозможно.

«Анна, я бы советовала тебе пробыть в Петербурге до самого папиного отъезда. Ты знаешь все его привычки, а папа настолько приучен к женскому уходу, что мне кажется крайне важным, чтобы о нем заботилась именно ты. Остальные как-нибудь обойдутся».

Лето кончилось, в Петербург возвращаются с дачи младшие лети. Эдла пишет из Норвегии Анне:

«Можешь себе представить, как здесь пусто. Мы с Миной чувствуем себя забытыми на вокзале вещами. На ее вопрос: "Мамочка, куда мы теперь поедем?" я отвечаю: "Поживем — увидим". Надеемся завтра получить уведомление и сразу ехать на встречу с папой [...] — куда, я и сама не знаю [...], рассказывать нечего. Идет дождь, в ноге довольно неприятные подергивания, а так я вроде немного окрепла. Завтра принимаю последнюю ванну, и получится, что я приняла 16 грязевых и 8 электрических, то есть в общей сложности 24 ванны. Рассчитывать на улучшение можно было бы не менее чем за полтора месяца, я же была месяц. Вероятно, вы пробудете на даче еще недели три: только, ради всего святого, береги детей от простуды.

Привет всем, твоя мама Эдла».

Эдла сердится на Эмануэля, заставившего се дожидаться Людвига в Копенгагене. Она могла бы целых три недели жить с детьми! «Дай-то Бог, чтобы малыши под твоим присмотром были здоровы и получали хорошее воспитание. А что материнскому сердцу приходится разрываться, так это не в первый и наверняка не в последний раз!» И все же она безумно скучает, особенно по самому младшему, годовалому Йосте. В конце письма Эдла прибавляет: «Мина очень добра и ласкова и всячески старается заменить вас всех, по вас девятеро, а она одна». Анне поручают выслать в Канны, куда они теперь направляются, нарядную одежду Эдлы и Минины ботинки, рейтузы и шерстяные чулки.

В конце января 1888 г. Людвиг. Эдла и Мина прибывают в Канны. Чуть погодя туда приезжает Эмануэль со сводными братом и сестрами — Луллу, Ингрид и Мартой, а также их гувернанткой. Анна осталась в просторном особняке на Самсониевской набережной пестовать младших братьев — Эмиля, Рольфа и Йосту. Для нее морозная зима тянется очень долго. На некоторое время в Петербург возвращается Эмануэль — помочь Карлу с делами.

Людвиг считает, что у него малярия или тиф, но три врача говорят, что это сдает сердце. С берегов Средиземного моря Людвиг шлет цветы Анне и петербургским друзьям.

В феврале 1888 г. бабушка Андриетта пишет Анне:

«Сердечное спасибо за чудесную фотографию с изображением маленького Эмиля и тебя: она мне вдвойне милее оттого, что вы там вместе. Я еще не вставила ее в альбом, потому что хочу имен» под рукой и чаще любоваться на вас: карточка вышла такая красивая, что я словно воочию вижу вас обоих рядом».

Андриетта тоже получает свежие цветы от своего дорогого Людвига, хотя их доставляют из Канн в разном виде. Иногда почтовые служащие роются в посылке, отчего цветы замерзают. «Мне кажется, можно было бы менее настойчиво копаться в чужих вещах», — пишет Людвигу Анна, он же в ответном письме рассказывает о театральных и балетных спектаклях. о бале у Шоловых и обеде у Нюбергов, на который они ходили с Эмануэлем. «Прилагаю полученное сегодня замечательное письмо от бабушки, поскольку не в силах передать своими словами все его очарование».

В начале марта в Канны приезжает Карл. Людвиг как будто поправляется, в Каннах стоит приятная теплынь. Из письма Анны отцу:

«Карл всегда любезен и жизнерадостен, так что ты наверняка рад, что ему пришло в голову навестить вас. [...] Мыслями я все это время была скорее с вамп, чем здесь, и нетерпеливо ждала Каждой весточки. [...] Дома все в порядке. Я пишу эти строки, уютно устроившись в твоем кабинете, а Эмиль стоит у дверей оранжереи и смотрит, как садовник поливает цветы».

В конце марта в Каннах появляется Роберт. Он призывает Альфреда тоже навестить Людвига, дабы

«выказать ему все душевное тепло, которое только подскажет твое доброе сердце, и дружеские чувства, которыми ты столь щедро наделен. Предсказать течение болезни невозможно, жар пока не спадает, и сам Людвиг говорит, что долго не выдержит, но твой приезд непременно придаст ему сил и вообще подействует благотворно. Я лее должен теперь уехать: жизнь здесь ужасно дорогая, а моя мошна пуста».

30 марта Роберт пишет из Генуи своей дорогой, милой Паулине:

«Прощание с Людвигом было краппе трогательным, поскольку он. видимо, прощался навеки. Я тоже сомневаюсь в его выздоровлении: процесс перешел и легкие, а силы брата подорваны горловым кровотечением. [...] Надеюсь, Альфред не станет затягивать свой приезд, так как Людвиг очень ждет встречи с ним».

4 апреля Анна пишет Людвигу:

«Утром мы получили от Яльмара сообщение, что ты по-прежнему болеешь. (...) Мне очень грустно слышать это, дай Бог, чтоб ты скорее поправился. Ах. как бы мне хотелось быть рядом с моим любимым папой и помотать маме ухаживать за тобой!»

Анна опять получает цветы и благодарит в следующем письме:

«Они словно только что сорваны: изысканные анемоны пастельных тонов, резеда и мимоза, которые распространяют свой аромат по всей комнате и радуют меня в моем одиночестве».

6 апреля в Канны прибывает из Парижа Альфред, затем Анна. 12 апреля Роберт получает во Флоренции телеграмму от Карла Нобеля: «Надежды нет. Его часы сочтены». Вокруг Людвига собирается вся семья, в том числе Яльмар Круселль. Глаза отцу закрывает Карл.

20 апреля Роберт пишет из Флоренции:

«Дорогая моя, любезная Паулина! Вчера получил твое милейшее письмо от 15-го числа. Сам не брался за перо с Людвиговой смерти и вынужден совершать насилие над собой, выводя эти строки. В первые дни я переносил горе мужественно, но потом слабые нервы сдали, и теперь я впадаю в нервический плач, приступы которого не проходят часами. Объясняются они исключительно скорбью по любимому брату и никак не связаны с делами».

Похоронили Людвига в Петербурге. К. В. Хагелин, незадолго перед тем назначенный руководить перевозками и хранением нефти в Волжском районе, возложил на фоб серебряный венок.

Сразу после похорон Эдла пишет Альфреду:

«Хочу поблагодарить тебя [...], что исполнил последнюю волю моего усопшего супруга — повидаться и переговорить с тобой. Не знаю сути вашей беседы, но знаю, что возникшее между вами непонимание тяготило его чистую душу и для него было облегчением встретиться с тобой и, возможно, сгладить

шероховатости ваших отношений. [...] В эти скорбные дни мне не хватало рядом обоих его братьев, но я понимала всю невозможность для вас выбраться сюда. [..,] Прощай, Альфред, и еще раз спасибо за все. Сохрани обо мне дружеские воспоминания, если не ради меня самой, то ради брата, коего я любила больше всех на свете».

В сентябре 1888 г. Эдла пишет Анне: «Теперь в Петербурге Рольф Адлерспарре, который хочет изваять папин бюст, хотя, на мой взгляд, этот скульптор столь же мало подходит для такого дела, как и все прочие...» Тем не менее семья одобрила бюст, и он был установлен в парке поселка Петролеи

В память о Людвиге Нобеле было учреждено несколько стипендиальных фондов, инициатором которых стал Эмануэль. Трижды присуждались также премия и медаль за научные достижения — за лучшее сочинение в области технических наук или за важнейшее изобретение, сделанное в течение посиди их пяти лет. Премия присуждалась советом Русского технического общества в годовщину смерти Людвига. В комитет по ее присуждению входили видные ученые, в том числе химик Дмитрий Менделеев.

ГЛАВА 5

Новое поколение во главе с Эмануэлем и Карлом

В БОЛЬШОМ ДОМЕ НА НАБЕРЕЖНОЙ поселяется скорбь. Руководство «Товариществом бр. Нобель», петербургским заводом и сбытом динамита для Альфреда переходит к старшему сыну Людвига, двадцати восьмилетнему Эмануэлю. Он берет под свою опеку сестер и братьев и совместно с Эдлой ведет хозяйственные дела. Характером Эмануэль напоминает отца: доброжелательный, уважительный, честный, заботливый. В отличие от отца, он не предприниматель, не инженер, не изобретатель, а способный финансист. С 1881 г. отвечая за материальное положение компании, Эмануэль обсуждает с Альфредом се финансы, вечную нехватку оборотного капитала. За несколько дней до кончины отца Эмануэль просит экономиста Ивара Лагерваля написать от его имени письмо Альфреду — «для облегчения положения». Эмануэль боится, что опись наследственного имущества, когда все средства будут заморожены, может затянуться, и переводит Альфреду 500 тыс. рублей, па всякий случай и в виде обеспечения миллиона, который ему остался должен Людвиг.

Эмануэль Нобель

«Я не могу предусмотреть, какие возникнут потребности, но прошу заранее: если понадобится, позволь мне по разным поводам прибегать к твоей помощи. Извини, что утруждаю тебя своими — вернее, нашими - частными делами. Прости также не слишком тактичную манеру, в которой тебя известили о переводе акций. Мой брат [Карл. - *Б. О.]* и Круселль плохо разбираются в наших Взаимоотношениях, и мне очень жаль, что последний причиняет тебе хлопоты. Будем надеяться, эта мера предосторожности окажется излишней. Засим остаюсь

сердечно преданный тебе Эмануэль Нобель».

Двадцати шестилетний Карл освобождает брата от части нагрузки, взяв на себя управление Петербургским механическим заводом. В письме к Альфреду он объясняет, что выплата процентов по займам — берлинскому банку «Дисконто-гезельшафт», Свену Карлссону в Варшаве и самому Альфреду — съедает всю прибыль от завода и от продажи динамита, а потому товарищество хотело бы выпустить новые акции на три миллиона рублей. Охотников купить их найдется много, замечает Карл: даже за границей поверили «в наше предприятие, увидев, как невероятно распространилась но свету и какой огромный спрос имеет нефть». Дела идут хорошо, что позволяет отдать долг Альфреду. В свое время Людвиг расплатился с долгами Иммануэля, теперь Эмануэль расплачивается за Людвигов заем.

Карл Нобель

Карл ведет оживленную переписку с Альфредом, советуется насчет продажи акций, рассказывает о том, как преуспел в рекламе Альфредова бездымного пороха, «который теперь известен во всем цивилизованном мире». Карл поместил сообщение о нем в «Санкт-Петербургских ведомостях», а теперь хочет опубликовать в военном журнале официальные протоколы стрельб. Он надеется вызвать интерес у потенциальных производителей, которые предложили бы порох российскому правительству. Обязательно выправи русский патент, призывает Карл, добавляя: «Спасибо дяде Альфреду за все его благоволение к нам, которое мы да оценим не только на словах, но и на деле».

«Ни одному человеку на свете не заполнить оставшейся после него пустоты!»

Осенью 1888 г. в Баку пожаловали царь Александр III и Мария Федоровна с чадами и домочадцами, с министрами и огромной свитой. В товариществе их принимали Эмануэль и Анна Нобель, а также директоры Бильдерлинг и Неллис. Самодержец, обычно окруженный видимыми и невидимыми полицейскими ищейками, разгуливал по нобелевским предприятиям в Черном городе без единого шпика в округе! За безопасность отвечал инженер Эдвин Бергрот. Впрочем, угроз в адрес царской фамилии

было столько, что по всему Баку рыскали переодетые жандармы. Среднему сыну царя, Георгию, подарили серебряную модель буровой вышки с насосом, и мальчик восхищенно вскричал: «Вышку и понесу сам!» На обратном пути царский поезд подвергся самой настоящей диверсии и около 20 пассажиров погибло.

Альфред Нобель

По настоянию Александра III Эмануэль взял русское подданство. Вскоре его наградили первым орденом, за которым последовало множество почетных зван пи и избрание в члены различных учреждений. Эмануэль был польщен: он питал слабость к официальным отличиям.

Сразу после царского визита Эдла пишет в Баку Анне:

«Мы рады, что у вас побывали император с императрицей и что все прошло удачно. Неужели у тебя не трепетало сердце, пока ты стояла перед Иго Величеством? Мне кажется очень лестным, что император серьезно интересовался нефтяным производством и посвятил ему так много времени. Жаль, что ваш дорогой отец не приобщился этой радости... он бы с удовольствием показал величайшему из цезарей предприятие, которое стоило ему стольких забот и хлопот. Ни одному человеку на свете не заполнить оставшейся поеме пего пустоты! У твоих братьев, при всей их доброте и прочих достоинствах, нет его ума, а без такого ума невозможно управлять колоссальным предприятием, доставшимся им по наследству от вашего незабвенного отца».

20 ноября 1888 г. Анне пишет бабушка Андриетта:

«Нежнейшее спасибо за твои письма, любимая моя Аннушка; я безмерно обрадовалась, узнав, что ты смогла оставить дом уехать, немного развеяться после постигшего нас горя — утраты столь близкого и дорогого человека. Хотя утрата эта осталась прошлом, ее не забыть, и теперь каждый шаг моих родных близких напоминает мне о его отзывчивом сердце и великих жизненных свершениях — ведь он успел за короткий срок бесконечно много. Да, дорогая моя Аннушка, па долю каждого из нас выпадают свои испытания! Твоей старенькой бабушке тоже досталось немало, взять хотя бы, что ей пришлось пережить горячо любимого сына; но время лечит, а у твоих братьев теперь полно забот с огромной компанией, так что дай им Бог здоровья и сил справиться

с ней! Память о том. кто брал па себя эти заботы раньше, священна; я вспоминаю его с такой любовью, что могу лишь пожелать всего наилучшего его отпрыскам.

1888 г. царь посетил бакинские предприятия «Товарищества бр. Нобель» - без сопровождения полиции, царскую безопасность на территории товарищества отвечал инженер Эдвин Бергрот. В ходе визита царь преподнес разным людям 20 серебряных блюд

Мне очень дорого было получить весточку от моем"] дорогой Анны: ты замечательно описала прием императорской семьи, и я радовалась за своих внуков, за то, что император выказал удовольствие достижениями вашего отца, который бился за свои идеи не только мыслью, но и большим вложенным капиталом, что, хотелось бы надеяться, в самом скором времени начнет давать отдачу. Как жаль, что по дороге из Баку членов императорской семьи поджидала беда, и какое счастье, что их спасли. А что случилось с дорогими подарками?

Очень хочется знать, нравится ли твоей матушке новая кухарка [...]. Пожалуйста, Анна, напиши два слова об этом».

Карл посылает Альфреду газетную вырезку о царском визите. «Кажется. Эмануэля удостоили за его труды ордена СП-Станислава третьей степени. Ему было бы куда лучше и полезнее обойтись без этой милости».

В письме к Анне Эдла делится своими мыслями об Эмануэле:

«[Ему. - *Б. О.]* надо бы соблюдать диету, чего он, конечно, не делает, пораньше ложиться спать, чего он тоже не делает, жениться, чего он опять-таки не делает, тем не менее Эмануэль честно И добросовестно исполняет свои обязанности, поскольку нацмен достойнейшей душой, за которую все его ценят и любят».

Она винит себя в том, что «Эмануэль никак не женится, хотя попыток связать его узами брака предпринималось немало. Он чувствует себя хорошо в большом доме с большой семьей ему приятно находиться среди близких - и быть избавленным от тревог за собственную семью».

И все же, если на его горизонте появится подходящая девушка, Эмануэлю следует прислушаться к голосу сердца. Но заставлять человека делать то, что противно его натуре, нельзя, считает Эдла.

Петербургская семейная жизнь протекает в минорных тонах. В августе 1889 г. Эдла проезжает через Берлин. «Я снова бродила подле гостиницы "Майнхардт", однако войти не решилась: слишком мною с ней связано воспоминаний. Там мы всегда останавливались с вашим отцом». Она везет в Давос сына Луллу, которому скоро исполнится 14 лет. В Швейцарии мальчик будет учиться в дорогой школе и жить в семье молодого врача (возможно, на протяжении долгих лет), чтобы излечиться от астмы, «вернуть себе телесное и душевное здоровье». Эдле нелегко оставить сына одного, но: «За последнее время я привыкла к трудным вещам и должна спокойно принять и это». В письме из Берлина у нее вырывается:

«Где теперь Роберт? Он обманулся в своих ожиданиях, мечтая, что его выберут либо в, правление, либо в дирекцию, тогда как его не выбрали никуда. До Неллиса дошли из-за границы слухи. что Роберт выдавал себя там за «нефтяного короля» и что теперь ему придется ехать на Кавказ в надежде получить хоть какую-нибудь должность в Товариществе. Избави Бог!»

Эдла сидит у Людвиговой могилы, прикрытой на зиму еловыми ветками, и слушает унылую песнь ветра о смерти и бренности всего живого.

Жизнь, однако, идет вперед. Дочь Людвига Анна влюбляется в геолога Яльмара Шёгрена и обручается с ним — как пишет бабушка Андриетта, «на радость всей родне». И далее, из того же письма:

«Перипетии нашей жизни нам предусмотреть не дано, ибо они в руках Всевышнего, но, когда семейный союз освящен взаимной любовью и доверием, легче переносить уготованное нам Богом в Его премудрости. Поверь, милая Анна, я говорю но собственному опыту. Здоровье мое пошатнулось, силы

подорваны преклонным возрастом, и все же я благодарю Господа! Прежде всего за сыновей, от которых мне столько радости, хотя кончина одного из моих любимцев состарила меня сразу па десять лет».

Смерть Людвига тяжело отразилась на Андриетте, и она умерла в 1889 г., в возрасте 86 лет. В письме к Альфреду Карл сожалеет, что из Петербурга на ее похороны никто не приедет: «Как ни плохо о нас могут подумать, [...] прощу Вас, дядя, не сердиться, мы бы очень хотели, и нам самим больно, что не сумеем отдать последние почести своей нежно любимой бабушке». Доверенность на устройство наследственных дел и согласие на любые распоряжения по этому поводу даны Адольфу (дяде но матери). Альфред свою долю наследства — одну треть от 280 800 крон — направляет на благотворительность, медицинские исследования и детскую больницу.

«Здоровье и счастье почти всегда идут рука об руку»

Альфред оказывает большое внимание своим юным родственникам. Па Рождество он обычно посылает племянникам из модного Парижа необыкновенные заводные игрушки. Для детей Роберта Яльмара, Людвига, Ингеборг и Тюры — он учреждает специальный фонд, куда кладет деньги для их будущих надобностей. Он также приглашает всех четверых погостить у него в прекрасном Сан-Ремо — подольше, чтобы как следует «развеялись», — но у Ингеборг возникают «проблемы», и Альфред показывает ее докторам.

Сын Роберта и Паулины Яльмар Нобель с 1884-го по 1890 г. работает под началом Эмануэля в Баку и Тифлисе. В кризисном 1886 г. Яльмар пытается из петербургского особняка на набережной успокоить отца и дядю Альфреда, объясняя им, что спад вызван естественными колебаниями спроса и предложения на нефтепродукты. Ему, однако, трудно примириться со своим зависимым положением в доме Эдлы. Его «кормят там из милости» и чуть ли не упрекают в том, что «не умеет выказывать достаточной благодарности и достаточно низко гнуть спину».

Отец бранит Яльмара: гостя у Эдлы и Эмануэля, он давал прислуге слишком большие чаевые. Яльмар храбро защищается:

«Возможно, сумма в 24 рубля с полтиной, которую я дал на чай, кажется тебе завышенной, но я должен был учитывать свой бесплатный пансион, к тому же, по-моему, она не была слишком большой на каждого (то бишь на каждую служанку), поскольку деньги эти следует поделить на 6 частей. Прежде всего, мне нужно было дать кухарке, которая варит мне по утрам кашу, затем — девушке, которая

чистит мое платье, горничной, которая подает мне завтрак, той служанке, что убирает мою комнату, (той. — *Т. Д.)* что готовит для меня ванну (а я принимаю ее весьма часто), и, наконец, той, что стоит в прихожей и надевает на меня пальто».

Яльмару поручают в товариществе все более ответственные задания. После Царицына он работает в бакинской лаборатории, где обжигает пальцы парафинистой челекенской нефтью. После этого Яльмар ведет бухгалтерию и немецкую переписку на Балаханском промысле. В 1889 г. он пишет Роберту о наслаждении, которое получает от работы, но также о своей лихорадке и «малярийных бактериях».

Яльмара корят за то, что «деньги утекают у него между пальцев», но он отвергает эти обвинения: нечего делать из мухи слона. Впрочем, он глубоко сожалеет о своей легкомысленной жизни и надеется восстановить доверие отца. «Иначе я не смогу посмотреть тебе в лицо», — пишет он. В 1890 г. Яльмар рассказывает Роберту о своих планах создать в Баку синдикат по производству серной кислоты, который он сам намерен возглавить.

В августе того же года Эмануэль не поддерживает предложение доверить Яльмару руководство батумскими предприятиями возможно, из-за приступов малярии, которой страдает Яльмар. Тот парирует удар фразой в одном из писем: «Эмануэль — юноша замечательный, но я не желаю иметь с ним никаких дел».

В письме к Роберту в Йето Альфред упоминает о разногласиях между кузенами, благодарит за фотографию Яльмара:

«Яльмар - единственный жизнерадостный человек из всех Нобелей, а я считаю жизнерадостность величайшим достоинством, и, хотя она нередко ведет к порокам, все же это добродетель, из которой берут начало все прочие добродетели... Как гам Яльмар? Он $ц_{()}$. прежнему сидит в Баку? Я бы с удовольствием повидался с ним»

В другом письме Роберту Альфред рассуждает о характерах Яльмара и Эмануэля:

«Письмо от Яльмара, которое я тебе пересылаю, красиво по стилю и разительно отличается от сухих писулек Эмануэля, подозрительно напоминающих школьные сочинения. Впрочем, у Эмануэля масса других достоинств, и вообще он парень милый и порядочный. Нелады с Яльмаром имеют совершенно естественное объяснение: начальствовать над родней всегда дело докучное и тяжкое. Поверь мне, Эмануэль целиком признает заслуги Яльмара. Уж не знаю, кто мог оговорить твоего сына. Мое

предположение о том, что Яльмар бросается деньгами, проходящими через его руки, было подсказано опытом: во-первых, это свойственно людям с веселым норовом, во-вторых, шведский характер заметно отличен от еврейского. У меня есть друзья, которые вечно просят в долг, и, если ты не будешь проявлять в таких случаях еврейской прижимистости и неумолимости! твоя казна будет постоянно убывать».

Роберта и его усадьбе на берегу Бровикена волнует прежде всего то, что дочь Ингеборг выбрала в мужья графа Карла фон Фришен Риддерстольпе, Ни Альфред, ни Роберт не питают иллюзий по поводу дворянства как общественного явления, но Альфред пытается быть терпимым к жениху, репутация которого, по-видимому, отнюдь не безупречна, — о чем и пишет Роберту в августе 1893 г.:

«По крайней мере, у него нет привычной для шведского дворянства спеси. Это тем более приятно в стране, где и без него хватает так называемых аристократов, щеголяющих устарелыми идеями. словно вывесками закрытых за ненадобностью сумасшедших домов. [...] Он не виноват в том, что общество наделило его дворянским достоинством.

Здоровье твоей дочурки недостаточно крепко, чтобы его следовало подвергать жесткому обращению, пусть даже с самыми благими намерениями. [...] На вид твой будущий зять решителен и мужествен, однако не суров, поведение его привлекает своей непосредственностью, к тому же я не встречал среди шведских "'Уточнить эту фамилию дворян ни одного (за исключением Ноллана Пирре)[16], кто был не удалось. бы столь лишен аристократического снобизма. Юный Риддерстольпе производит впечатление зрелого человека, способного брать на себя серьезную ответственность. Как личность, он похож на начальствующего, а не на подчиненного. Твоя Ингеборг скромна до невозможности. Ни она, ни ее супруг не станут кичиться ливрейными лакеями. В заключение скажу (отнюдь не претендуя на роль советчика), что, по моему мнению, самый большой недостаток молодого человека — его отец, чье безрассудное мотовство принесло ему много ущерба... и, возможно, способствовало его развитию; одним словом, он будет обращаться со своей женушкой куда лучше, чем ты себе воображаешь».

Анна, дочь Людвига, вышла замуж за Яльмара Шёгрена и живет в Швеции. Перед свадьбой Ингеборг и Риддерстольпе Альфред обращается к Анне за помощью:

---

[16] Уточнить эту фамилию не удалось.

«Эмануэль сообщил мне, что Ингеборг получила на свой наряд всего тысячу крон. Это похоже на выдумку, и все же я телеграфировал тебе, что предоставляю в се распоряжение пять тысяч. Я выбрал кружной путь, дабы избежать возможных посягательств на эту сумму, так что попроси Ингеборг не болтать об этом. Думаю, ты поняла, что я имел в виду, упомянув в телеграмме про соблюдение осторожности.

Самые сердечные пожелания вам с Яльмаром от преданного тебе дяди Альфреда».

В письме к Роберту Альфред с некоторой безнадежностью замечает:

«Да, я прекрасно понимаю, хоть сам и холостяк, насколько трудно заботиться о дочерях и обеспечивать их будущее счастье. (И уже после свадьбы прибавляет: -- *Б. О)* Я очень рад слышать,что Риддерстольпы довольны друг другом и что Ингеборг поздоровела. Здоровье и счастье почти всегда идут рука об руку».

Усиление российского гнета в Финляндии и Закавказье

В конце 80-х гг. XIX в. соседние государства по-прежнему были для большинства шведов далекой заграницей, и внешней политикой почти никто не интересовался: в стране царило спокойствие. Впрочем, там всегда мог вспыхнуть страх перед русскими. При Александре III могущественный восточный сосед занялся обрусением Финляндии, которое все более тревожило и финнов, и шведов.

Впрочем, шведскому правительству пришлось столкнуться и с иной «опасностью со стороны русских». В начале 80-х Россия продвинулась в Среднюю Азию, что англичане восприняли как угрозу своим владениям, то есть Индии. Весной 1885 г усилилось давление русских на Афганистан, к которому они питали особый интерес. Сообразив, что, если дело дойдет до войны, англичане могут через Балтийское море нанести удар по Петербургу, российское правительство запретило шведским властям предоставлять остров Форе под базу для английского флота. Шведы ответили на это закрытием острова и возведением на нем собственных оборони тельных сооружений. Одновременно нарастали разногласия в рамках шведско-норвежской унии. Германский канцлер Отто фон Бисмарк предупредил короля Оскара II о республиканской заразе, которая в случае обретения Норвегией независимости распространится и на Швецию. Новые идеи, пропагандируемые нигилистами и анархистами, также подрывали устои шведского общества.

В 90-е годы кризис шведско-норвежской унии усилился. Норвегия требовала учреждения собственной консульской службы. Когда норвежский стортинг таки учредил ее, расторжение унии становится вопросом времени. Оскар II воспринимает решение норвежцев как оскорбление себя и шведского государства и отказывается утвердить закон о консульствах. Король боится, что, если норвежцы вырвутся из унии, Россия может захватить часть Северной Норвегии. Идет борьба за колонии, страны вооружаются и объединяются в союзы, предвосхищающие расклад сил в Первой мировой войне.

Цены на нефть в международном масштабе резко падают. Рокфеллеру необходимы новые рынки сбыта: потоки дешевой нефти из Баку создают угрозу благополучию «Стандард ойл». Ротшильды скупают мелкие перегонные заводы и сливаются с главным конкурентом «Товарищества бр. Нобель» на внутреннем рынке фирмой «Мазут».

Александр III берет Финляндию в ежовые рукавицы, расширив полицейское ведомство и введя строжайшую цензуру. Финскому народу навязывают российскую валюту, российскую почту и российскую таможню, всякие сношения с Финляндией теперь следует производить через государственного секретаря Плеве в Санкт-Петербурге. Европейская печать следит за развитием событий. Малым странам приходится бороться с Российской империей за свою самобытность и независимость — это касается не только Финляндии, но и Закавказья.

Бакинские нефтяные магнаты создали совместный фонд для развития города. Фонд возглавил господин Гукасов, директор-распорядитель уважаемой армянской компании под названием «Каспийское товарищество», его заместителем стал Карл Вильгельм Хагелии. Постепенно фонд преобразовался в своеобразный орган местного самоуправления со штабом, в который вошли управляющие заводов и промыслов. Фонд растет, на его средства прокладывают новые дороги и электрические линии, содержат полицию и собственные школы, строят больницы и амбулатории.

Несмотря на обширнейшие запасы нефти, русское правительство видит в Баку лишь отдаленную колонию. Сельское хозяйство находится в упадке по всей стране; в южных районах выдался неурожай, за которым неизменно следует голод. А тут еще разражается эпидемия холеры, охватывающая значительную часть населения. Дела идут из рук вон плохо, цены падают. Пуд сырой нефти, стоивший 8 копеек, теперь можно купить за копейку. В письме Альфреду из Петербурга Эмануэль рассказывает: «В городе собирают пожертвования для нуждающихся в Южной России. Почти во всех конторах вычитают по одному-два процента жалованья, только что так решили поступить служащие нашей компании, и их примеру последовали заводские рабочие».

Новые участники и новый расклад сил в нефтяной войне

Помимо Рокфеллера, Ротшильдов и Нобелей, в последнее десятилетие XIX века в нефтяную войну включился еще один клан. Родоначальником этого клана, благодаря которому появилась на свет компания «Шелл», стал бизнесмен англо-еврейского происхождения Маркус Сэмюэл.

Приложив немалый труд, Маркус Сэмюэл наладил тесные связи с шотландскими торговыми домами в Калькутте, Сингапуре, Бангкоке, Маниле, Гонконге и других городах Индостана и Дальнего Востока. Маркус Сэмюэл обожал разные

Смертоносная холера

Холеру завезли издалека. Теперь всех прибывающих пассажиров обрабатывали на вокзале паром. В то же время местные жители бежали из Баку — и, не пройдя паровой обработки, разносили холеру по другим местам

С начала 1890 г. Вильгельм Хагелин работает в Баку. Он заменяет Яльмара Круселля. когда тот уезжает отдохнуть. Кроме того, Вильгельм нужен управляющему, Леониду Рихтеру.

Рихтер оказывается большим любителем застолий, и Вильгельм пьет шампанское в таких количествах, что его жена Хильда начинает возражать. Работать Рихтеру некогда, так что, когда он увольняется, техническим директором становится К. В. Хагелим. Он быстро поднимается по служебной лестнице, о чем свидетельствует повышение жалованья — с четырех до двенадцати тысяч рублей. Когда в разгар летней жары 1892 г. вспыхивает холера, Вильгельма вызывают в Баку противостоять ее распространению среди рабочих и служащих товарищества. Жена Хильда с новорожденным сыномном поселке среди прохлады Кавказских гор.

Вильгельм Хагелин работал с двумя врачами: русским Шубенко и американцем Блэкстайном. Они посещали дома и заводы, успокаивали взволнованных жителей

Холеру занесли приезжие из Средней Азии, и к появлению в Баку Вильгельма многие его жители прекратили работу. Из-за эпидемии половина города опустела, почти все магазины закрылись. На промыслах стояла тишина. Работать продолжали лишь у Нобелей, но настроение было подавленное. Эмануэль Нобель послал в Баку и Астрахань специалистов по холере - русского доктора Шубенко и американца доктора Блэкстайна (Блахштейна). Оба окончили Институт экспериментальной медицины в Петербурге. Штатный врач компании, доктор Петкевич, вместе с несколькими служащими устроил барак для холерных больных и поставил палатку для медперсонала, оборудованную дезинфекционным аппаратом.

Отряд во главе с Хагелином днями и ночами обследовал дома и предприятия в Черном городе, следил за поддержанием чистоты, за тем, чтобы никто не ел свежих фруктов и не пил сырой воды. В России бывали случаи убийства врачей, поскольку их Считали разносчиками заразы, но к Хагелинову отряду относились с доверием, и он Сумел успокоить парод. В Балаханах несколько фирм попыталось совместными усилиями организовать обходы своих сотрудников, как это сделало «Товарищество бр. Нобель» в Черном городе, по балаханские жилые кварталы отстояли слишком далеко друг от друга, и наладить там работу было сложнее. В Петербург ежедневно телеграфировали о положении дел. Среди работников Нобелей оказалось 157 случаев холеры, около 40 из них со смертельным исходном.

В Хагелиновом отряде обошлось без потерь, не заболел и никто из врачей. Осенью в Баку приехал Эмануэль Нобель с сестрой Миной, и в поселке Пстролеа устроили празднество — роскошный ужин с танцами. Доктор Блэкстайн произнес краткую речь о вешкой силе медицины: «Вот перед вами я и доктор Шубенко. Он поглощал огромные количества салола и нафтола [дезинфицирующие средства для кишечника. — *Б. О.],* я же ограничивался чаем и красным вином. Как видите, мы оба остались живы!»

безделушки и весьма успешно торговал в Лондоне шкатулками с инкрустацией из раковин. После открытия в 1869 г. Суэцкого канала морской путь из Европы в Азию и обратно значительно сократился. К отцовскому предприятию были привлечены и оба сына, Маркус Сэмюэл-младший и Сэмюэл Сэмюэл, которые тоже оказались удачливыми дельцами.

Приехав в 1890 г. на Кавказ, Маркус Сэмюэл-младший тут же смекнул, какую выгоду сулит морская перевозка нефти на Дальний Восток. Простор для деятельности открывался невероятный! Маркус решил втайне наладить сбыт ротшильдовской нефти одновременно во многих восточных портах, чтобы «Стандард ойл» просто не успела снизить цены и выбить нового конкурента. С помощью отцовских связей Маркус Сэмюэл-младший и его брат Сэмюэл развернули на Дальнем Востоке широкомасштабную нефтяную торговлю. В августе 1892 г. по Суэцкому каналу прошел первый наливной пароход, названный в честь раковины — «Багрянка»[17] (он был построен по проекту Маркуса Сэмюэла и застрахован лондонской компанией «Ллойд»). Это обстоятельство чрезвычайно раздосадовало руководителей «Стандард

[17] Багрянка (более современное название - иглянка) — морской моллюск, из которого в древности добывали пурпур. Этот танкер также известен пол своим английским именем — «Мурекс.

ойл», которым отказали в разрешении проводить танкеры через Суэц. Почти вся нефть, впоследствии шедшая на Восток этим путем, принадлежала компании Маркуса Сэмюэла-младшего, совместно с домом Ротшильдов построившего целую флотилию нефтеналивных судов.

Из-за низкой конъюнктуры «Товарищество бр. Нобель» переживает трудные времена. В декабре 1892 г. Эдла рассказывает падчерице Анне: «Вчера я получила из Ростова телеграмму, которую подписали семь крупнейших бакинских предпринимателей — Гукасов, Тагиев, Манташев, Будагов, Арамянц, Лианозов и Шибаев». Они объединились с Нобелями в синдикат, призванный помочь им выдерживать натиск «Стандард ойл» в течение последующих пяти лет. «Если это удастся, мы сможем долго жить спокойно. Что такое объединение состоялось, большая для меня радость [...] и подтверждение великой предусмотрительности моего супруга [...]; не оставлены попытки и совместить наши интересы с американскими». Эдла собирается в Париж, чтобы вместе с Эмануэлем навестить Альфреда и обсудить с ним кое-какие дела. «Хорошо бы итальянское правительство купило паши предприятия в Генуе, сняв с компании огромное бремя [...] об этом можно только мечтать!»

Муж Анны, Яльмар Шёгрен, думает продать акции товарищества. На них есть спрос, однако совершенно нет предложения, замечает Эдла.

Нобели берут на себя сбыт 800 тыс. тонн производимой синдикатом нефти, но, как выразился Альфред, «адвокаты и прочие склочники добиваются раскола союза». Сотрудничество семи фирм разлаживается, и «Товарищество бр. Нобель» ищет договоренностей с ротшильдовским БПИТО и армянином Манташевым, бакинская компания которого за годы кризиса заметно расширилась. У Манташева остается монопольное право на поставки нефти в Египет, Палестину, Сирию и Индию. Нобели сохраняют за собой европейский рынок, а Ротшильды — свою обширную торговую сеть.

Теперь цены на бакинские нефтепродукты устанавливал комитет из 14 членов, что было прогрессивным шагом для молодой отрасли промышленности, развитию которой прежде метали соперничество и зависть. Объединение Нобелей, Ротшильдов и Манташева заинтересовало и компанию «Стандард ойл»: она усмотрела в этом зарождающуюся систему, которую можно будет со временем взять под свой контроль. Баку вырабатывало нефти больше американцев, к тому же по опасно низким ценам, что, разумеется, беспокоило «Стандард ойл».

«Для меня загадка, как наше Товарищество остается на плаву»

Перед Рождеством 1892 г. Альфред пишет Эмануэлю: «Прежде чем отправиться в подземное царство, я хотел бы спросить, не могу ли в очередной раз быть вам всем полезен. Взамен прошу лишь об одном: когда мой век подойдет к концу, не лайте похоронить меня заживо, обеспечьте кремацию».

Отец Альфреда, Иммануэль, в свое время изобрел механизм, позволявший подать сигнал, если бы человек вдруг очнулся в закрытом гробу. На Побелей, однако, свалилось другое несчастье. У Карла обостряется диабет. Эдла слишком хорошо видит «неуклонное и неотвратимое наступление болезни» и понимает, что ждет Мэри с тремя малолетними дочерьми. Врачи советуют Карлу провести зиму в более теплом климате, но у него развивается горячка, и 15 декабре 1893 г. он умирает в Цюрихе, в гостинице «Бельвю».

Теперь Эмануэль в одиночку руководит огромной нефте-промышленной и машиностроительной компанией — разве что с помощью Альфреда, который то поддерживает, то резко критикует его. Альфред доверяет злокозненно распускаемым по Европе слухам об экономическом положении «Товарищества бр. Нобель» и поддается Робертову пессимизму. А горечь Роберта по отношению к Людвигу и его компании, похоже, не смягчается.

Теперь акции товарищества продаются и в Германии. Цены на нефть за последние годы выросли. Компания крепко стоит на ногах. Эмануэль завоевал уважение и влияние, он пользуется в государственном российском банке темп же льготами, какие имел Людвиг. Альфред хвалит племянника: «Ты вел своп корабль по бушующему морю как истинный мужчина, за что тебе следует отдать должное (во Франции говорят, a tout seigneur tout honneur)». Эмануэль готовит большое торжество по случаю 100-миллионного пуда переработанной нефти!

Альфред же продолжает разбирать по косточкам финансовые операции директоров и коммерческую политику Белями-на. Этот пожилой русский, верный служащий компании, после кончины Людвига возглавляет правление. Его стиль руководства авторитарен и консервативен. Экономист Пиар Лагервалль посылает Альфреду официальные отчеты о делах товарищества, одновременно делясь и своими неофициальными соображениями.

В письмах Альфреду Лагервалль сетует, что Эмануэль не желает отправить Белям и на пенсию, из-за чего, того гляди, вспыхнет открытый конфликт. Людвиг в последние годы своей жизни ослабил собственный контроль за предприятиями, перекладывая все больше ответственности на

других достойных людей, а произвол Беля мина и попустительство Эмануэля сводят на пет эти начинания, нанося ущерб компании. Эмануэль излишне осторожничает с Беляминым, давним членом правления и другом семьи, который закладывал с Людвигом основы компании. «Я знаю, что он не годится, [...] но О новом человеке, который придет на его место, я не знаю ничего», — оправдывается Эмануэль.

Роберту все чаше приходят из Парижа письма с язвительными комментариями — не без нажима Лагерваля:

«У Эмануэля нет ни малейших задатков руководителя — во всяком случае, в Петербурге о нем думают именно так. Все у него пушено на самотек. Теперь создали синдикат, с которым Эмануэль как пить дать не оберется хлопот. Скорее всего. Товарищество связало себя какими-то договорными обязательствами, а это может быть опасно, особенно когда имеешь дело с евреями и армянами. (...) Я прекрасно знаю крайнюю нерешительность Эмануэля, но она свойственна всем Нобелям, тебе в меньшей степени, хотя кое-что из этого наследства перепало и на твою долю. Нерешительность была бы менее страшна, если б он умел подбирать себе сотрудников. Уж на что нерешительный человек был простофиля Людовик XIII, так рядом с ним находился Ришелье, который лучше всех прочих управлялся с многочисленными подчиненными. (...) Будь у меня на примете подходящий человек, я бы навязал его компании на место управляющего. Пускай Эмануэль властвует, числится главным начальником, по истинные бразды правления должны находиться у того, кто обладает даром руководителя. Пока это не так, я считаю бакинские акции бумагами ненадежными».

Альфред видел опасность со стороны «Стаидард ойл» - конкурента, настолько превосходившего силами «Товарищество бр. Нобель», что легко мог вызвать крах последнего. Предложение Альфреда о слиянии с американской компанией основывалось па убеждении, что «лучше оба кармана наполнить. Нежели оба опустошить в безнадежном соперничестве». Эмануэль, однако, не хотел продавать 49% акций товарищества. Тогда Альфред обратился к Ротшильдам, потом снова к «Стандард ойл». Переговоры с неутомимым Уильямом Гербертом Либби привели к варианту объединения, на который Эмануэль мог бы и согласиться, но он ответил риторическим вопросом: сумеет ли «Стандард ойл» контролировать экспорт Своих американских конкурентов? Такого компания обещать не могла. Совсем недавно монополию «Стандард ойл» нарушила соперничающая фирма. «Продюсера ойл компапи», начавшая поставлять нефтепродукты в Германию. «Стандард ойл» прибегла к испытанному приему в течение 1894 г. снизила цены, что повлекло за собой и падение цен в Батуме. Тогда

Манташев скупил разорившиеся мелкие предприятия, укрепив таким образом свои позиции. Нобелевское товарищество вышло из кризиса с прибылью в три миллиона рублей. Ротшильды потеряли 1,2 миллиона. Американцы учуяли в клане Ротшильдов слабое звено транспортную флотилию Маркуса Сэмюэла. «Стандард ойл» предложила Маркусу Сэмюэлу купить у него флотилию на выгодных условиях, но он после долгих колебаний отклонил предложение... из сентиментальных соображений. К этому времени Маркуса Сэмюэла избрали мэром Лондона, и он с большой радостью исполнял свои обязанности. Его компания должна и впредь оставаться британской! — решил он.

Российское правительство вступилось за национальную нефтяную промышленность и, помимо всего прочего, снизило тарифы на провоз грузов по железной дороге. Министр финансов Сергей Витте энергично взялся за преобразования, Россия воспряла. Витте стабилизировал рубль, ввел золотую валюту, привлек иностранный капитал и построил Сибирскую железнодорожную магистраль, благодаря которой нефтепродукты братьев Нобель можно было перевозить до самого Владивостока. Откат начался со смертью Александра III, наступившей в 1894 г. Когда у кормила власти встал малосведущий Николай II, появилась возможность проявить себя реакционным силам, эгоистическим интересам, тайной полиции и интригам в верхах.

Сергей Витте

Альфреда с Робертом по-прежнему тревожат ошибки, допускаемые головной конторой товарищества в Петербурге. В сентябре 1892 г. Альфред пишет брату:

«Но к делу. Я уже давно подозревал и теперь убежден: "подшило что-то в датском государстве" (то есть в «Товариществе бр. Нобель». — *Б. О)* Впрочем, предлагаемые тобой противоядия бывают опаснее самой болезни. Нельзя сместить даже бездельника, не уяснив для себя, кто может справиться с его обязанностями. Белямин отнюдь не бездельник, просто ему не хватает качеств хорошего руководителя и, видимо, морали, если не считать иудейской, которая по сути ехиднина. Чтобы заменить его, нужен человек, который бы умел руководить и мог быстро войти в курс дела.

Появись такой в правлении, и Белямин скатится незаметно для себя. [...] В один прекрасный день он обнаружит, что низведен до положения нуля без палочки, и будет рад любой подчиненной должности [...]. Эмануэль утверждает, что в России таких не водится. Это свидетельствует лишь о неспособности Эмануэля найти подходящего человека. [Альфред рекомендует дать объявление. — *Б. О.],* по объявление должно быть составлено крайне четко и умно, чтобы откликов на него пришло немного и поиски не затянулись. [...] Искать лучше среди финнов или вовсе иностранцев. Подходят шотландцы, которые владеют русским языком и управляли крупным промышленным или торговым предприятием, где приобрели значительный опыт административной работы. (…) Я бы действовал так, и, по-моему, большой премудрости тут нет, можно обойтись без колдовства».

В конце 1894 г. Альфред пишет Роберту о его болезненной дочери Ингеборг:

«Я счастлив, что замужество милой Ингеборг обернулось удачей! Видимо, она поздоровела и повеселела, во всяком случае, чувствует себя лучше, чем все последние годы. Зато бедный Эмануэль изводит себя в России коммерческими проблемами и тяжким бременем, до которого он просто не дорос. Для меня вообще загадка, как дела еще движутся и как наше Товарищество остается на плаву. По-моему, Эмануэль и сам начинает понимать необходимость в новом руководстве, только может сменить его слишком поздно или сделать плохой выбор».

«Товарищество бр. Нобель» действительно «остается на плаву». 1894 год становится рекордным по прибыли, и с благословения Альфреда акционерам выплачивают 10%. Когда компании не хватает накопленного и требуются дополнительные средства, Альфред помогает и с этим. Товарищество, испросив одобрения казны, увеличивает акционерный капитал до 20 млн. рублей. Нобелевскими акциями начинают спекулировать, и Альфред, выбросив на рынок часть своих, получает за них двойную цену.

Альфред все-таки наколдовал!

И вот появляется долгожданный для Альфреда, Роберта и Лагервалля (а может быть, и для Эмануэля) преемник Белямина - норвежец Ханс Ольсен, который в 1937 г. опишет в своих «Воспоминаниях о жизни», как это произошло. Отец школьного товарища устраивает Ханса Ольсена на работу в Кронштадте. Юный норвежец не может упустить такого шанса повидать мир и на мосту в Санкт-Петербурге впервые в жизни видит электрическое освещение. В скандинавской колонии российской столицы он знакомится с

Эмануэлем и Карлом Нобелями. Они примерно ровесники Хансу. Новые друзья называют его Спортивным Маньяком: братьев Нобель спорт совершенно не интересует, а Ханс ездит на велосипеде занимается греблей и парусным спортом, катается на лыжах и коньках. Впрочем, Эмануэль гоже вдруг увлекается ледовым парусным спортом и даже покупает буер, который отдает в распоряжение Ханса. Со временем, ближе сойдясь с Эмануэлем, норвежец догадывается: «...Скорее всего, он сделал это ради меня».

Ханс Ольсен

Весной 1887 г., когда Эмануэль ревизовал счета Скандинавского союза, Ханс помогал ему. Видимо, Ханс Ольсен хорошо зарекомендовал себя, поскольку ему предложили работу в «Товариществе бр. Нобель», но он не принял предложения. Ханс только что основал собственное предприятие по продаже сельди, бочковой тары и лесоматериалов. Дела его в пи неплохо. Молодой предприниматель взял в Драмменском частном банке пять тысяч крон под поручительство родни и очень быстро выплатил заем. «На этом с моими денежными затруднениями было покончено, и более я их, к счастью, не испытывал».

Ханс становится желанным гостем у Нобелей, его представляют Людвигу (спустя год он содействует организации похорон). Во время катания на буере с Карлом происходит несчастный случай. Ханс Ольсен винит себя: как он мог отпустить неопытного друга одного? Даже развившийся у Карла диабет он приписывает полученным тогда травмам.

А Эмануэль, похоже, заманивает сопротивляющегося Ханса в товарищество. В июне 1893 г. его выбирают в совет под предлогом, что речь идет нее то о нескольких заседаниях в год. Почетная должность хорошо оплачивается. В следующем году Эмануэль просит Ханса съездить в Лондон и разобраться с деятельностью тамошних агентов по сбыту. Ольсен сочиняет весьма критичный доклад об обнаруженных проблемах и упущениях, однако доклад застревает у кого-то в долгом ящике. Эмануэль соблазняет дальше, па этот раз замещением на лето одного из директоров. В «Воспоминаниях о жизни» Ольсен напишет: «Поручив собственное предприятие заботам Вигардта, я каждый день являлся в нобелевскую контору к девяти утра, чего не делал больше никто. В иностранном отделе не было руководителя, и я исполнял его обязанности». Ханс слабовато знал русский язык, тем не менее

он читал всю корреспонденцию, знакомился с делопроизводством и принимал посетителей.

По возвращении начальства из отпуска Ханса Ольсена берут на постоянную работу. Он закрывает свое предприятие с активами в 104 тысячи и полным отсутствием долгов. «Жизненный успех никогда не ударял мне в голову — ни тогда, ни позже».

Дорогое для Ханса Ольсена семейство на крыльце усадьбы Кирьола (построенной по .закалу Эдлы Нобель). Па снимке 1884 г. сидят Луллу, Мина, Эмиль, Рольф, Эдла, фрекен Карлин, Моста, Мэри, Алиса, Майя Тингберг, Ингрид, инженер Мальм, Марта, Мимми и Андри

Ханс ежедневно бывает в особняке на Самсониевской набережной, который служит семейству Нобель не только жилищем, но и конторой. У младшей сестры Эмануэля, Мины, красивые голубые глаза, она умна и образованна. Хансу мило ее общество, он нее больше проникается к ней чувствами (возможно, прежде всего сочувствием, поскольку у нее с детства горб), однако посвататься не решается — во всяком случае, пока.

Первую поездку за границу в качестве официального представителя «Товарищества бр. Нобель» Ханс совершает с Михаилом Беляминым, его женой и дочерью — это приятное путешествие укрепило их дружбу. Они посетили Лондон и Париж. Для Михаила Белямина поездка стала прощальной* в частности, он встретился с Александром Андре, агентом по

сбыту смазочных масел в Париже и руководителем берлинского «Нафтапорта». Основной же целью поездки было знакомство с итальянским агентом, которого товарищество заполучило от «Стандард ойл»: итальянский рынок оказался весьма прибыльным. Зато Ротшильды здорово наживались на поставках нефти в страны Востока, и Ханс понимал, что для Нобелей эти возможности утрачены.

Дважды Ханс Ольсен виделся в Париже с постаревшим Альфредом Нобелем. Тот хвалил его работу, но Ханс и не подозревал, что своим принятием в товарищество обязан Альфреду: будучи весьма доволен норвежскими агентами по продаже динамита, он советовал Эмануэлю завести себе управляющего- норвежца.

В последний раз Ханс встречает Альфреда на обеде, где присутствует и Эмануэль. Альфред кажется бодрым и оживленным, с удовольствием обсуждает предстоящий в 1896 г. полет Андре к Северному полюсу на воздушном шаре[18] и как им управляют с помощью рулевых тросов. Летом того же года «Товарищество бр. Нобель» участвует во Всероссийской промышленной и художественной ярмарке в Нижнем Новгороде, где Эмануэль возводит роскошный отдельный павильон. Николай II остается доволен экспозицией. Видимо, на ярмарке Ханс Ольсен и знакомится с московским агентом товарищества Кнутом Литторином, которого впоследствии привлечет к более тесному сотрудничеству.

[18] Первая попытка действительно была предпринята шведским воздухоплавателем Саломоном Августом Андре в 1896 г. Более известна вторая, состоявшаяся годом позже и окончившаяся трагически.

ГЛАВА 6

Взрывоопасное завещание

7 АВГУСТА 1896 г. скончался Роберт Нобель, 10 декабря тою же года — Альфред. В финансовых кругах, а также среди акционеров компании распространился слух, что теперь «Товариществу бр. Нобель» придет конец. В завещании предписывалось учредить на средства Альфреда фонд, из которого выдавать награды за вклад в литературу, науку и в дело укреплении мира. Поскольку Альфреду принадлежало более половины акций товарищества, нетрудно было догадаться, что скоропалительная продажа этих бумаг разорит компанию.

У Ханса Ольсена начались переговоры с различными нефтяными фирмами Европы. Переговоры эти крайне тревожат Ханса, он «предчувствует крах своего нового дела, но старается не поддаваться панике». Кроме того, Ханс беспокоится за Мину, мучится угрызениями совести. Решиться ли просить ее руки? Накануне дня, когда Эдла уезжает на Альфредовы похороны, Ханс говорит с пей о Мине и получает в ответ: «Спроси ее сам».

Ханс Ольсен не встревал в обсуждение последней воли Альфреда. По его разумению, выступившие с иском родственники не могли претендовать на наследство. Юридические споры и общественная полемика вокруг получившего всемирную известность завещания затянулись на долгие годы — оно оказалось поистине «взрывоопасным». Альфред владел огромным состоянием, а его последняя воля была слишком необычна и оформлена небезупречно с юридической точки зрения. И еще: где все-таки жил этот самый богатый бродяга в Европе? Считать ли местом его жительства Париж или шведский заводской поселок Буфорс? Перипетии этой истории рассказаны Рагнаром Сульманом в книге «Завещание», выпущенной в 1950 г. издательством «Нурстедт»[19].

О Нобелях Рагнар был наслышан с детства. Позднее, уже в Высшем техническом училище в Стокгольме, он познакомился с сыном Роберта Людвигом. Несколько летних сезонов Рагнар провел учеником на нобелевском заводе взрывчатых веществ в Винтсрвикене (Стокгольм), и работа там лишь обострила его интерес к семейству. Однажды Рагнар прошел на танкере из Швеции до самого Баку, где посетил Роберта Нобеля и его старшего сына Яльмара, которого знал через Людвига.

---

[19] На русском языке издана в переводе с английского под названием: Р. Сульман. Завещание Альфреда Нобеля: история Нобелевских премий. М.: Мир, 1993.

После ряда лет, проведенных в США, Рагнар получил из Парижа предложение поработать с 1893 г. у Альфреда. Годом позже Альфред купил компанию «Буфорс» и расположенную неподалеку небольшую усадьбу, с помощью Яльмара Нобеля обставил ее, и в 1895 г. там начала действовать лаборатория. Альфред не только сам делал опыты, но и, в пылу возродившейся любви к родине, поддерживал многих шведских изобретателей. К Рагнару Сульману Альфред проникся поистине безграничным доверием и сказал ему: «Ты для меня вроде младшего родственника».

В октябре 1896 г. Альфред пишет Рагнару: «Из-за сердечного приступа я задержусь в Париже еще на несколько дней, пока врачи не сговорятся насчет моего лечения. Ну не ирония ли судьбы, что мне прописан нитроглицерин?! Тут его называют тринитрином, чтобы не отпугивать больных и провизоров». Получив телеграмму о внезапной болезни Альфреда, Рагнар Сульман с Яльмаром и Эмануэлем Нобелями выехал в Сан-Ремо, но они уже не застали Альфреда в живых. Скромную панихиду отслужил приехавший из Парижа шведский пастор Натан Сёдерблум.

Вот как Сульман описывает состоявшиеся в Стокгольме похороны Альфреда: «После заупокойной службы торжественная процессия во главе с конными факельщиками сопроводила катафалк на Северное кладбище, где, согласно воле покойного, его сожгли в тогдашнем, довольно примитивном крематории». 21 декабря в Йето скончалась дочь Роберта и Паулины, двадцатитрехлетняя Тюра. Ее предали земле За декабря 1896 г. на том же Северном кладбище.

Своими душеприказчиками Альфред назначил молодого химика Рагнара Сульмана и гражданского инженера Рудольфа Лилльеквиста, поручив им обратить его имущество в ценные бумаги и составить из них «фонд., рента с которого выдается ежегодно в награду тем, кто в течение предыдущего года оказал человечеству наибольшие услуги»[20]. Как рассказывает Сульман, вечером 15 декабря 1896 г. к нему в гостиницу (в Сан-Ремо) пришли Эмануэль и Яльмар. Им телеграфировали из Стокгольма о вскрытии завещания. По словам Сульмана, после Альфреда остались «племянники, сотрудники и друзья, не говоря уже о несметном количестве просителей». В отличие от первоначального завещания, Эмануэль не назначался исполнителем, а само завещание противоречило его интересам. Тем не менее Эмануэль дает Рагнару следующий совет: «Всегда помни, что по-русски исполнителя завещания называют душеприказчиком. И действуй,

[20] Официальный текст завещания на русском языке сохранился в Государстве историческом архиве Петербурга. Цит. по: Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. М: РОССПЭН 1996. - С.43

исходя из этого». Поддержка Эмануэля помогла Рагнару Сульману и Лилльеквисту исполнить волю Альфреда.

Средства Альфреда Нобеля размещались в Швеции, Норвегии, Франции. Италии, Англии, Германии, Австрии и России. Перед Сульманом и Лилльеквистом стояла нелегкая задача выявить все имущество и добиться признания завещания. Вокруг них поднялась настоящая буря. Одни считали пожертвованные средства «даром человечеству», другие упрекали Альфреда в недостатке патриотизма и были убеждены, что исполнить волю покойного невозможно. Член риксдага Яльмар Брантинг утверждал: «Колоссальные премии размещены на беговой дорожке столь далеко, что тс, кому посчастливится достигнуть их, уже и так успеют вкусить большую часть предлагаемых обществом материальных и духовных благ». Брантинг возражал против этого дара с сугубо марксистских позиций, одновременно бросая вызов «(капиталистической. - Б.О.) системе, сделавшей его возможным». В 1921 г. Брантинг поделил с норвежцем Кристианом Ланге Нобелевскую премию мира — за вклад в создание Лиги Наций. Вот как иногда случается.

Столкновение интересов

Поначалу Эмануэль не знал, как отнестись к завещанию. Со всех сторон его призывали подать в суд. Из-за слухов о грядущей рас продаже акции товарищества сильно упали в цене. Кроме того, были отменены некоторые деловые операции, предпринятые с одобрения Альфреда. Шведская родня настаивала на суде; такие требования, в частности, исходили от Робертовых сыновей Яльмара и Людвига, от их зятя графа фон Фришен Рпддерстольпе с супругой Ингеборг, от профессора Яльмара Шёгрена с супругой Анной Нобель, а также от трех дочерей Карла Нобеля, интересы которых представлял отчим Оке Шёгрен. Для Рагнара Сульмана положение было особенно неприятным из-за его дружбы с Яльмаром и Людвигом. В одном из писем Рагнара Людвигу сказано: «Мне приходится служить своеобразным буфером, при столкновении самых разных лиц и интересов». Дружеские отношения с Людвигом удалось восстановить лишь через несколько десятилетий.

Взаимоисключающие желания сторон, каждая из которых вела свою игру, приводили к многочисленным конфликтам. Яльмар и Людвиг Нобели, а также граф Карл фон Риддерстольпе поехали в Париж, чтобы опротестовать завещание во французском суде. Риддерстольпе и Яльмар Шёгрен с самого начала относились к душеприказчикам неприязненно, тогда как шведские академии наслаивали на компромиссе с родными Альфреда Нобеля. Такого

компромисса следовало добиться, внеся изменения в раздел имущества, — какие именно, из книги Сульмана неясно.

Завещание, однако, было составлено не по-французски, а по-шведски, и Альфред совершенно четко выразил в нем свою волю: распределением наград должны заниматься шведские академии и норвежский стортинг. Ни слова о Франции. Сульман отправляется в Париж. Яльмар Нобель, который уже находится там, чинит ему всяческие препоны, в частности племяннику Альфреда удалось наложить секвестр на его парижский особняк и имущество в Германии, но он не добрался до пенных бумаг, поскольку не мог доказать свое право распоряжаться ими. Сульман делает «удачный ход» и втайне переправляет бумаги в Англию и Швецию, чтобы хотя бы избежать их налогообложения французскими властями. Попытка Яльмара Нобеля завладеть бумагами в Англии провалилась. Яльмар Шёгрен проводит I! Стокгольме «разведку боем»: вчиняет иск ЯльмарУ и Людвигу Нобелям, дабы определить постоянное местожительство Альфреда.

За всей этой суматохой с Альфредовым завещанием как будто забыли про Роберта, который скончался в августе. Тем не менее в июне следующего, 1897-го, года Эмануэль просит Робертова сына и наследника Яльмара прислать в Петербург купоны, чтобы выплатить причитающиеся пайщикам дивиденды. Или Яльмар хотел бы оставить эти деньги в товариществе? «На будущий год рента понизится с шести до пяти процентов», — предупреждает Эмануэль. По его предложению общее собрание постановило «увековечить память основателя Товарищества. Роберта Нобеля, строительством школы его имени в Баку, на углу Экспортной улицы».

Рагнар Сульман и Эмануэль постоянно в контакте, либо поддерживая связь письменно, либо встречаясь лично. Вопрос о том. как распорядиться акциями Альфреда в «Товариществе бр. Нобель», а также прочим его имуществом в России, намечено обсудить в июне в Петербурге. Сульман приглашает поехать с собой бывшего сотрудника компании, который знает русский язык. На набережной Стадсгордскайен, у парохода в Финляндию. Рагнар Сульман сталкивается с Яльмаром Нобелем и графом и графиней Риддерстольпе. «Ни Эмануэлю Нобелю, ни мне навязанная компания не доставила особого удовольствия. Кузены (Эмануэль и Яльмар. — *Б. О.)* плохо ладили друг с другом, и в эту пору между ними царило взаимное недоверие. Яльмар упорно хотел находиться рядом при всех моих переговорах с Эмануэлем, даже тех, которые не имели к нему прямого касательства, например о положении Товарищества». Была составлена опись имущества, принадлежавшего покойному в России; труднее оказалось обсуждать завещание.

Чего же добивались шведские родственники Альфреда? Они хотели отсудить «фамильные бумаги», то есть все акции динамитных компаний в разных странах, акции «Товарищества бр. Нобель» и компании «Вуфорс-Гулльспопг», а также Дом в Париже. Это составляло около трети всего имущества, и Рагнар отверг их притязания, возможно, «в излишне резких тонах». Наследники опротестовали опись имущества, но протест был отклонен, и 15 ноябре 1897 г. Она наконец попала в Карлскугский окружной суд. Душеприказчиков обязали выплатить налог на наследство, составлявший свыше трех миллионов крон. Оставалось добиться юридического утверждения завещания. Акции «Нобелевского динамитного треста», «Товарищества нефтяного производства бр. Нобель» и компании «Буфорс-Гулльспопг» продавать было нельзя. Споры вокруг парижского особняка и имущества в Германии создавали лишние задержки и приносили ущерб. Возможно, Альфред у себя на небесах уже жалел о том, что внушал Роберту терпимость к Риддерстольпе, когда брата тревожил выбор жениха дочерью.

Ни Эмануэль Нобель, ни его братья и сестры оспаривать завещание не стали. Младшая сестра Марта рассказывает в своей книге, как Эмануэль собрал их в просторной гостиной дома на Самсониевской набережной и «со всей откровенностью спросил, согласны ли мы, последовав его примеру, уважить волю покойного дяди и отказаться от возможного наследства. Младшие настолько воодушевились благородным отношением Эмануэля, что без колебаний поддержали его, о чем им никогда не пришлось жалеть».

Давить на Эмануэля, чтобы он примкнул к шведской родне, пытались многие, но, замечает Сульман, твердая позиция этого племянника сыграла важную роль для дальнейшего хода событий. 1 февраля 1898 г. родственники Альфреда Нобеля, проживающие в Швеции, подали в Карлскугский окружной суд жалобу на исполнителей завещания, требуя его отмены. Можно себе представить, каких трудов стоило добиться мирового соглашения, которое было заключено в мае того же года. Яльмар Шёгрен (а также его несовершеннолетняя по тогдашним законам супруга Анна) и Оке Шёгрен (как опекун трех дочерей Карла Нобеля) получали каждый по 100 тыс. крон, то есть двенадцатую часть дохода от наследства за 1897 г. Если бы прочим наследникам досталось больше предусмотренного, Яльмару Шёгрену доплатили бы соответствующий процент. Отдельно договаривались с наследниками Роберта, и эти переговоры завершились в июне 1898 г. В результате Яльмар и Людвиг Нобели, а также Риддерстольпе (представлявший свою несовершеннолетнюю супругу Ингеборг) должны были поделить между собой сумму в миллион крон наличными и право на приобретение по номинальной цене четырех тысяч акций «Динамитного треста». Помимо этого, Яльмару причиталось в подарок от Альфреда 400 обыкновенных акций компании «Буфорс-Гулльспонг» стоимостью в 170 тыс.

крон. Еще нескольким близким было отдано в общей сложности 100 тыс. крон. Все наследники отказывались от дальнейших притязаний на капитал, но хотели бы, чтобы к ним прислушались при составлении устава Нобелевского фонда.

Шведские академии признали соглашение быстро, а норвежский стортинг затребовал дополнительные сведения и подписал его лишь 4 июля 1898 г. Альфредовы акции «Товарищества бр. Нобель» приобрел за 3480 тыс. крон Эмануэль — по курсу, одобренному биржевыми маклерами, хотя и ниже их тогдашней котировки. Акции были положены в стокгольмский «Эншильда банк». С их переводом в Санкт-Петербург следовало подождать до официального вступления завещания в силу.

«Товарищество бр. Нобель» и бакинские промыслы принесли в Нобелевский фонд чуть больше 10% его основного капитала.

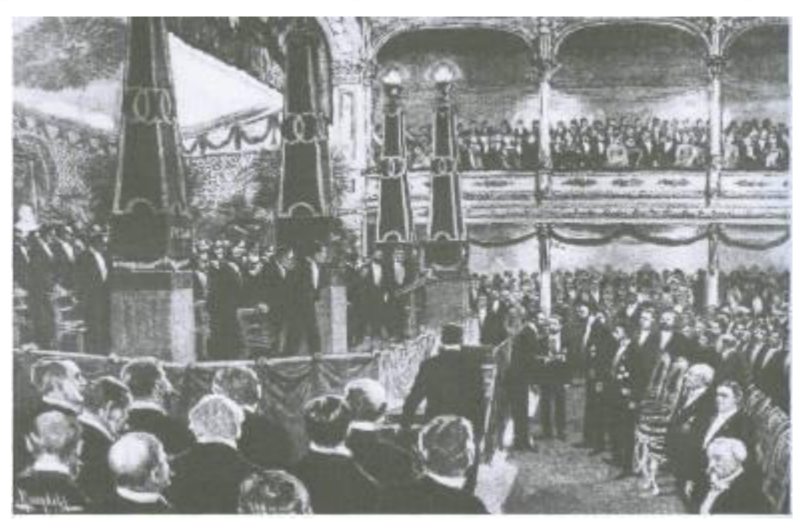
Его замысел вылился в нечто грандиозное

И все же давление продолжалось. Рагнар Сульман приводит эмоциональный рассказ Эмануэля об аудиенции, которую ему дал в феврале 1898 г. Оскар II. Король начал с призыва изменить завещание, в частности статью о том, что премию мира должен присуждать норвежский стортинг, поскольку это чревато разногласиями. «Твой дядя поддался влиянию мечтателей о мире, в особенности женского полу». Далее Оскар ТТ заявил, что завещание составлено плохо и не годится к исполнению. Академия наук отказалась заниматься им в теперешнем виде. Эмануэль, со своей стороны, объяснил, что переговоры дают плоды и уже разрабатывается устав фонда. На что король сказал: «Людям не запретишь собираться и обсуждать какие-то предметы, но ответственные решения принимаются иначе. В любом случае ты обязан следить, чтобы сумасбродные идеи дядюшки не повредили интересам вверенных твоему попечению близких». Эмануэль ответствовал: «Ваше Величество, я не хочу, чтобы достойнейшие ученые в будущем упрекали наше семейство в присвоении средств, Которые но праву принадлежат им».

Когда Эмануэль рассказал эту историю своему русскому адвокату, тол- пришел в ужас и решил, что надо срочно возвращаться в Петербург, иначе Эмануэлю не избежать ареста за оскорбление Его Королевского Величества!

Женат Альфред никогда не был, но в достаточно солидном Возрасте влюбился в Софи Хесс, работавшую в цветочном магазине курортного местечка Баден под Веной. Софи была полной противоположностью Альфреду: легкомысленная красотка из еврейской семьи, без образования и

желания его получить, зато с большими запросами. После знакомства между Альфредом и Софи завязывается переписка, он щедрой рукой снабжает Софи деньгами, а спустя 18 лет, когда происходит разрыв, определяет ей пожизненную ренту. Эта рента оговорена и в завещании, однако молодой женщине хочется большего. При поддержке родни (тоже весьма бессовестной) Софи запрашивает крупную сумму за письма Альфреда. Будучи официально замужем и имея ребенка, она (как всегда) живет не по средствам и наделала долгов. Софи то молит о помощи, то прибегает к шантажу. Если ей не заплатят по-хорошему, она предает письма огласке! Сульман пребывал в смущении. Душеприказчики не знали содержания писем и не были уверены, что справятся с еще одним судебным процессом. К тому же все боялись бросить тень на Альфреда. В конце концов Софи передала исполнителям завещания 216 его писем, за что те погасили ее долги в 12 тыс. флоринов и взяли на себя выплату ренты до создания Нобелевского фонда.

Кронпринц Густав вручает Нобелевскую премию немецкому физику Конраду Рентгену. Эта первая церемония происходила 10 декабря 1901 г. в просторном зале Музыкальной академии. Общая сумма премий составила 150 тыс. крои, что равнялось 25 годовым окладам университетского профессора

В 1898 г. проходило три судебных разбирательства. Одно из них касалось прав па разработку залежей железной руды и меди в Северной Норвегии. В свое время Альфред проявил интерес к созданию добывающей компании, в руководители которой, в частности, намечал Яльмара Шёгрена. Верховный суд отверг притязания Шёгрена па наследственное имущество. Два других процесса были более серьезны и инициировались французами. На одном из

заседаний Эмануэлю Нобелю пришлось излагать своп разговоры с Альфредом, где тот объяснял, какое возмещение намерен предоставить истцам. Посягательства на наследство и в этих случаях были отвергнуты.

Итак, в 1899 г. можно было заняться учреждением Нобелевского фонда. Обсуждать устав пригласили Яльмара, Людвига и Эмануэля Нобелей, а также Яльмара Шёгрена. Если первые Нобелевские премии. 10 декабря 1901 г., вручал наследный принц, то в следующий раз торжественную церемонию проводил уже Оскар П. С тех пор эта традиция поддерживается как шведскими, так и норвежскими монархами. Через много лет Эмануэль скажет другу архиепископу Натану Сёдерблуму, одному из немногих Нобелевских лауреатов (премия мира за 1930 г.), лично знавших Альфреда: «Да, сначала я пошел против его воли. Его должны были сжечь прямо в Сан-Ремо, но я затребовал тебя телеграфом из Парижа, и все обернулось иначе. Ему бы это понравилось. В конце концов его замысел вылился в нечто грандиозное».

ГЛАВА 7

Шикарная жизнь в Баку и Петербурге

ДВАДЦАТИТРЕХЛЕТНЯЯ РУТ ГРАПЕНГИССЕР, недавняя выпускница Центрального гимнастического института в Стокгольме, дипломированный учитель гимнастики и специалист по лечебной гимнастике, получает приглашение из Баку. Ее зовет приехать туда К. В. Хагелин, супруга которого Хильда не блещет здоровьем. Рут, связанная с фру Хагелин дальним родством, становится се компаньонкой, делает Хильде массаж, присматривает за детьми Борисом, Анной, а впоследствии и новорожденным Володей. Рут — девушка веселая, предприимчивая, сильная. Она любит развлечься, любит поволновать кровь у холостых служащих товарищества. Она отлично видит страстные взгляды, которыми одаряют ее красавцы на бакинских улицах.

Рут Грапенгиссер, недавняя выпускница Центрального гимнастического института в Стокгольме

В 1895 г. Вильгельм Хагелин занимает должность главного управляющего в Баку. Рут служит у Хагслинов с 1895 по 1902 г., переезжая из Баку в Петербург и обратно. Благодаря оживленной переписке Рут с матерью Марией и сестрой А во и (они живут в усадьбе Норрбю в окрестностях шведского города Йончёиинга) мы можем проследить за судьбой Рут — сначала незамужней девушки, а с 1902 г. новобрачной и матери довольно большого бакинского семейства.

«Баку, 1 октября 1895 года
Дражайшая сестра!
Тебе не стоит за меня беспокоиться, потому что я устроена замечательно, живу в замечательной комнате среди замечательных людей в замечательной жаре, которая, впрочем, иногда даже слишком замечательна. Лифчиком я еще не обзавелась. Хожу сегодня в муслиновом лифе, так как все мои сорочки в стирке. Кругом такая пыль, что любая одежда быстро грязнится. Скоро шесть часов, тогда мы будем ужинать.

Ах да, ты же не имела от меня вестей с самого Рождества! У нас теперь в гостях важная персона, Эмануэль Нобель. Живет он у доктора Сигреуса, но обедает и ужинает с нами. Он очень славный и веселый, любит

поговорить и недурен собой. Как приехал, шастает по всей округе с 9 утра до 9 вечера да еще таскает за собой бедного Вильгельма. Сегодня они в Балаханах, хотя погода малоподходящая, дует сильный ветер и полтора дня шли дожди, так что дороги совсем развезло. После обеда ездила в город за продуктами, только меня крепко надули, тут у них не разберешь, какое мясо или рыба хорошее, а какое плохое, задешево тебе продают или задорого... ну да ладно, главное, купила все, что было нужно, а заплатила около 9 рублей, то есть 18 крон. Вообще-то покупками должна заниматься кухарка, но она меня просто умолила поехать, ее саму здесь плохо понимают. [...] С приезда Эмануэля в клубе было два представления. На первом исполнялись шведские пьесы «Дураки» и «Сигара»[21]. В «Дураках» я играю барышню, а Тюра — Ингу. [...] В воскресенье давали русский спектакль, потом устроили пение и, под конец, танцы».

Между уехавшей в Росси Рут и ее матерью и сеет оставшимися в родовой усадьбе Грапенгиссеров Норрбю под Йончёпингом идет оживленная переписка

[21] Одноактные комедии малоизвестных авторов —Вурма Юниора («Дураки») и Франса Оскара Леонарда Худелля («Сигара»).

Хильда Хагелин присматривает за катающейся на велосипеде Анной и за Рут, которая вместе с Володей едет на осле

Молодая финка Тюра Хейкель служила гувернанткой в одной семье. Хозяйка ее оказалась скверного нрава и всячески донимала Тюру. Тогда художественно одаренную девушку взяла к себе Хильда Хагелин, и Тюра отрабатывала пансион тем, что расписывала и всячески украшала их дом.

«На днях мы с Тюрой совершили поступок, который ужаснул наших хозяек и заставил их усомниться в здравии нашего ума. Мы побились об заклад с господином Бэрнъ-льмом, что как-нибудь воскресным утром прокатимся на ослах от Виллы Петролеа до нобелевской конторы в центре города. Мы выехали из поселка в 7.30, а уже в 8.30 прибыли на место, но если б ты знала, как мы хохотали этот час, ты бы удивилась, что мы добрались туда в целости и сохранности. А потом мы остались в городе до вечера и развлекались напропалую. Мы воспользовались тем, что у Вильгельма была встреча с Эмануэлем Нобелем, потому что он бы такого не позволил, а Хильда разрешила. Вечером нам таки попало от Вильгельма за эту выходку, но и он не сумел скрыть улыбки».

В апреле 1896 г. Рут сообщает матери: «Тюра сейчас тоже пишет домой. Мы с ней потихоньку удрали из клуба, где устроили кофепитие в честь фру и фрекен Нобель [Эдлы и Анны. — *Б. О.).* Мы попили кофею, наелись до отвала конфет, а потом снова заявились к господину Стигселиусу. У Фигге болели зубы от нервов, я его потерла, договорившись, что он угостит меня за это зельтерской водой — уж очень я объелась сладостей. Фру и фрекен Нобель приехали в прошлую среду Фрекен, по-моему, очень симпатичная, а про фру Нобель судить не могу, потому как она барыня. Всё. Матушкина Плутовка».

Чуть погодя Рут рассказывает: «Побели устроили для всех чудесную поездку в Сураханы — смотреть храм огнепоклонников*, где молились вечным огням последователи Зороастра, и огни там горят до сих пор, хотя святилище стоит пустое и заброшенное. Раньше огонь горел в каждой келье и еще во дворе и на башне крематория, а теперь остался только по четырем углам большой башни, но и от них заливало светом весь двор, и храм был виден в ночной степи издалека. Выехали мы в девять вечера на специальном поезде. Было изумительно красиво и торжественно. Мы с Тюрой готовы были спрятаться в келье и, когда все уедут, поклоняться вечному огню, как зороастрийцы. [...] Теперь пора ложиться спать, иначе В. устроит мне завтра взбучку. Он очень славный, только делается несносным, когда лезет в мои дела».

Письмо от 21 апреля или 3 мая 1896 г.: «Всю неделю у нас стояла прекрасная погода, но сегодня, по случаю воскресенья, пошел дождь. Это особенно досадно, потому что именно сегодня была закладка церкви для

---

* См. с. 50.

здешних немцев и шведов». На церемонии присутствовали Эмануэль Нобель и Вильгельм Хагелин.

По утрам Рут массирует пациентов. В остальное время она беседует с гостями, ходит на обеды, как-то выбирается с компанией на Нарген, островок в окрестностях Баку. «На острове ни одного деревца, но солнце не успело сжечь всю траву, и ложбинки между скалами были зеленые. Из жителей там только смотритель маяка с семьей да несметное множество кроликов и змей». Тюра и Рут с удовольствием купаются. После ужина молодежь затевает жаркие споры. На обратном пути поджигают море, бросив горящую тряпку туда, где из-под воды выходит газ.

В 1899 г. в Баку завершается строительетт еваигелическо-лютеранскок храма (отчасти на деньги Нобелей). Возможно, И остову дочь Нину крести в нем 25 июля 1917 г. паст Циммерман

По дороге на отдых в Финляндию и Швецию Рут останавливается в Москве, чтобы присутствовать при коронации Николая ТТ. «Матушка и не представляет себе, как гут все было разукрашено, впрочем, об этом вы можете прочитать в газетах. Но мне интересно было своими глазами полюбоваться на такое убранство». Скопленное жалованье Рут посылает матери, которая кладет его на сберегательную книжку.

1 сентября 1896 г. Рут возвращается в Баку: «На пристани меня встречали Вильгельм, господин Стигселиус и доктор Фегреус. Об эту пору народ стекается в город из разных мест, куда уезжал на лето. В портовом

городе Дербенте (в который они заходят по дороге в Баку. *В.О.)* пароход не мог причалить, так что пассажиров и грузы переправляли на лодках. Такого гвалта я еще в жизни не видывала и не слыхивала. К нам поднялись персы, они приплыли в крохотной лодочке предложить на продажу фрукты, а заодно, видимо, и поживиться чем-нибудь. Когда подошло гребное судно с множеством пассажиров, которые стали с боем пробиваться на пароход, персы воспользовались суматохой, перескочили от нас туда, стали орать и вопить хуже всех прочих, чтобы йотом, улучив минуту, когда никто не смотрел, снова прыгнуть к себе в лодку, уже с узелком на брата. Затем они сбоку пошли на абордаж парохода, но наша команда стала поливать их водой, а когда это не подействовало, то помоями, пока персы гигантскими прыжками не убрались обратно в лодку, и, как ни странно, ни один из них не упал в море, разве что окунулся рукой или ногой».

Свор у крыльца Хагелинов. В ожидании дамского велосипеда Рут пыталась освоить мужской — и, о чудо, у нее получилось! Потом и Рут, и Хильда Хагелин могли выписывать на велосипедной дорожке любые вензеля

Баку, письмо от 16 сентября 1896 г. (на почтовой бумаге товарищества): «В четверг Вильгельм уезжает, и сегодня я покупала в городе шелковые отрезы, которые он повезет Хильде. Вильгельм очень сланный. Мы с ним прекрасно ладим. Позавчера от нас уехал господин Стигселиус. А однажды ночью пожаловал новый гость, господин Круселль из Санкт-

Петербурга, которого ждали только на другой день. Он очень любезный, и теперь я сижу на хозяйкином месте и спасибо после еды говорят мне, что, на мой взгляд, довольно забавно. По приезде у господина Круселля болела шея, и я ее раза два помяла. Интересно, что я целое лето пробыла в бабьем царстве (да позволено мне будет гак выразиться), а теперь вращаюсь почти исключительно среди мужчин. Мы играли в лаун-теннис, и у меня разболелась правая рука. Вильгельм всем рассказывает, что я выучила русский, и надо не пугаться, а как ни в чем не бывало продолжать его осваивать. Вчера мы с В. ходили между девятью и десятью гулять и завернули на кегельбан, где собрались лучшие игроки. Выглядели они, прямо скажем, шикарно: без сюртуков, в рубашках с отстегнутыми воротничками и брюках на ремне, разгоряченные, с лоснящимися лицами. Потом мы заглянули в клуб выпить зельтерской, и там, разумеется, тоже шли одни мужчины. [...] Сегодня начались занятия в нобелевской школе, и я ходила туда вместе со всеми. Четыре вечера подряд В. брал меня на завод, и мне это очень нравится. Иногда он рассказывает массу интересного о том, что там происходит».

Кофе па веранде: Хильда Хагелин (в центре за столом) с Рут (крайняя слева), Турберном Фегреусо. (крайний справа) и двумя неизвестными

В октябре 1896 г. Рут пишет матери из Баку: «Я получила от Стиккана чудный подарок, но не стану огорчать матушку и признаваться, что именно. Подарок нам на двоих с Тю-рой. Я еще не уверена, осмелюсь ли рассказать о нем Вильгельму». (Позднее она признается, что это изящный маленький револьвер.)

II в ноябре того же года: «Вчера в клубе устроили боль] шой вечер в честь музыкального руководителя у мужчин. Исполнялось много разных номеров, фру Лампе пела, потом был театральный спектакль. Вильгельм оставил меня на попечение господина Круселля, поэтому я могла пробыть на вечере столько, сколько захочу. Мы поужинали и шикарно провели время. Тюру позвали с собой Таусоны, и она у них заночевала. Если б ты только знала, как я натанцевалась! Даже сплясала русскую мазурку, хотя не совсем удачно. Зато повеселилась я на славу. Вильгельм оставил открытой балконную дверь, так что я спокойненько вошла через нее, когда в чет-верп, пятого утра господин Круселль и Фигге распрощались со мной 1} саду. На этой неделе Хильда собирается пригласить в гости одних мужчин — то-то будет весело! Теперь я помассировала шею Вильгельму, и он просил передать тебе большой привет».

5 января 1897 г.: «Милая моя, любимая матушка! Скоро .1п придет от тебя новая весточка? Поздравление с Рождеством получила, а после — ничего. В предыдущем письме я рассказывала о крестинах у двоих детей. С тех пор крестин не было. В первый день Нового года в клубе устроили торжественный завтрак, в одиннадцать утра. Мы ели, пили и радовались жизни. Несколько рабочих переоделись пиратами и попросили разрешения устроить спектакль и разыграли представление, в финале которого пиратский вожак убивает часть мятежников и они весьма натурально падают на пол. А потом все актеры исполнили русский народный танец, камаринскую, и это было здорово. [...] Тут можно в ы п и т ь хорошего вина и хорошего ликера, а затем угоститься шведским пуншем, который тайком принесли с собой. [...] Мы играем в теннис, пьем кофе с ликером и снова играем, пока не наступит темнота. [...] Эпизод: на днях, возвращаясь домой, я застряла посреди улицы по щиколотку в грязи; навстречу шел симпатичный рабочий с узелком под мышкой, он крикнул: «Постойте, барышня, сейчас я вам помогу», огромными шагами добрался до меня, обхватил за талию и, вроде какого-то свертка, перенес на ту сторону».

У Рут теперь четыре пациента, и она с Тюрой переселяется в город. Господин Стигселиус превращается сначала в Стиккана, потом в Лассе; крепнет дружба и с Фигге — геологом Турберном Фегрёусом.

Тюра и Рут устраивают праздник, который по-русски называют «новосельем». «Пригласили столько гостей, сколько влезло в комнату: Хагелины, Таусоны, Сандгрены, Стары и, конечно, паши кухарки — Фигге и

Стиккан. Кухарки при тащили здоровенную бутыль глинтвейна, зельтер-Екую воду и большой шикарный торт. На новоселье положено приносить хлеб да соль и угощать ими хозяев. Многие принесли хлеб и пирожные домашней выпечки, а Вильгельм вручил нам баночку с ландышами, которые распустились на этой неделе и на которые мы не перестаем любоваться».

«Квартира находится в гористой части города, довольно высоко па склоне, по в награду за трудный подъем от нас открывается великолепный вид - на море с его многочисленными судами и алым восходом солнца но утрам. А еще перед нами древняя стена вокруг города персов с его таинственными улочками и, наконец, весь современный Баку, посреди которого возвышается русская церковь с сияющими золотыми куполами. Замечательно чувствовать себя свободными. Мы с Тюрой иногда выходим вечерком пройтись и радуемся, что никто не запрещает нам этого удовольствия. Какие попадаются навстречу красавцы, иногда просто глаз не оторвешь!.. Однако показывать им восхищение опасно: у этих мужчин огненные взоры, говорящие о пылкости натуры, и они отнюдь не скрывают своих чувств... Не было у нас недостатка и в вине — благодаря знакомству с капитанами. Многие из них неженаты и очень милые. Они возят из Персии апельсины». Однажды Рут едет с Вильгельмом в поселок Петролеа «в карсте, какой ты еще в жизни не видала: экипаж движется бензином и, значит, катится сам, безо всяких лошадей». Прохожие дивятся на Хагелинов «бенп» в пять лошадиных сил. Автомобиль гордо делает круг по поселку, и к инженеру Гарсоеву подскакивает его грузинский слуга с воплем: «Хозяин, хозяин, теперь я могу умереть спокойно... я видел, как арба едет вез лошади!»

Март 1897 г.: «Позавчера вечером у нас было незабываемое, потрясающее зрелище! Я чуть не задохнулась от восторга. Если 6 я только могла изобразить его словами! Это был огонь! Целый фонтан нефти высотой в тысячу футов, вдруг забивший из-под земли! Представь себе, что перед тобой с оглушительным грохотом вырастает толстый огненный столп эдакой высоты. Он вспыхнул ярким пламенем, и его видно на 50 миль окрест! Говорят, такое зрелище большая редкость, если вообще не уникальный случай; а еще загорелся большой амбар с мазутом. Но его пламя образовало лишь красное основание колоссального столпа, вознесшегося ввысь по абсолютно прямой линии, несмотря на порядочный ветер. Скважина принадлежала богатому армянину Тагиеву (во всяком случае, мне кажется, что он армянин), и он переживет эту потерю, хотя убытки исчисляются в миллионы рублей. Подумать только, мне посчастливилось туда съездить и все увидеть. Мы с Тюрой были на "Вилле" в поселке Пстролеа. — *Т.Д.]* и как раз собирались садиться за стол, как вдруг влетает господин Стигселиус (что само по себе удивительно, обычно он крайне спокойный) и спрашивает, видели ли мы пожар. "Скоренько одевайтесь и поехали!" Мы не стали

медлить, тем более что о подаче фаэтона он уже позаботился. До Биби-Эйбата около мили[22], но зрелище было грандиозное даже с веранды. Видела бы ты это необыкновенное свечение над Биби-Эйбатом... Казалось, перед нами распростерлась волшебная страна, в которой всё из чистого серебра. Такой красоты, матушка, я не наблюдала никогда в жизни! Около девяти мы вернулись в город и, поскольку господин Стигселиус проголодался, пошли в "Гранд-отель" ужинать. Затем он отвез нас домой, однако спали мы в ту ночь мало: невозможно было стереть из памяти величественный огненный столп, мерцающий серебром Биби-Эйбат и грохот нефтяного фонтана».

Гуннар Далырен бродит по городу со своим фотоаппаратом и снимает повозки, запряженные волами

Еще март 1897 г.: «Любимая моя матушка! Тебе не стоит тревожиться, что я будто бы веду себя опрометчиво! Вечером мы с Тюрой почти не выходим из дому без сопровождения Фигге и Стиккана. А они, да будет тебе известно раз и навсегда, люди порядочные. Впрочем, ты права. Как раз вчера мы ходили в Оперу слушать "Аиду", причем не с ними, а с

[22] Шведская миля равняется 10 км.

капитаном Пальмросом и господином Бэрнъельмом, которые нас и пригласили. С нами была еще одна молодая шведка, фрекен Шутценхейм. Сначала мы поужинали у господина Б., а уже потом отправились в Оперу. Я раньше не слышала "Аиды", поэтому совершенно не могла следить за действием, тем более что пели, разумеется, по-русски. Пояснительного текста, какой тебе дают в Стокгольме, здесь не бывает. Сегодня я помираю хочу спать. [...] А вчера утром, представь себе, мне объяснились в любви прямо на улице. Одни перс, который знает русский язык. Очевидно, ему понравилась моя внешность, в особенности рыжие волосы. Я шла мимо, и он окликнул меня словами: «Ты красивая», на что я ответила: «А ты нет». Это было не совсем справедливо, потому что у него были дивные глаза. Тогда он сказал: «Я люблю тебя», на что я ответила: «А я тебя - нет». - «Не важно, я тебя все равно люблю», - продолжал он. Я в ответ: «Но я не татарка». Он опять: «Не важно, я тебя очень люблю», на что я сказала, дескать, это глупо с его стороны, и юркнула в свои ворота. Надеюсь, каналья просто шутил со мной, иначе дело могло обернуться не самым приятным образом. А еще, матушка, не стоит тревожиться по поводу чумы. Никто из здравомыслящих людей вокруг не думает, что она сюда доберется. Ты спрашиваешь, чем занята Тюра. Она учит сына капитана Ласси, для чего каждый день ходит к ним. Кроме того, она вышивает подушки, занимается живописью и прочая и прочая, в общем, делает все, что ей заказывают. Она уже здорово поднаторела в русском, чего нельзя сказать обо мне, потому что эти негодники, у которых мы живем, норовят говорить только по-немецки».

Нобелевцам понравился Тифлис - город, разделенный рекой Курой

27 апреля 1897 г.: «В Тифлисе мы провели время чертовски весело, шикарно и здорово. Жили в шикарном отеле и имели все, что было угодно душеньке. Мы пробыли там каких-нибудь четыре дня, но эти дни можно считать самыми замечательными в моей жизни. Нас с Тюрой пригласили Стиккан и Фигге. Еще ездили Берта и Андсрс Таусон, господин Бэрнъсльм, господин Петсрсон, а также Юлин и Лак-вист. Сегодня обедала в гостинице "Метрополь". Страшно устала и хочу спать. Играла в лаун-теннис, потом два часа ходила по степи за черепахами. Хильда и Вильгельм уже спят».

С ноября 1898 г. Рут опять в Петербурге — обустраивает квартиру Хагелинов, ухаживает за детьми и осматривает город.

«Дражайшая матушка! На улицах тут невероятное оживление, и мне оно нравится. Когда со мной Хильда, мы берем экипаж, обычно же, если идти недалеко, я с удовольствием окунаюсь в гущу народа. Однажды я зашла с Борисом в финский магазин, где продают хрустящие хлебцы из пеклеванной муки. Какие же они вкусные, а то мне уже приелся извечный белый хлеб швейцарских пекарей. [...] Завтра приезжает из Выборга Тюра Хейкель. Хильда еще до моего приезда позвала ее в гости. Приятно будет снова повидаться с Тюрой. Впрочем, насколько я поняла, она пробудет у нас всего дня два. Ну что ж, надо получше провести это время.

Вильгельм в Баку и едва ли вернется в Петербург, пока я тут. Ребятишки ужасно милые. Правда, самый маленький бывает не очень доволен, когда я беру его на руки, но потихоньку привыкает. Утром он заходит ко мне, когда я умываюсь, и подсмеивается надо мной. Борис сильно вырос и стал непослушным, только все равно он мой любимец. [...] Хильда кланяется тебе и сестрице. Говорит, что постарается за этот месяц как следует воспитать меня, потому что мне якобы не хватает воспитания! С наилучшими пожеланиями всем, Плутовка».

Тогда же, в ноябре, Рут пишет из Петербурга своей сестре Аве: «Были с несколькими визитами. Нас принимали Нобели, фру Ольсен (урожденная Мина Нобель) и Кауфманы (как я понимаю, Хильдипы близкие друзья), а вчера еще владелец нашего дома, Белямин. Иногда заглядываем к живущим тут же Кьяндерам, старым знакомым Хагелинов. Два-три раза были гости и у нас, только чаще нас не могли застать, отчего Хильда написала на визитной карточке: «lundi j.f.»[23], так что теперь приходится по поделникам сидеть дома. Однажды нас посетил приехавший из Баку капитан Пальмрос. Я о нем рассказывала и даже показывала его карточку. На другой день он пришел снова и остался к завтраку (как здесь называют полуденную еду). Интересно было послушать свежие бакинские новости».

[23] «Журфикс (то есть день приема гостей) в понедельник» (фр).

Рут уезжает, сначала в Швецию, затем в Льеж. Она отсутствует три года.

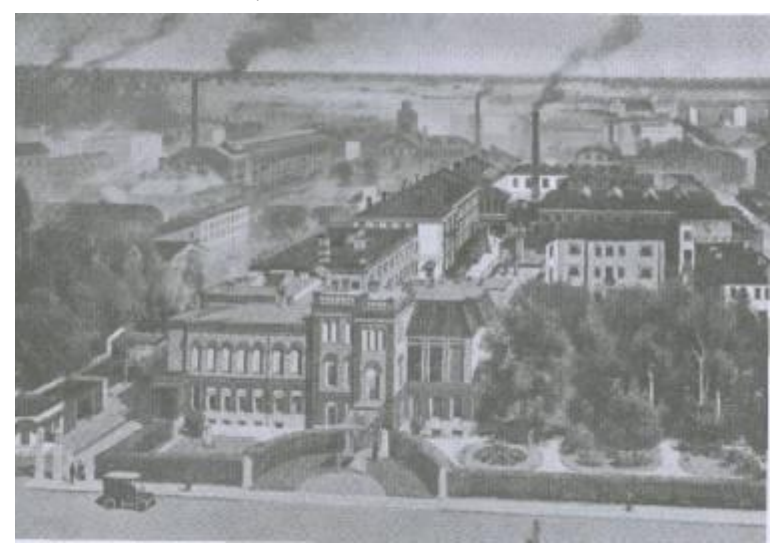
В октябре 1901 г. она пишет из Петербурга: «Дорогая моя матушка! У меня выдалась покойная минутка, хотя дети еще не легли. Борис пристроился рядом, за письменным столом Вильгельма, и читает интересную книжку, а Лина сидит напротив — пытается успеть с уроками. Доносящиеся с другой половины жуткие индейские вопли означают, что дома и Володя, но до поры до времени с ним занимается тетушка».

Петербургский особняк Нобелей посещает Сельма Лагерлёф. И 1912г. она рассказывает: «Из просторного вестибюля в нижнем этаже я по великолепной высокой лестнице поднялась в городскую квартиру и попала в зимний сад. Слева от пего быт двери в столовую и в замечательный кабинет доктора Нобеля. Далее располагалась огромная гостиная — такой большой гостиной я еще никогда не встречала в частном доме...»

В конце ноября 1901 г.: «В пятницу мы ходили к Крусел-лям и застряли там: оии давали обед, который затянулся до 10 часов. Мы честно хотели сразу уйти, по господин Кру-селль настиг нас в передней и вернул. Нас усадили за стол, и мы хороню провели время. Я отдала должное еде и с удовольствием присоединялась ко всем тостам, пила шампанское и другие

вина. После обеда для нас пели два господина, и настроение у всех было превосходное, и мне было очень весело, только я умудрилась облить Хильду кофе, -прочем, виновата отчасти была она сама. За два года в Лье-"е я и вполовину столько не смеялась, сколько уже смеялась ут. Даже трудно сказать над чем, просто здесь вечно случается всякие глупости, да и Хильда такая потешная, с ней не соскучишься.

Особняк и завод Нобеле на Самсониевской набережной Петербурга

У нас тут сплошная суета. За предыдущую неделю пропели в спокойствии дома всего один день — среду. А в остальные дни либо сами куда-нибудь ходи.ш, либо принимали гостей. У меня для такого образа жизни не хватает нарядов, ведь нужно быть прилично одетой, когда идешь к Круселлям или к Нобелям в день, назначенный их дамами. [...]С пятницы по воскресенье мы каждый вечер были в гостях и получали удовольствие — кроме воскресенья, когда ходили к Нобелям, где обстановка такая торжественно-строгая, что больше меня туда не заманишь».

Письмо от 1 декабря 1901 г.: «Хильда чуть не всю неделю по гостям. Началось с воскресной поездки на свадьбу, [...] я напросилась в виде зрительницы, потому что хотела посмотреть русское венчание. Церемония была длинная, со всякими выкрутасами. Потом я уехала домой, а Хильда отправилась в дом невесты, где еще долго поздравляли новобрачных и пили за них. [...] Ты просто не поверишь, матушка, как Хильда расфрантилась, каких шикарных туалетов себе понаделала: ее изящные платья светлого

шелка столь великолепны, что невозможно глаз отвести. В среду вечером Нобели пригласили нас с Хильдой в Оперу. Давали по-русски "Иоланту" и Гензель и Грстель"».

9 января 1902 г. Рут пишет из Гельсингфорса, куда поехала навестить родителей будущего мужа: «Дорогая матушка! Ты наверняка считаешь, что тебе давно пора получить от меня письмо, и я с тобой совершенно согласна. Безобразие, что я гощу у будущих свойственников, обручаюсь и все такое прочее, не оповестив собственную матушку. Итак, уведомляю тебя: я собралась замуж за Ларса Стигселиуса, о чем прошу официально объявить всему свету. Будь добра, матушка, распорядись, чтобы о помолвке было напечатано в газетах «Смоландс аллеханда» и «Стокгольме дагблад» во вторник, 14-го числа. Мы хотим в этот день обменяться кольцами».

Значительно позже Рут станет фру Стигселиус. В жаркий летний день она привела своих девчушек Эстер, Лиз и Карин -на берег Каспийского моря

Ларе Антон Исидор Стигселиус был кораблестроителем из Обу. На службу к Нобелям поступил в 1880 г., начав с чертежного бюро в Царицыне, откуда он перебрался в Астрахань, а в 1887 г. — в Баку, на должность проектировщика. Через пять лет он возглавил технический отдел товарищества, в 1897—1898 гг. руководил строительством эллинга. Ларе написал несколько чопорное письмо «многоуважаемой госпоже Грапенгиссс», в котором рассказывает о себе и просит руки ее дочери.

19 февраля 1902 г. Рут собирается на родину, рассказывает, что намерена купить из одежды и приданого. «Каждый Божий день к нам приходит молодой инженер Борггрен, который едет в Баку. Доктор [т.е. Ларе Стигселиус. — *Т.Д.]* устраивает мне бурные сцепы, утверждая, что инженер ходит по мою душу. Ну что ж, это был хороший случай "распустить язык" и не менее хороший случай учиться сносить шутки на свой счет, а вообще мы с ним так много смеемся, что на сердце легко и свободно».

Да, Борггрен опоздал. После свадебного пира, устроенного в фамильной усадьбе Норрбю, Лассе и Рут едут в Берлин, оттуда через Вену к Средиземному морю, на остров Корфу и в Афины, затем пароходом до Батума и поездом к своему новому дому в Баку, где они проживут до 1913 г.

ГЛАВА 8

Предчувствия краха — и Великое Обновление

С НАСТУПЛЕНИЕМ НОВОГО ВЕКА кое-кто начинает предчувствовать скорый крах российской монархии. Сергей Витте молит Бога об избавлении от власти, погрязшей к безволии, слабости, слепоте и глупости, имея в виду самодержавие Николая И.

Вопрос о развитии российской экономики обсуждается как внутри страны, так и за ее пределами. Правительство расширяет сеть железных дорог, налаживает торговые сняли с заграницей. Население России составляет 130 млн. человек. Из них от полутора до трех миллионов заняты в промышленности. Сельское хозяйство сугубо примитивное, крестьян давят налогами и пошлинами, стране неотступно угрожает голод. Займы можно получить только под ростовщичий процент, и дворянство лишается земли и другого имущества. Самые лучшие условия труда на машиностроительных заводах. В Санкт-Петербурге и окрестностях, а также в Польше (после Венского конгресса 181-1-1815 гг. значительная ее часть отошла к России) введены условия, приближающиеся к европейским: рабочий день для взрослых равен 11,5 часам, детей до 12 лет брать на работу запрещено. Повышается уровень грамотности, а с ним и жалованье. По мнению академика Максима Ковалевского, государство тормозит прогресс как управлением с помощью полицейской силы, так и принятием зачастую ошибочных законов. Пард привык ждать, что власть сама все для нею устроит или будет мешать его начинаниям. Для создания любого союза требовалось разрешение, на участие в съезде или заседании требовался мандат.

Рабочие начали борьбу за свои права в 1896 г., с забастовки 30 тысяч петербургских текстильщиков. Спустя два года была образована социал-демократическая партия - и полиция произвела тысячи арестов. Рабочие и студенты собираются в тайные общества, знакомятся с методами совместной борьбы. Раздаются новые голоса, призывающие идти другим путем. Русский марксист Туган-Барановский подталкивает в сторону социализма: коль скоро национальная промышленность потерпела крах, мелкий крестьянин разорился и народ обращен в пролетариев, назрело Великое Обновление — экономическое и политическое.

«Товарищество братьев Нобель» обеспечивает себе тылы

На рубеже веков российские промышленники добывали более половины сырой нефти в мире, однако непоследовательная торговая политика властей была чревата тем, что русских производителей и их иностранных покупщиков могли вытеснить с рынка американцы. Маркус Сэмюэл пришел к выводу, что необходимо обзаводиться собственными промыслами, искать нефтяные месторождения, которые бы он контролировал сам. В 1897 г. они с братом основывают «Шелл транспорт энд трейдинг компани». Двумя годами раньше недавно образованная компания «Ройял датч» переманила к себе из банка голландца Генри Дстерлинга, человека невысокого роста, но с неотразимым обаянием. И вот нефтяные компании уже достигли далекой Индии, проникли во влажные джунгли Суматры и Борнео. Теперь Детердипг хотел добиться соглашения между разными фирмами, которое позволило бы избежать ценовой войны. А еще он хотел добиться слияния «Ройял датч» и «Шелл».

Когда Маркус Сэмюэл в конце концов отказался от предложения объединиться со «Стандард ойл», Детердинг выдвинул ему ультиматум. На сей раз Маркус Сэмюэл уступил и согласился на роль второго начальника в новообразованной компании «Ройял датч-Шелл». Более известная как «Бритиш датч» и в 1903 г. переименованная в «Эйшиэтик петролеум компани», она во главе с Дстердингом отвоевала себе почет-нос место среди игроков на переменчивом нефтяном рынке. С 1907 г. компания стала называться «Ройял датч-Шелл груп», а ее главная контора перебралась в Лондон. Тем не менее противостояние со «Стандард ойл» продолжалось. Руководство «Ройял датч-Шелл труп» поняло, что американцам надо бросить вызов в самих Соединенных Штатах, и приступило к бурению скважин в Калифорнии.

Лишь теперь непримиримые конкуренты вступают в переговоры друг с другом и начинают распределять сферы влияния. В 1897 г. в Петербург по приглашению Ханса Ольсена приезжает Жюль Арон, глава коммерческого отдела влиятельного банковского клана Ротшильдов. Ольсен осознал необходимость наладить добрые отношения и с Ротшильдами, и со «Стандард ойл» (английский филиал которой вместо заболевшего Либби теперь возглавлял Джеймс Макдональд). Сотрудничество пошло отлично — во всяком случае, по свидетельству самого Ханса, который хорошо разбирался в людях и был наделен талантом переговорщика.

Мине Нобель, дочери Людвига и Эдлы, пришлось дожидаться Ханса Ольсена не один год. Когда они после свадебного путешествия вернулись в Санкт-Петербург, то как раз успели к ежегодному заседанию дирекции. Оно созывалось в конце июня, перед традиционным общим собранием -раньше

было нельзя, так как полагалось свести воедино все промежуточные показатели и сравнить их с результатами прошлого года. Ханс Ольсен теперь заведовал не только иностранным отделом, но и сбытом нефти на российском рынке, под его началом был также отдел мазута и смазочных масел. Постепенно к Хансу перешли все обязанности Михаила Белямина, который, однако, оставался председателем правления.

В компании «Стандард ойл» давно поняли, что иметь отдельных торговых агентов для разных стран неудобно. Эти агенты пеклись не о благе производителя, а о собственной выгоде, к тому же между ними возникала конкуренция. Ханс Ольсен решил последовать примеру американцев и объединить заграничных продавцов в одну компанию по сбыту, которая бы подчинялась основному предприятию. «Надо было уговорить нескольких господ организовать продажу нашей продукции по всему их региону». Убедить в преимуществах новой системы следовало представите.чей таких фирм, как «Бруно Вундерлих» в Москве, «Бесслер энд Вэхтер» в Лондоне, «Андре-сын» в Париже и «Парвиайнен и К°» в Гельсингфорсе. Во главе берлинской компании «Нафтаиорт» и венской ЭНИГ стояли независимые предприниматели. Воплощая в жизнь свой план, Ханс Ольсен все ближе знакомился с повседневной деятельностью товарищества.

Со временем проблема агентов разрешилась. В Москве Ханс Ольсен рассказывает Кнуту Литторину (тот работает на Вундерлиха, представителя товарищества в Московском районе), что намерен расторгнуть договор с Вупдерлихом. Литторин жалеет начальника, но Ханс Ольсен менее сентиментален: старик богат, к тому же неплохо заработал на монопольном сбыте нобелевских нефтепродуктов в Москве. Тем не менее Вундерлих объявляемся в Петербурге с просьбой продлить контракт. Из этого ничего не выходит, поскольку с января 1899 г. товарищество собирается учредить в Москве собственную контору. После нескольких месяцев переговоров Литто-рпп и его помощник Фогель официально переходят на службу к Нобелям и под их ведение отдается важный для сбыта Московский район.

«Я воспринял это как собственную победу, — пишет Ольсен, - ведь вскоре выяснилось, что продажи возросли неимоверно, превзойдя мои самые смелые ожидания, а я заполучил для пас Литторина с его опытом и замечательными деловыми качествами».

Главными конкурентами товарищества в Москве были представлявшие Ротшильдов братья Михаил и Савелий Поляки. Ольсен вызывает их на встречу, и вместе с Литтори-ном и Фогелем они составляют памятную записку, где делят между собой рынок. Раз Нобели и Ротшильды могут сотрудничать за границей, значит, сам Бог велел им договариваться и в пределах России. Соглашение действовало спустя долгое время после того, как Ольсен перебрался в Осло.

Поездка в Баку, жизненный центр компании

Бакинская контора «играла ключевую роль во всем Товариществе, от се сотрудников зависело слишком многое, поскольку производство нефтепродуктов и отправка их по назначению составляли, так сказать, жизненный центр компании». Хапс Ольсен был человеком обстоятельным, он не останавливался перед приобретением новых знаний, опыта и знакомств, если считал их для себя необходимыми. Впрочем, из его «Воспоминаний» не ясно, предпринял ли он поездку в Баку по собственной инициативе или по просьбе Эмануэля. Три недели ехал Ханс на колесном пароходе по Волге, чтобы познакомиться с людьми и местами, играющими важную роль для «Товарищества бр. Нобель». Кормили почти исключительно рыбой: «...Быстрее всего мне наскучила свежая икра, которой меня в изобилии потчевали утром, днем и вечером».

Волжская пристань в Нижнем Новгороде. На снимке видны наливные баржи, способные при осадке менее трех метров перевозить по 10 тыс. тонн нефти. На горизонте сверкает куполами православный храм

Баку он обнаружил, что «поселок Петролеа — подлинный оазис, свидетельство социальных, гигиенических и прочих достижений братьев Нобель [...] на радость и для удобства их многочисленных сотрудников самого разного

ранга» Квартира управляющего, однако, показалась Хансу обставленной скудно и безвкусно. К постоянному запаху нефти он со временем привык.

Совместная работа с Вильгельмом Хагелином, главным управляющим в Баку, проникнута редким единодушием. «Эту должность занимали до него многие, но мало кто оставался на ней столь долго и добивался таких успехов», — замечает Ольсен. Хагелин был способным инженером, превосходным администратором и к тому же интересовался коммерческими вопросами. Они с Ольсеном обсуждали разработку новых участков, закупки нефти и мазута.

Спрос на нефтепродукты был большой, и заводы товарищества успевали перегонять нефть в огромных количествах, но бакинские месторождения начали иссякать. Нужно было закупать нефть на стороне или открывать новые нефтеносные площади, и Ольсен сопровождает геолога Фегреуса на остров Святой, на Челекен, в Красноводский залив. Он посещает нобелевские предприятия в Батумс, а затем плывет вдоль Черноморского побережья с заходом в Поти, Сухум, Гагры, Туапсе и Новороссийск. Через Ялту с ее дворцами и парками судно наконец приходит в Одессу, где у товарищества тоже есть большой склад. В Варшаве Ольсен проводит небольшое совещание и со свежими силами, полный энтузиазма после двухмесячного отсутствия, возвращается в Петербург. «К сожалению, это была моя первая и последняя поездка в Баку, но я вынес из нее огромную пользу, узнав новые места и новых людей».

Успех затяжных переговоров

С тех пор именно Хане Ольсен проводит совещания торговых агентов, чаще всего призывая их в Берлин, в гостиницу «Бристоль» на Унтер-ден-Линден. Он экономит силы и время. Впрочем, ездить п Париж и Лондон приходится

В британской столице Ханс Ольсен в июне 1900 г. добивается объединения нобелевских и Ротшильдов сбытовых компаний. В Англии Ротшильдов представлял Фред Лейн из фирмы «Лейн энд Макэндрюк По мнению Олсена, Лейн был «человек необыкновенно дельный и разумный, обладающий целеустремленностью и практическим взглядом на вещи». Помимо пего, Ольсен вел переговоры с «Нафтапор-том» и компанией «Дойче американише петролеум гезель-шафт» (гамбургским филиалом «Стандард ойл»), которые вечно враждовали друг с другом, а теперь поняли, что Ротшильды с Нобелями их обошли.

Прежде чем объединяться с ротшильдовскими представителями в Англии, Ольсен отменил договор с «Бесслер энд Вэхтер». Дружеские отношения, возникшие между Ольсеном и Лейном, весьма способствовали их сотрудничеству и за границей, и в России.

При фонтанировании образовывались целые озера нефти, из которых ее вместе с *мазутом обычно собирали бедняки: подвернув штаны и подоткнув юбки, они обмакивали в нефть большие тряпки и выжимали их в прихваченное ведро*

За десять дней переговоров не раз казалось, что из них не выйдет ничего хорошего, и все же в конце концов «Нафтапорт», ДАПГ и «Товарищество бр. Нобель» образовали

«Британский синдикат», размещающийся в Англии. Труды Ханса Ольсена увенчались успехом. «Осмелюсь без хвастовства сказать, что договоренность об этом достигнута в значительной степени благодаря моим долгим и кропотливым усилиям».

Теперь оставалось наладить продажу в Европе и за ее пределами смазочных масел. Агент товарищества Александр Андре и его люди понимали, что наступают новые времена. Ханс Ольсен собрал в Париже представителей всех европейских и американских компаний, занимавшихся сбытом смазочных масел в Европе. В результате этой встречи была создана ассоциация САИК («Сосьетэ д'армеман, д'индустри э де коммерс»), со штаб-квартирой в Антверпене. Эта ассоциация действовала весьма успешно и завоевала репутацию надежной, «пока не грянула мировая война, опрокинувшая не только эту компанию, но и многое другое». «Товарищество бр. Нобель» делало крупные капиталовложения за границей, и эти средства

избежали конфискации большевиками. «Из всего обширного и дорогостоящего имущества Нобелей в России, включая их предприятия, в неприкосновенности остались лишь эти капиталы Sic transit gloria mundi», ~ констатирует Ханс Ольсен в своих «Воспоминаниях».

Мастера и управляющие позируют фотографу в поселке Петролеа. Но крыльце в профиль стоит Ларе Стигселиус

Теперь Ротшильды с Нобелями до известной степени контролировали рынок, но разъезды и напряженный труд сказывались на здоровье Ольсена. Он устал и мучился бессонницей, гак что Эмануэль попросил его умерить пыл. «Я сказал, дескать, он и сам знает, дела идут замечательно, каждый год кончаем с прибылью и хорошими дивидендами, оборотных средств требуется много. Эмануэль, однако, был довольно консервативен, особенно в кредитных вопросах. Он состоял в учетном комитете Государственного банка и, видимо, придавал слишком большое значение получаемым оттуда займам, не хотел нарушать установившихся отношений, тогда как То-варищество давным-давно переросло тамошние кредиты. Мы могли бы получать гораздо большие ссуды в частных банках, Эмануэль же и слышать не хотел о переменах. Я вынужден был уступить. Поскольку все финансовые вопросы находились в его ведении, последнее слово осталось за ним».

Весной 1901 г. Ханс обращается к врачу по поводу мучительной бессонницы, а также шума в ушах и голове. Ему рекомендуют курорт Сапкт-Блазисп в Баденс, в Шварцвальдских горах. Эмануэль, у которого раньше

случались приступы головокружения и рвоты, излечился на этом курорте, где в ходу метод Ламанна и Вайссер-Хирша. Ольсен едет к Эмануэлю в Карлебад (через Дрезден), задерживается там на два дня, гуляет, видит очереди за водами и отправляется в Санкт-Блазиен. Там ему прописывают полуванны с растираниями, бромисто-валериановые капли, пешеходные прогулки и покой. На конец сентября у него назначена деловая встреча в Бадей-Бадспе. Домой он возвращается через Альпы, на пароходе по Рейну, с заездом в Швецию и Норвегию, где после десяти лет отсутствия впервые видится с братьями и сестрами.

Рудольф Дизель

Витте увольняют от должности — дурной знак

В 1898 г. Эмануэль получает монополию па изготовление гениального изобретения Рудольфа Дизеля дизельного двигателя. Этот двигатель сыграл огромную роль как для механического завода Людвига Нобеля, так и для развития «Товарищества бр. Нобель», тем более что Антон Карлсунд сделал его реверсивным - способным изменять направление движения. Па рубеже 1898—1899 гг. был изготовлен пробный экземпляр. С 1903 г. паровые машины стали заменять дизелями. Па демонстрацию новинки в Санкт-Петербурге Эмануэль пригласил в только что отстроенный им Народный дом все петербургское Техническое общество, после чего был устроен ужин с изысканными рейнскими винами.

По словам Ханса Ольсена, объединение «Товарищества бр. Нобель» и «Стандард ойл», о котором Альфред Нобель слышал сше в начале 90-х, «несомненно, имело бы важное значение для обеих компаний, теперь его можно было бы осуществить с большим размахом и на более прочной и долговременной основе, нежели прежде». Ольсен надеялся, что американский трест приобретет крупный пакет акций товарищества и рассчитается за них собственными акциями. Ольсен поделился этой мыслью с Макдональдом из «Стандард ойл», тому идея пришлась по вкусу, но он сказал, что предложит ее американским руководителям не раньше, чем идею одобрит Эмануэль. Кроме того, возражения могли выдвинуть российские власти.

В феврале 1903 г. Эмануэль, Ханс Ольсен и представители «Стандард ойл» Либби и Макдональд встретились в Берлине. Эмануэль Нобель ознакомил американцев с положением товарищества, упомянув, в частности, что котировки акций занижены - насколько, он и сам не знает. Оттуда поехали в Париж: Эмануэль хотел в кои-то веки присутствовать на собрании САИК. Их пригласил на обед барон Эдмон Ротшильд. По возвращении в Петербург Эмануэль с Хансом попросили Яльмара Круселля сделать тайную опись активов товарищества и таким образом установить курс акций.

Михаил Белямин-младший

Расчеты Яльмара Круселля стали неожиданностью для всех: оказалось, что акции должны котироваться па 8-10% выше, чем теперь. При следующей встрече в Берлине Макдональд сказал, что такая высокая цепа может отпугнуть его начальство в США. Одновременно в Баку началась стачка, у Нобелей сожгли 36 буровых вышек, разорили контору, нанесли ущерб квартирам управляющих в Балаханах п Биби-Эйбате. По всему городу виднелись сожженные дома, лежали окровавленные трупы. Российским газетам запретили писать об этом, но слухи все равно поползли. В Батумс тоже начались волнения. Как пишет Ханс Ольсен, «это были первые признаки политического восстания российского пролетариата, который затем осуществил малую революцию 1905 г. и большую, 1917 г., что привела к власти большевиков. Во время бакинского мятежа 1903 г. русское правительство пошло на переговоры и сделало ряд уступок рабочим и их вожакам. Рабочие добились свободы собраний и права избирать своих представителей — это был первый опасный шаг на пути к развалу. Затем пришло сообщение, что граф Витте уволен от должности председателя Совета министров, — еще один дурной знак[24]. Все-таки Витте удалось навести порядок в дотоле совершенно расстроенных российских финансах».

Как и следовало ожидать, «Стандард ойл» не согласилась на объединение, даже не выдвинула компромиссного варианта. Ольсен был

[24] Точнее: в августе 1903 г. Сергей Витте был уволен с должности министра финансов, чуть позже он возглавил Совет министров, а уже с этого поста его уволили в 1906 г., перед открытием первой Государственной Думы.

разочарован. Продажа «Товарищества бр. Нобель» состоялась значительно позднее, в 1920 г.

Извечный российский грех

В 1902 г. Михаила Белямина-младшего избрали в дирекцию товарищества и он взял на себя сбыт продукции в России. Хотя у Ольсен а нагрузка от этого стала меньше, он продолжал жаловаться на бессонницу и на то, что «поездки и длительные переговоры со множеством людей чрезвычайно утомительны и изнурительны» для него.

9 февраля 1904 г. японцы без объявления войны напали на русский флот в Порт-Артуре* и потопили несколько крупнейших и лучших боевых кораблей. Эти потери означали серьезный удар по престижу России, в результате чего доверие русского народа к властям было подорвано. 28 июля в Петербурге погиб от рук злоумышленника министр внутренних дел Плеве. Ханс Ольсен пишет: «Я отчетливо слышал взрыв бомбы, но лишь впоследствии узнал, что произошло». На экономике России все это стало сказываться лишь в следующем году.

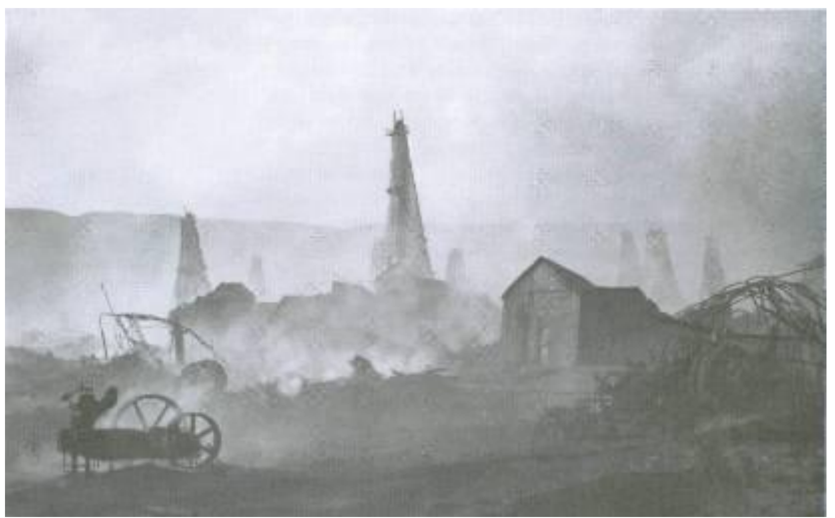
Петербургских Нобелей тоже задевают перемены. Ханс Ольсен, можно сказать, из первых рядов партера наблюдал замешательство, в которое повергло семью известие о том, что сводная сестра Эмануэля, Марта Нобель, обручилась с православным русским, военным врачом Георгием Олейниковым — незнатного рода и гораздо старше ее. По словам Ольсена, «семейство оставалось исключительно шведским и почти не имело связей с чисто русской средой, поэтому вступление в семейный круг Георгия воспринималось как вторжение постороннего, чужака». Познакомились они через Сигрид Круселль, жену Яльмара: она обратилась к Георгию за медицинской помощью (то ли для себя, то ли для сына) и он ей понравился. Общий интерес к медицине и свел Марту с Георгием, человеком, проявившим недюжинную волю, чтобы идти в жизни своим путем. После обручения и официального вступления в брак Марта пошла учиться на врача.

Тем временем Анна Нобель и ее муж Яльмар Шёгреи живут в красивой усадьбе Нюнэс под Стокгольмом. Детей, о которых мечтает Анна, у них нет. Эдла утверждает, что «хотела бы иметь внуков скорее через дочерей, чем сыновей», и советует падчерице обратиться к некоему доктору Брандту, который может излечить причину бездетности — по-видимому, хроническое

---

* В настоящее время Порт-Артур является важнейшим северо-восточным портом Китая.

воспаление придатков. Сама Эдла ни разу за все беременности не прибегала к специалисту по женским болезням, но ради достижения результата решилась бы на такой шаг («принесла бы эту жертву, видя во враче существо бесполое»). Супруг Анны тем временем спускает наследство, доставшееся ей от отца. Она вынуждена искать утешения и материальной поддержки в Петербурге, у Эдлы с Эмануэлем.

После волнений 1905 г. везде были развалины зданий и буровых вышек, остовы покореженных машин. Ветер разносил по округе пропитанную нефтью мелкую пыль, которая оседала на лице и платье

А в Петербурге священник Гапон в знак протеста против политики царя и правительства приводит к Зимнему дворцу народные массы. Там их встречают солдаты, бездумно стреляющие в толпу. День 9/22 января 190.5 г. становится Кровавым воскресеньем. Ханс Ольсен не видит разумных объяснений происшедшему: может быть, все дело в «извечном российском 1рехе — недостатке порядка, организации и взаимодействия властей». Настроение у жителей города подавленное; в сумерках, когда Эмануэль с Хансом пытаются пробраться на площадь, их не пускают туда полицейские и солдаты. Число погибших держится в тайне. «Случившееся поистине ужаснуло нас, мы спрашивали себя, что будет дальше, — возможно, это лишь прелюдия к еще более страшным событиям? Действительно, весь 1905 год царила атмосфера полного беззакония». Ровно через неделю состоялось очень скромное бракосочетание Марты и Георгия — устраивать большой праздник было не ко времени.

На грани паники!

Время было тревожное, и российский Государственный банк мог в любую минуту отказать товариществу в кредите. При создавшихся обстоятельствах нечего было и думать о новой эмиссии. Но в 1897 г. берлинский банк «Дирекцьон дер дисконто-гезельшафт» дал Нобелям заем в 21 600 тыс. рейхсмарок, с рассрочкой на 20 лет.

Эмануэль и Ханс Ольсен отправились в Берлин и начали переговоры о новой ссуде, когда пришло сообщение об убийстве московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича. Они ужаснулись, решив, что теперь банк едва ли станет ссужать их деньгами, однако им обещали 32 400 тыс. рейхсмарок сроком на 20 лет под 6%, что было несколько дороже условий предыдущего кредита.

Накануне перевода денег на счета товарищества стало известно о забастовках, волнениях и резне в Баку. В последнюю минуту банк отказался от сделки. Ханс поехал дальше, в Лондон, вести новые переговоры, а Эмануэль ринулся в Петербург — следить за развитием событий. Возможно, он слишком занят и ие выбирает времени ответить на испуганное письмо Алины Форстён, свояченицы Карла Нобеля.

«Так как положение и России, судя по всему, становится опасным, мы хотели бы перевести наш капитал в более спокойное место, то есть сюда, в Финляндию. Поскольку ты не любишь, чтобы паи попадали в чужие руки, мы решили без обиняков спросить: как ты думаешь, найдется ли в Петербурге охотник до наших акций, которого бы ты рекомендовал? Но меньше чем по 10 тысяч рублей штука плюс дивиденд за 1905 год мы ие хотели бы с ними расстаться».

Время действительно крайне неспокойное. Кризис шведско-норвежской унии достиг своего апогея 7 июня 1905 г., когда стортинг объявил об одностороннем ее расторжении. Ханс Ольсен посчитал такой ход со стороны Норвегии своенравным и безрассудным.

Захворала Хаисова жена, Мина. У нее случился выкидыш, и она едет в Германию на курорт. Осенью 1905 г. с Кавказа приходит еще одна порция дурных новостей. Буровые вышки горят, везде происходят стычки с человеческими жертвами -одним словом, сплошной хаос. Рабочие хотят взять управление «Товариществом бр. Нобель» в свои руки. Когда власти начали затягивать переговоры с представителями рабочих, чтобы потом предъявить ультиматум, промыслы практически встали. Эмануэль обращается к правительству с просьбой принять меры, однако на все нужно время. Европейские сбытчики не уверены, дождутся ли очередных поставок.

Под серьезным нажимом правительство решается на созыв первой Думы. Норвежские и шведские войска выстроились вдоль обшей границы.

Нервы Ханса Ольсена натянуты до предела, боли в животе вынуждают его слечь в постель, но он встает, чтобы присутствовать на совещании, устроенном в большом зале тещиного особняка. По зову Ольсена на совещание съехались предприниматели из Баку, в том числе иностранные. И тут из Москвы сообщают о начавшихся забастовках. В Петербурге закрывают завод Людвига Нобеля и контору бакинского товарищества. Георгий Олейников попадает в тюрьму за участие в политическом митинге. Эмануэль сердит на зятя: тот усугубил положение, провоцируя жандармов. Вызволить Георгия удается лишь через два месяца.

Когда Финляндия закрывает границу с Россией, дети оказываются отрезанными от Петербурга в заново отстроенной вилле Кирьола, на Карельском перешейке. После переговоров границу вновь открыли, но вес уже на грани паники. Алина Форстен повторяет свою просьбу к Эмануэлю найти покупателя на акции: «Сам понимаешь, мы встревожены: неизвестно, что еще может произойти в несчастной России!»

20 ноября 1905 г. Ханс Ольсен везет детей на пароходе «Борей» в Стокгольм — он хочет быть спокоен за них. Помимо других семей с детьми, тем же пароходом едет ювелир Телландер: он намерен положить часть своих ценностей в шведский банк. Ханс тоже обращается в банк: «Я зашел к Маркусу Валленбергу, которого знал по его кратким наездам в Петербург, и он помог мне провернуть кое-какие операции».

В Стокгольме Ханс посещает и врача, который наконец-то определяет, чем вызваны боли в животе. На дне рождения у Яльмара Круселля подают устрицы, и Хансу снова делается худо. Впрочем, его быстро ставит на ноги диета, и он едет с детьми в Германию, к Мине: они не виделись больше года! Супругов Ольсен изрядно напугали волнения последнего года, и Мина продает часть своих акций товарищества, которые практически не упали в цене. Ханс переводит свыше миллиона крон в Швецию, Норвегию и Данию, затем вкладывает их в облигации. Супруги все чаще заводят речь о том, где им теперь поселиться.

Отказ от Востока

1906 год прошел в Баку спокойнее, однако стачки и саботаж сделали свое дело. «Товариществу бр. Нобель» понадобилось девять лет, чтобы окончательно оправиться и достичь уровня 1904 г. Для удовлетворения спроса компания все чаще закупает нефть у других добытчиков. Паровые машины работают на дешевом мазуте. До Первой мировой войны экспорт постепенно снижался, тогда как реализация на внутреннем рынке возрастала, причем по все более выгодным ценам. Теперь важно было преодолеть

снижение экспорта и не уступить американцам на рынке слишком много регионов.

Появляются новые конкуренты, например румынская нефтепромышленная компания «Стяуа романа», которая пытается перехватить рынок, поскольку в эти тревожные времена на него поступает мало российской нефти. Русские нефтепромышленники не могут оставить такое посягательство незамеченным и требуют переговоров. Румын представляет на них владелец крупного пакета акций «Стяуа романа» «Дойче банк». В результате долгих и упорных споров все участники сходятся во мнении, что агрессивной конкуренции со стороны американцев следует противопоставить объединение, и в марче 1906 г. образуется ЭПУ, «Эуропеише петролеум униои», — зарегистрированный в Германии трест с акционерным капиталом в 20 млн. немецких марок. ЭПУ становится первым международным нефтяным картелем, доли капитала в котором распределяются следующим образом: Нобели — 20%, Ротшильды — 24% и «Дойче банк» — 50%. Компания «Шелл» отказывается от торговли керосином, но спустя некоторое время тоже вступает в картель, взяв на себя сбыт бен-зина. В 1907 г. к ЭПУ присоединяется бельгийская фирма «Ватсркейи». Кроме того, в трест приходят британский, австрийский, датский, нидерландский и американский капиталы, что еще более укрепляет позицию картеля в его противостоянии «Стандард ойл».

В процессе становления ЭПУ Ротшильды захотели уйти с нефтяного рынка, и тогда директор «Дойче банка» фон Гвиннер предлагает Нобелям купить ротшильдовскую компанию: «...Тогда мы избавимся от Ротшильдов и будем иметь дело только с гораздо более порядочными Нобелями». САИК продолжает существовать как самостоятельная организация по сбыту смазочных масел.

16 мая 1906 г. стокгольмскую гимназию «Норра латин» кончает Иоста Нобель, младший сын Людвига и Эдлы, который становится первым и пока что единственным в нобелевском роду выпускником гимназии! Тем временем Ханса Ольсена уговаривают взять на себя обязанности норвежского генерального консула в Санкт-Петербурге (несмотря на со-пряженные с этим разъезды и большую нагрузку), так что 17 мая он празднует в российской столице[25]. Ольсен безумно устал и чувствует, что, того гляди, свалится с йог. Он готовит Эмануэля к своему уходу с работы, однако ни Эмануэль, ни кто-либо другой не понимает, что значит «нервная

[25] 17 мая норвежцы отмечают День независимости — в честь принятия Эйдсволлской конституции (1814).

система совершенно разладилась», ведь Ханс по-прежнему усерден и вид у него не больной.

Ротшильды предлагают товариществу объединение, но теперь, в 1906 г., это кажется Хансу Ольсену несвоевременным: в создавшихся политических условиях Нобелям не стоит вкладывать в Россию новые средства. Позднее было сделано более интересное предложение, а именно: вместе с Ротшильдами участвовать в предстоящем слиянии капиталов «Ройял датч петролеум компани» и группы «Шелл». Ротшильды были близки к первой из компаний и не раз проворачивали с ней крупные и выгодные дела на восточном рынке. Возглавлял ее, как уже сказано, голландец Генри Детердинг, которого называли Кромвелем и Наполеоном в одном лице и с которым нужно было держать ухо востро. Теперь Детердинг, вдохнувший жизнь в «Ройял датч», намечал сотрудничество с Ротшильдами, а те хотели бы привлечь к объединению «Товарищество бр. Нобель». «Я сделал все, что было в моих силах, уговаривая Эмануэля согласиться на такой план, но напрасно. Его знакомство с Востоком ограничивалось Транссибирской железной дорогой и рынком в Маньчжурии, на котором товарищество и так присутствовало в парс с "Ройял датч". Помимо всего прочего, он недолюбливал евреев Сэмюэлов. И еще: так как я собирался уходить из компании, у Эмануэля просто не было сотрудников, которые могли бы руководить ее расширением».

Ханс Ольсен понимал: согласись Эмануэль на предложение Ротшильдов, и Нобели выдвинутся на первое место среди нефтсторговцев мира. Но самого Ханса под водило здоровье. Он стал тучен, и немецкий врач рекомендовал перейти на вегетарианскую диету. Ханс с Миной собирались уехать из Петербурга в Норвегию. Осенью 1908 г. их старший сын, десятилетний Алф, должен был пойти в школу в Христиании[26]. В преемники Ольсена прочили Эрнста Грубе, немца по происхождению, но родившегося в Петербурге. Когда-то Сергей Витте посылал его с поручением в Персию, теперь он работал в Государственном банке.

И вот Эмануэль Нобель, лучше всех в семье и в товариществе умеющий устраивать торжества, приглашает 160 гостей на прощальный обед в честь Ханса Ольсена. Норвежца благодарят за все, что он сделал для компании, и на этом его двад-цативосьмилетнес пребывание в России заканчивается. «За обедом звучало много тостов в мою честь, таких хвалебных речей я не слышал ни до, ни после этого торжества. По-моему, они не пошли мне во вред».

В Христиании Ольсены строят себе виллу, похожую на помещичью усадьбу, и обставляют ее мебелью и утварью, привезенной из России. Ханс

[26] Так до 1924 г. называлась столица Норвегии, современный Осло.

«Товарищество бр. Нобель» отмечает миллиард пудов добытой нефти. В ознаменование этого события Эмануэль Нобель заказывает у Фаберже памятную доску

Ольсен не уходит из нефтяного бизнеса, он становится одним из учредителей компании «Норск гидро», а затем и председателем ее правления. В число крупнейших пайщиков входит клан Ротшильдов. Ольсен еще многие годы представляет Нобелей на заграничных переговорах. Обосновавшись в Христиании, Ханс и Мина захотели сменить неприметную фамилию Ольсен (как сконфуженно признается Ханс, отчасти потому, что менять фамилию было модно). Они колеблются между выбором из нескольких, когда Эдла предлагает: пускай Мина с детьми возьмут фамилию Нобель, а Ханс так и останется Ольсеном.

ГЛАВА 9

Товарищество в расцвете сил!

КОМПАНИЯ «СТАНДАРД ОЙЛ», встречая все большее сопротивление конкурентов, утратила контроль над рынком. Объяснялось это, с одной стороны, тем, что запасы нефти в России казались неистощимыми, а с другой — тем, что новые американские предприятия открыли нефтяные залежи в Техасе, Калифорнии, Луизиане и Оклахоме. Дурная слава «Стандард ойл» распространялась все шире, а с ней крепло и противодействие тресту — тайным манипуляциям его агентов, взяткам, которые в ожидании «ответных услуг» давались политикам и партиям. Число судебных дел, возбужденных против «Стандард ойл» по искам разоренных предприятий в разных штатах, увеличивалось. Джону Д. Рокфеллеру нее это стало надоедать, ему казалось, что его «несправедливо преследуют», и в 1897 г. он уступил руководство компанией Джону Д. Арчболду. Спустя два года «Стандард ойл оф Нью-Джерси» учредила инвестиционную компанию, вобравшую в себя и объединившую под одной крышей 41 фирму со всеми дочерними предприятиями.

«Бенц» в Германии и «Форд» в США уже выпустит свои первые автомобили. Эдисон создал лампу накаливания, с появлением которой наступает эра электричества. В 1903 г. впервые поднялся в воздух самолет братьев Райт. Телеграф связал воедино большинство стран мира.

В Баку, на берегу Каспийского моря, нескончаемым потоком течет нефть. Город приобрел европейский вид: широки улицы с фонарями, рестораны, купальни, современные гости нипы, среди которых самая лучшая - «Европа». Заботам! российского министра финансов Сергея Витте Кавказ ра цвел. Нефтепромышленники налаживают сотруднике между собой. После многолетних колебаний английские предприниматели делают ставку на горное производство. Яе осталась без последствий и попытка журналиста Чарльза Марвина заинтересовать англичан нефтью. С их прибытием монополии Ротшильдов, Нобелей и Манташева приходит конец. Появляются все новые виноградники и табачные фабрики. Разбогатевшие нефтяные магнаты строят себе дворцы вне стен старого города.

На рубеже веков промышленная империя братьев Нобель $_Б$ России пожинает плоды грандиозных усилий Людвига Нобеля, которому удалось создать отрасль, поставляющую с месторождений в Баку и других мест на

Каспийском побережье 10% мировой добычи нефти*. Все теснее взаимодействуя с такими местными конкурентами, как Манташев, ротшильдовское «Каспийско-Черпоморское нефтепромышленное общество», «Бакинское нефтяное общество», «Каспийская компания» и «Общество для добывания русской нефти и жидкого топлива», братья Нобель производят вместе с ними 50% бакинской нефти, тогда как вторая половина добычи приходится на более мелкие предприятия. Па Балаханском промысле построен резервуар для 800 тыс. тонн нефти, а вместимость всех нефтехранилищ составляет два миллиона тонн. Из 140 километров бакинских трубопроводов большая часть принадлежит Нобелям. Почти 60% нефти, перевозимой по Волге, выработано на их перегонных заводах в Баку. Товарищество продает бензин, керосин, смазочные масла, парафин и асфальт. Затеянная в России индустриализация требует все больше мазута, и он становится основным продуктом компании. Спрос на керосин уменьшается. Заводы вырабатывают мель, купорос, серную и соляную кислоту. Электричество приводит в движение насосы и бурильные установки, освещает улицы и рабочие места.

Баку превратился в современный город с широкими улицами и парками. Набережная Александра II, о которую бьются каспийские волны

---

* В 1901 г. мировая добыча нефти составляла около 20 млн. тонн, из которых США добывали почти 9 млн., а Россия — около 10 млн. тонн.

В начале века разрастается нобелевская танкерная флотилия. Товарищество выделило Вильгельму Хагелину 12 млн. рублей на постройку новых судов и переоборудование старых под дизели. Танкеры строятся на Коломенском заводе, при реке Москве. Суда и баржи заранее приспосабливают иод конкретные реки и системы каналов. После речной транспортировки нефть идет далее но железным дорогам. На Черном море суда ходят из Батума, Новороссийска и Ростова в западные русские порты. Через Каспийское море керосин перевозят в Европу и Россию — поездом и на верблюдах до самого Владивостока и Китая (нобелевский керосин продается в Шанхае). В 1900 г. прибыльна акционерный капитал достигает 20%.

Подъем, предвиденный Людвигом, стал реальностью. Во главе товарищества — Эмануэль Нобель, он председатель правления и сидит в главной конторе в Санкт-Петербурге. Теперь он обладает влиянием и титулом, он преуспел в роли финансиста, у пего наилучшие связи как в правительстве, тик и в европейских банках. Этот российский подданный все более напоминает русского креза, который наслаждается жизнью на широкую ногу, с роскошными обедами и дорогими подарками. В кармане у него часто бывает пригоршня драгоценностей, изготовленных по его эскизам ювелирной фирмой «Фаберже». У Эхмануэля хороший штаб сотрудников; будь дядя Альфред жив, это стало бы для него приятным сюрпризом. Михаил Белямин наконец-то ушел на пенсию, получив в подарок серебряную вазу работы Фаберже. Ханс Ольсен ведет переговоры и руководит сбытом, Вильгельм Хагслин начальствует *им* флотилией и, совместно с И. Г. Гарсоевым, над добычей и переработкой нефти в Баку. Швед Кнут Литторин отвечает за продажу нефтепродуктов в Московском районе. Яльмар Крусель заведует технической частью в Санкт-Петербурге, где, помимо всего прочего, изготавливают дизели. Юный Михаил Белямин-младший в 1902 г. берег на себя продажу керосина.

«Трудящиеся Кавказа, пробил час расплаты!»

Свой опыт по решению «рабочего вопроса», приобретенный на оружейном заводе в Ижевске, Людвиг применял и в петербургских цехах, и в «Товариществе бр. Нобель». Его забота о рабочих и социально-экономическом развитии предприятий была передовым явлением для феодальной, авторитарной России.

У него столь явно преобладали гуманные чувства, что никакие эгоистические интересы не могли подавить требований человеческой

справедливости. Каждый, «хотя бы он был последней спицей в грандиозной колеснице, сооруженной Людвигом Нобелем», был заинтересован в успехе предприятия. Редко кто из сотрудников добровольно покидал свое место, потому что каждый привязывался к нему и дорожил своей службой. Через полгода после кончины Людвига, выступая на Заседании Кавказского отдела Императорского русского технического общества, главный российский специалист по нефтяному делу, статский советник Степан Гулишамбаров ска-вал: «Здесь он насадил многомиллионное предприятие, равного которому не знал наш край; здесь он дал честный заработок тысячам тружеников, которые многие годы будут помнить своего патрона».

Кнут Литторин

Впрочем, что значило стремление «Товарищества бр. Но-рель» выполнять свои социальные обязательства, когда в стране нарастал гул переворота? От Петербурга до Баку — йеолижний свет. Минуло уже десятилетие с тех пор, как во все мелочи вникал сам Людвиг Нобель; под руководством Эмануэля решению «рабочего вопроса» уделялось куда меньше внимания. Начальники что на промыслах, что в заводских цехах не всегда разумно управляли производством, особенно в условиях нараставших волнений. Рабочих подстрекали агитаторы, которые внушали им новые идеи, преданность хозяевам ослабевала. В отпет па брожение имперские власти ограничивали свободы в «колониальном» Баку. Среди его жителей преобладали мусульмане, однако в местной думе они составляли меньшинство: число иноверцев там не должно было превышать 30%. Право участия в выборах имело лишь 1,5% населения. Власть русского губернатора с каждым днем усиливалась.

Недовольство среди закавказских грудящихся зрело давно. Жалованье платят скудное, день не нормирован, работа опасная, а возмещения за несчастные случаи на производстве никто не получает. Многие рабочие подолгу живут в отрыве от семей, так что время от времени они возвращаются к крестьянскому труду в родных краях, а их места на предприятиях занимают родственники. В крупных промышленных городах вроде Баку, Тифлиса и Батума рабочие подвергаются бесчеловечному угнетению везде в цехах заводов и табачных фабрик, на верфях и нефтяных

промыслах, в бондарных мастерских, на складах и железных дорогах. Когда в Европе и Соединенных Штатах разражается кризис, спрос на товары падает и жалованье снижается еще больше. Будущий председатель Советской республики Михаил Калинин призывает рабочих железнодорожных мастерских к стачке. В 1901 г. тифлисский полицейский стреляет в рабочего, а спустя год молодой грузин Иосиф Джугашвили входит в состав Тифлисского комитета РСДРП и организует в Батуме демонстрации против жесткого военного правления, против Манташева и Ротшильдов.

Служащие главного нефтехранилища во Владивостоке

Убийства, насилие, война

Летом 1903 г. «Товарищество бр. Нобель» готовится праздновать свой 25-летний юбилей — и тут вспыхивают первые стихийные стачки. Они охватывают всю Россию. Министр внутренних дел якобы произнес: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война». Через полгода Россия объявляет войну Японии.

На бакинских промыслах начинаются диверсии. Буровые вышки в Балахапах сожжены, тогда как Биби-Эйба тский промысел уцелел. Нобелевские рабочие объявили забастовку, но руководство товарищества не позволило им объединиться в союз и участвовать в решении социальных

вопросов. Вильгельм Хагелии видел бедственное положение рабочих и чуть было не уступил их требованиям, однако высокое начальство посчитало, что условия труда по сравнению с другими компаниями и так хорошие — рабочий день короче, а еще все получают ежегодный процент от прибыли.

Иосиф Джугашвили, он же Коба, он же Сталин

В 1904 г. подписан первый в России коллективный договор но волнения продолжаются. Власти объявляют чрезвычайное положение, однако Баку остается интеллектуальным оплотом революции, даже когда боевой дух в других районах обширной Российской империи гаснет. В 1904 г. в Тифлисе образован Кавказский комитет РСДРП. С этого времени Иосиф Джугашвили становится настоящим большевиком и называет себя Кобой. В Баку большевиков возглавляет Степан Шаумян, делегат съездов социал-демократической партии в Стокгольме (1906) и Лондоне (1907). В них принимает участие и Коба. По возвращении из Лондона Кобу избирают

Царь и российское правительство сами роют себе яму войной, некомпетентностью, коррупцией. Демонстрация рабочих в Баку — городе, который считается колонией

членом бакинского большевистского комитета. Он агитирует на промыслах, возможно, даже работает сторожем в Биби-Эйбате.

Многие из властителей будущего советского государства в первое тревожное десятилетие века жили в Баку. Школьником и студентом следил за набирающей силу революцией Лаврентий Берия — впоследствии внушавший ужас глава НКВД на службе у Сталина. Будущий дипломат и нарком торговли Леонид Красин был директором электростанции и вел двойную жизнь революционера: организовывал подпольное распространение прокламаций, газет, листовок и фальшивых паспортов. В одном из бакинских подвалов размещалась типография «Нина», где (не без участия жены Ленина, которая присылала матрицы) тайно печатали газету «Искра» и «Манифест Коммунистической партии». Благодаря системе сбыта «Товарищества бр. Нобель» запрещенные издания проникали едва ли не в каждый уголок царской империи!

Посулы и обманы

На Кавказе развертывается движение черносотенцев, подстрекаемых представителями властей во главе с националистом и реакционером, министром внутренних дел Плеве. Погромы призваны отвлечь недовольство рабочих, посеять рознь, во-первых, между бедными татарами (пусть даже владеющими землей) и преуспевающими купцами-армянами, которых нередко упрекают в ростовщичестве, а во-вторых, между русскими и евреями, на которых впоследствии свалят вину за военные потери и развал экономики.

Первая хорошо организованная забастовка происходи] в Баку в декабре 1904 г. Весть о петербургском Кровавом воскресенье вызывает там новые волнения. Нормальная жизнь в городе прекращается: рабочие устраивают демонстрации и в открытую ведут пропаганду, захватывают земельные участки, убивают людей. Из-за войны в Японии число армейских на Кавказе сократи,!ось, и введенное там чрезвычайное положение бесполезно. Татары требуют выдать им оружие для защиты от армян, якобы собирающихся захватить Баку. Армяне убивают около десяти местных чиновников, татары мстят. Начинается массовая резня армян, всех подряд, богатых и бедных. Она продолжается три дня, до вмешательства властей. Число погибших оцениваемся в две тысячи.

Па фоне этих кровавых событий власти разрешают мусульманам-шиитам отметить Шахсей-Вахсей, праздник, в который они оплакивают одного из последователей Мухаммеда, — но не в татарском поселке Кишли, а лишь в самом Баку. Десять дней но городу, под барабанный бой и

истерические рыдания, бродят толпы людей в белых одеждах. Одурманенные наркотиками, они до крови колют себя кинжалами и истязают цепями.

Поражение от Японии ослабляет царскую власть, и Россия теперь меньше притесняет Финляндию. Сергея Витте уполномочивают вести переговоры с японцами, и 2 сентября 1905 г. американский президент Теодор Рузвельт добивается унизительного для России мирного соглашения (за это Рузвельта в 1906 г. награждают Нобелевской премией мира). Русское правительство вынуждают к уступкам. В императорском манифесте народу обещают выборную Государственную Думу, соблюдение прав личности и свободу печати. После убийства министра внутренних дел Плеве уходит со своей должности кавказского главноначальствующего гражданской частью его ставленник, некомпетентный князь Голицын. «Черные сотни» добираются до Баку, жгут и убивают направо и налево. Татары обращают свой гнев в первую очередь против армян ироде Манташева и других владельцев армянских предприятий, но беспорядки затягиваются на месяц. Все это время народ бродит по городу и его окрестностям, поджигая заводы и промыслы. В Балаханах горят 300 буровых вышек, пускаются на ветер миллионы рублей. «Товарищество бр. Нобель» принадлежит иностранцам, и в то же время оно русское, а потому неинтересно черносотенцам. Тем не менее в конце 1906 г. гибнет Хагер, батумский управляющий товарищества. В Батуме и Баку терпят ущерб и ротшильдовские предприятия, причем атака на них усиливается, как только проходит слух, что Ротшильды ссужали японцев средствами для войны с Россией.

По городу много дней ходят процессии мусульман, усугубляя беспорядки своими криками и самобичеваньем. ***Течет кровь***

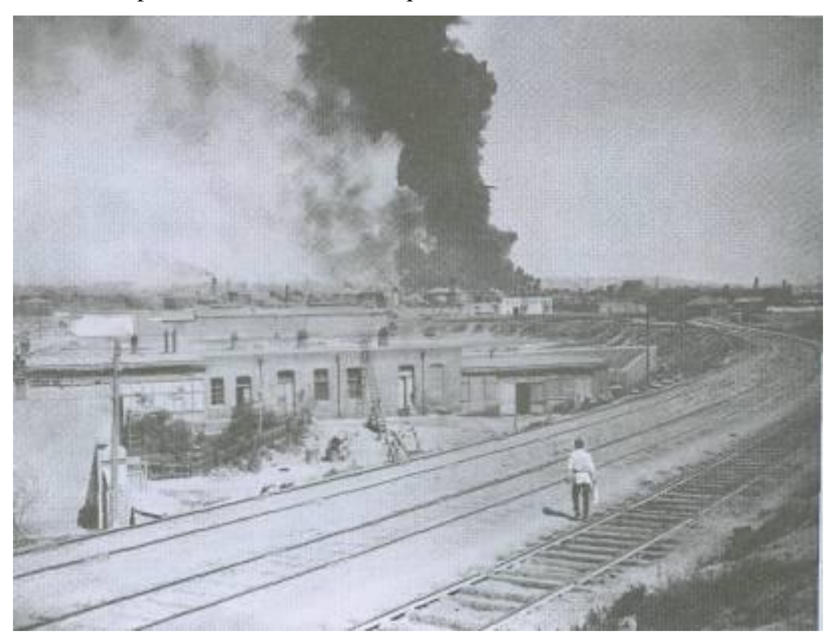
Ультрареакционеры заявляли, что капиталисты отказываются от сотрудничества, и требовали национализации имущества, принадлежащего евреям. Это было бы равносильно изгнанию из страны всех иностранцев: англичан из металлургической промышленности, бельгийцев из сталелитейной, немцев и англичан из текстильной, французов из медеплавильной и шведов из нефтяной... не говоря уже о евреях, имевших связи в банках и раздобывавших кредиты. Пусть царь и казна снова возьмут все под свой контроль! — требовали реакционеры. В 1906 г. в Баку прибыл государственный инспектор для решения вопроса о том, возможна ли национализация нефтяного производства. Да, возможна и желательна, пришел к выводу он, однако это предложение было отвергнуто Министерством промышленности.

Вражда между армянами и татарами выливается в поджоги, разграбление магазинов, нападения на казначеев. В мастерских товарищества изготовили металлический сейф с полуторасантимет -ровыми стенками и нак приделали его к дрожкам. Сейф должен был противостоять налетчикам и бомбистам

1906 г., сразу после роспуска первой Думы, председателем Совета министров назначили Петра Столыпина. Его политика была благоприятна для буржуазии и землевладельцев. Крестьян поощряли к выходу из общин и созданию хуторских хозяйств, миллионы батраков получили собственные

земельные наделы, существенно улучшились образование и здравоохранение. Ряд важных привилегий отвоевали для себя бастующие. Профсоюз работников нефтяной промышленности получил право вести переговоры с работодателями. Столыпинские экономические реформы и смягчение режима позволили стране оправиться. Народное хозяйство продвигалось вперед за счет экспорта пшеницы и сливочного масла, за сче! бакинской нефти и донецких шахт. Кризис миновал.

Поджогам и разрушению со стороны татар подвергались прежде всего армянские предприятия

Вильгельм Хагелин понимал, насколько тяжело ему дались последние годы, и решил зимой 1905—1906 гг. оставить товарищество, переехать в Швецию и осесть неподалеку от Стокгольма, в своей усадьбе под Сёдертелье. Такому решению способствовали два обстоятельства: во время деловых поездок Хагелина товарищи по головной конторе вмешивались в дела, относящиеся сугубо к его компетенции, и как он это ни скрывал — Вильгельм страшился российской смуты. Однажды, когда он приехал в Баку (дело было в 1904 г.), его разбудили легкие толчки землетрясения. С балкона он увидел, что из соседних домов поселка Петролеа выбегают поди. «А ты не

испугался», — сказал он сам себе, возвращаясь в постель. Но коленки у него дрожали.

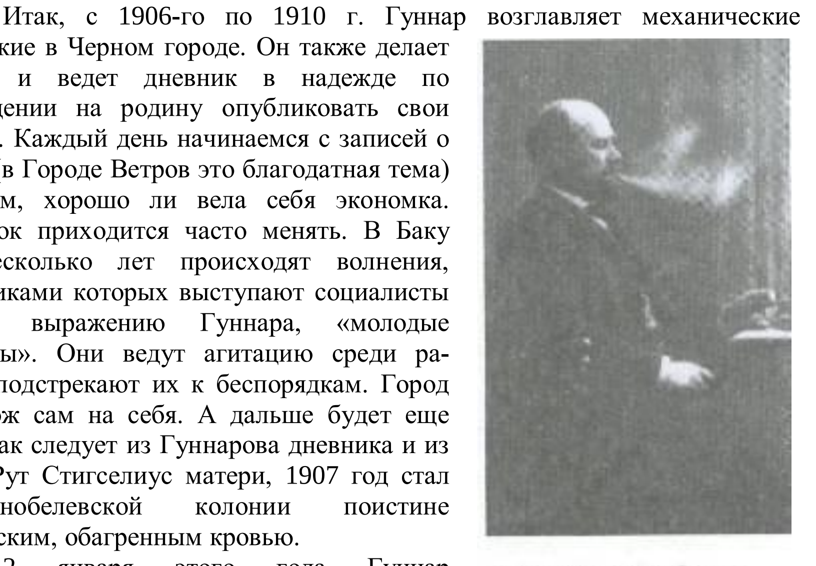
Эмануэль не хотел отпускать Хагелина из товарищества и предложил ему съездить в США развеяться, посмотреть новые места. Вильгельм взял с собой дочь Анну и геолога Андерсона, который бывал в Америке и знал английский. В докладной записке Эмануэлю, составленной по возвращении в Петербург ими обоими, говорится, что американская нефтедобыча скоро превзойдет российскую и, вероятно, увеличится рала в два раза по сравнению с нынешним уровнем. Это помогло оценить истинную мощь американских компаний, а отсюда и наметить, как Нобелям держаться но отношению к американцам. Вильгельм же почувствовал, что за время долгого заокеанского путешествия его привязанность к компании лишь окрепла. Он согласился стать генеральным консулом Швеции в Санкт-Петербурге и продолжить работу в товариществе. Улучшение конъюнктуры и знающие свое дело сотрудники консульства способствовали резкому повышению шведского экспорта. Надеть консульский мундир Хагелину довелось один-единственный раз — когда Густав V устроил для шведской колонии в Петербурге прием по случаю бракосочетания принца Вильгельма с великой княжной Марией Павловной.

ГЛАВА 10

Проклятые убийцы!

УРОЖЕНЕЦ ВЕРМЛАНДА ГУННАР ДАЛЬГРЕН - холостяк, заядлый путешественник, инженер, фотограф. В 1906 г. 48-летний Дальгрен приезжает в Баку, чтобы снова трудиться в «Товариществе бр. Нобель». В 1897—1898 гг. он работал на нобелевском механическом заводе в Астрахани, но заболел и вынужден был уехать в Швецию.

Итак, с 1906-го по 1910 г. Гуннар возглавляет механические мастерские в Черном городе. Он также делает снимки и ведет дневник в надежде по возвращении на родину опубликовать свои заметки. Каждый день начинаемся с записей о погоде (в Городе Ветров это благодатная тема) и о том, хорошо ли вела себя экономка. Экономок приходится часто менять. В Баку уже несколько лет происходят волнения, зачинщиками которых выступают социалисты — по выражению Гуннара, «молодые смутьяны». Они ведут агитацию среди рабочих, подстрекают их к беспорядкам. Город не похож сам на себя. А дальше будет еще хуже. Как следует из Гуннарова дневника и из писем Рут Стигселиус матери, 1907 год стал для нобелевской колонии поистине трагическим, обагренным кровью.

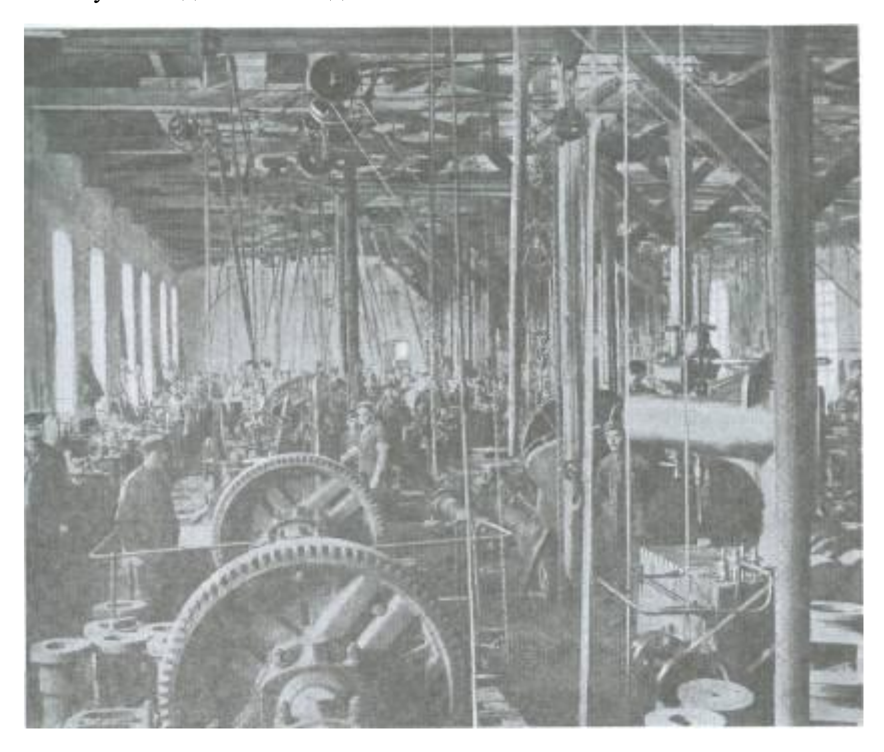

Гуннар Дальгрен. Скорее всего, фотография сделана его экономкой Мимми

2 января этого года Гуннар записывает: «Вчера вечером застрелили Лётберга, когда они с финном Форсманом двинулись пешком домой. Форсмана ранили в бедро, а Лётберг получил две пули в спину. Одна из них попала в сердце, так что он умер на месте. Говорят, его любили и начальство, и товарищи, и рабочие. Он был инженер, заведовал участком на третьем промысле. Жалко, что так или иначе гибнут лучшие. Похороны отложены: полиция потребовала вскрытия, чтобы выяснить, какая была пуля. Рабочие на руках пронесли тело Лётберга через Балаханы. Может быть, ему отомстили за то, что запретил местным жителям собирать мазут. Другие считают, его убили по ошибке».

6 января: «Справляли русский Сочельник, был приятный вечер. Вчера русский морской капитан застрелил своего зятя, потом застрелился сам».

12 января: «Убийца Лётберга признался, что его наняли за десять рублей, кто нанял, не говорит. Оказывается, бала-ханскому управляющему шлют письма с угрозами, обещают убить и его, только просят извинить их, если ие успеют до Нового года!»

Рабочие нобелевских механических мастерских требуют сдельной оплаты. Начальник, Андерс Таусон считает требования всего лишь демонстрацией силы - и отказывается их удовлетворить

В конце мая 1907 г., в самую красивую пору, когда солнце еще не спалило всю зелень, в городе снова звучат выстрелы. Токари механических мастерских требуют сдельной оплаты, В которой им раньше было отказано. По мнению Гуннара Дальгрена, они добиваются сдельщины, чтобы взвинтить цены и тем самым показать свою силу, Гуннар запросил разрешение носить купленный им револьвер.

Непосредственный начальник Гуннара Дальгрена на заиоде Лидере Таусон, а над ними стоит финляндец Ларе Стигселиус (женатый на Рут). Чета Стигселиусов принадлежит к «высшему свету» поселка Петролеа. Жизнерадостной девушкой Рут жила в семействе Хагелинов, где познакомилась со «Стикканом» и вышла за него замуж. Теперь ее жизнь протекает не только в кофепитиях и маскарадах. но и I! хозяйственных заботах, готовке, шитье, поддержании в порядке платья, в родах и присмотре за детьми все это сопровождается борьбой с нерадивыми няньками и горничными.

Андерс Таусон

Рут более не считает Баку веселым городом. В письмах из Швеции, от сестры и матери, сквозит беспокойство за нее. И все же скандинавская колония пытается вести привычную жизнь. Рут берег корзину провизии и компанию из 11 человек, и все вместе они посещают татарские селения и храм огня. Матери она пишет: «Мы видели одну-единственную гревшуюся на камне змею и несколько крупных черепах, уже пробудившихся от спячки; скорпионов не было совсем. II вообще на земле никакой больше живности, зато с неба па нас всю дорогу лились тысячи птичьих голосов, а степь расстались ковром из цветов».

Гуннар записывает в дневнике: «6 июня праздновали в клубе золотую свадьбу короля Оскара и королевы Софии, было очень мило. Накануне Ламберт послал им телеграмму от всей шведской колонии. Он же произнес краткую речь и предложи.! выпить за них, и мы, откричав "ура", грянули королевский гимн».

На следующий день: «В Баку застрелили еще шестерых, говорят, была стычка между грабителями и полицией».

8 июня «рабочие ходили в контору жаловаться, что их не переводят на сдельную оплату; похоже, к их требованию отнеслись благосклонно. Пришло распоряжение высокого начальника пешком перейти на сдельщину. Таусон вне себя. Послал за мной и допытывался моего мнения. Я отвечал, что, по-моему, перевести на сдельную оплату все работы сразу переплыв). Обязательно начнутся скандалы, тем более в нынешних условиях. Тогда Таусон велел остановить все сдельные работы. Ночью подстрелили датчанина, инженера Виссинга. Лежит в больнице с пулей в животе».

Андерс Таусон празднует свой 51-й — и последний — день рождения с женой Бертой и дочерью Машей. Сзади стоит друг Андерса, Отто Тулин

Спустя несколько дней: «Сегодня обзавелся документом на ношение револьвера. Наконец-то!

В городе бросили бомбу в полицейского».

Шведы готовятся к Иванову дню. «В 11 часов поехал на конке в поселок Петролеа, где пробыл до вечера. Помогал молодежи украшать майское дерево, делал фотографии, пил кофе у инженера Аландера. На другой день - никакого ощущения праздника. Опять досаждают пыль с песком. Нанес визит Мелинам, где меня приняли очень тепло. Фру Мелин — пышная женщина с изящными руками».

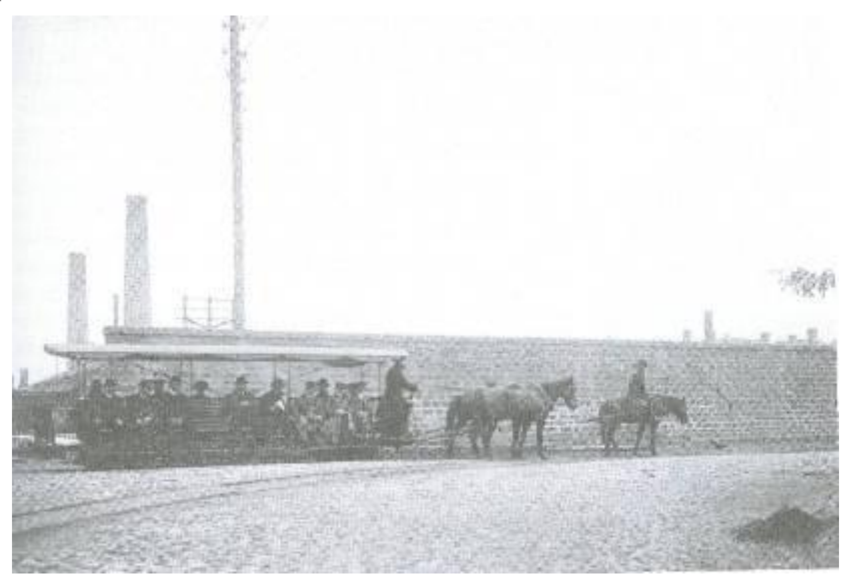

В поселке Петролеа готовятся к Иванову дню. Гуннар Дальгрен оказывается, тут как тут со своим фотоаппаратом

30 июня Гуннар пишет: «Чудесная погода, самое время для фотографирования в городе и на блошином рынке. Мне интересно бродить по рынку и наблюдать за народом. Подлинный театр. Каких там можно увидеть типов, каких наслушаться историй... После обеда был на кофе у фру Стиккан».

Из письма Марии, матери Рут: «Любезная моя Примула! Ты теперь живешь среди туземцев и татар, вдали от цивилизации и почты, а решиться на такое с малышками нужна большая смелость! Впрочем, я целиком полагаюсь па Лассе, уж он сумеет обеспечить вам безопасность; к тому же рядом должна быть Берта [видимо, фру Таусон. — *Б. О.],* и это меня утешает».

Рут в ответ: «У нас новая кухарка Таня, курящая... мне это совершенно безразлично, лишь бы не курила, когда стряпает. Мы с удовольствием едим самые разные фрукты, в последнее время больше чернику и чернослив. Говорят, в этом году невероятный урожай дынь. В саду обобрали дерево, которое обычно даст нам не меньше 14 килограммов абрикосов».

Товарищество завело собственное средство передвижения — конку. Пассажиры сидели там в два ряда, спиной друг к другу

25 июня Гуннар Дальгрен записывает в дневнике: «Злосчастный день. Убили Таусона, кода он в половине восьмого утра ехал на завод. В конке было всего трое пассажиров: Таусон и Фальк сидели справа, Бликст — слева. И вот бегут двое молодых людей и вскакивают с той стороны, где сидел Бликст. Он уже сошел с конки, но, сделав всего несколько шагов, услышал выстрел. Обернулся: двое негодяев улепетывают. Видимо, на конке один из них (или оба вместе) повернулся и приставил револьвер к затылку Таусона. Три пули прошили ему голову, четвертая попала в грудь. Т. умер

мгновенно, не пошевелив пальцем и не пикнув. Потом уж он завалился на бок, и его подхватил Фальк. Еще трос мерзавцев прятались поблизости, причем всем пятерым удалось скрыться. Вдогонку выслали полицейских и казаков, но до сих пор никто не пойман. Т. хотя бы умер без мучении, а вот семью жалко до слез: жену и дочь утешить некому. Т. был отзывчивым человеком, и рабочие его, мне кажется, любили, только жизнь здесь теперь копейка. Если существует загробный мир, какое возмездие ждет этих подонков? За границей, в том числе в Швеции, газеты много пишут о варварской строгости российских властей, но разве не нужно быть строгим с проклятыми убийцами?! Да попадись мне эти гады в пыточном застенке, я бы им показал! Я просто не верил этому известию, пока сам не увидел простреленную, окровавленную голову Таусона. Вероятно, для меня, ближайшего помощника, его смерть страшнее, нежели для других сотрудников. И я невольно упрекаю себя, потому что не раз склонял Т. к строгости. Почему они не убили меня — холостяка, к тому же мало ценящего жизнь? Почему надо было порушить счастливую семью? Сегодня был после работы на "Вилле" и заходил к Таусонам. Тяжко видеть горе супруги и дочери».

Виви Эклунд

Далее Гуннар Дальгрен докладывает: «О задержании убийц пока не слышно. Интересно, насколько в этом замешаны наши рабочие. Многие из них, уверен, знали о готовящемся преступлении: уж очень спокойно они держатся, а кто помоложе, ходит довольный, с презрительной усмешкой на губах. Надо ж быть такими поганцами! Мне поручили временно взять на себя обязанности Таусона, но, Бог ты мой, сколько приходится писать и разбирать всякой писанины! Сомневаюсь, чтоб я мог занять его место хотя бы по недостаточному знанию языка».

27 августа Гуннар пишет: «Сегодня хоронили Таусона. Прощание в поселке Петролса назначили на три пополудни. Собралась большая толпа, в основном из .любопытства. В похоронах участвовали почли все служащие и большинство рабочих. Пастор сказал свое слово, после чего рабочие подняли гроб и должны были донесли его до катафалка, а пронесли до самого кладбища. Одних дрожек вытянулось в процессию штук двадцать, многие

шли пешком или ехали на конке. В городе к шествию примкнул еще народ, вдоль улиц тоже выстроились провожающие. Когда гроб опускали в могилу, основная масса даже не успела дойти до кладбища. Здесь священник говорил па двух языках, по-шведски и по-немецки. Вые лупил и Лесснер, речь за Ламберта прочитал Тавастшерна. На могилу возложили груду венков. Фру Т. держалась молодцом. Неприятное впечатление произвело лишь то, ЧТО со стороны рабочих в процессии участвовали и недоброжелатели — их ухмыляющиеся физиономии возмущали нас, шведов. Теперь Таусон покоится рядом со старым другом Хеллерстрёмом на горе по другую сторону Баку. Ходят слухи, такая же судьба ожидает еще одного нашего сотрудника, а именно Стахса».

Густав Эклунд

Рут сообщает матери: «Вчера мы проводили Берту с дочерью Машей. Прощание было тягостным - и для них, и для всех нас. Пусть долгая дорога отвлечет их, а то обе совсем извелись, не могли ни есть, ни спать. Такого отъезда из Баку они наверняка не предполагали. Хорошо, что у них в попутчиках господин Кварнстрсм, он взял их по/1 свое крылышко, обеспечил билетами, местами для багажа и прочим. В Петербурге их, наверное, встретит Виви Эклунд, а через морс в Швецию будет сопровождать Берти на золовка Брита Таусон. [...] Теперь у меня живет Лейла Кулльбсрг — до возвращения Бэрнъельмов. Лето она провела с Таусонами. Лейла - бэрнъельмовская гувернантка, а еще она давняя подруга Маши и се матери Берты. Мы будем по ним скучать, и все же я рада, что они уехали, тут им было невмоготу: каждую минуту что-нибудь напоминало о дорогом и любимом человеке и о том, каким страшным образом они его лишились. [...] Жизнь здесь перестала быть веселой, но Лассе и слышать об этом не хочет, так что я помалкиваю. Только боюсь, рано или поздно здешний народ доведет нас до того, что все равно придется уезжать. Сейчас в поселке много солдат по поводу приезда Эклунда, и стоит ему высунуть нос из дому, как по крайней мере одни идет следом. Хоть бы Эклунд уехал отсюда цел и невредим, потому что его тут крепко не любят. Фпгге тоже вернулся домой. Хельга чувствует себя лучше, врачи подали надежду, что ее сердечная недостаточность пройдет. Сегодня отбывает на 5—6 недель Августа Аландер, так что из всего моего окружения тут остаются только молодые немки».

8 августа 1907 г. Рут получает следующее письмо от матери: «Любимая моя Рут! Новость, которую сначала принес в Швецию телеграф, а

потом подтвердило твое письмо, безмерно печальна. Мыслями я день п ночь возвращаюсь к ней. Душа проникнута сердечным сочувствием к Берте и детям, тревогой и страхом перед тем, что еще может случиться. Направить выстрел точно в инженера Таусона должен был его личный враг, по говорят, врагов у него не было, хотя быть в этом уверенным не может никто. Какая жалость, что вы лишились Таусонов, это потеря для всей колонии, а теперь могут уехать и другие шведы... Похоже, в Баку наступает сезон, особенно тяжелый для здоровья. Бедняжка Карин, она не находит себе места, потому что режутся зубки. У нас по-прежнему часто идут дожди и довольно прохладно. С уборкой урожая еще не кончили, рожь в этом году созревает .медленно».

И наискосок — приписано невесткой Лизой: «Отвечай скорее! А еще лучше — собрались бы и уехали вовсе из этого Баку!»

Снова из дневника Гуннара Дальгрена: «1 октября. Сегодня в Балаханах убит инженер Паккендорф, по дороге с четвертою промысла в контору. Похоже, гут задумали навести пас, шведов. И никто ничего не предпринимает, чтобы помешать убийствам. Паккендорф только что уволился с должности п собирался днями уехать в Швецию».

ПРЕДОТВРАЩЕНО ПОКУШЕНИЕ НА ШВЕДА Но сообщению из Бак//, полиции удалось раскрыть и в последнюю минуту предотвратить тщательно спланированное покушение на господина Эклунда, директора «Товарищества бр. Нобель»

8 октября: «Тело Паккендорфа перевеа.ш в Тифлис. Сам он хотел быть погребенным в Швеции, но переправлять труп через всю Россию крайне сложно. Теперь П. похоронят в Тифлисе, откуда ролом его супруга. Говорят, он подвергался угрозам и преследованиям со стороны убийц, которые, если верить слухам, недавно пристрелили механика с этого же промысла. П. настаивал на их аресте. По дороге в контору П. и его спутники заметили убийцу, и П. вроде даже сказал: «Пора браться за револьверы», когда прозвучал выстрел и И. ранило в руку. Они соскочи/т с конки, но следующий выстрел угодил ему в живот, П. упал. Финн Сундквист выстрелил в убийцу, тот в него, а потом Сундквист споткнулся п тоже упал. Убийца расстрелял обойму, спокойно прошел мимо лежащих и скрылся. Напротив на двух углах стояло по полицейскому, и они ничего не предприняли. Только когда убийца исчез, они бросились в погоню — слишком поздно п. разумеется, безуспешно. Сундквист тут же покинул Баку».

12 октября: «Сегодня ночью возле одного п.; наших заводов убит полицейский - его то ли застрелили, то ли прикончили ударами, Забрали револьвер. Балаханский управляющий Ваннебу говорит, что устал от такой жизни и хочет обратно в Швецию. Вильсон "получил предупреждение"... возможно, это тоже следует понимать как угрозу. Кто-то стрелял в окно к Тулину. Тулин теперь ночует в городе у Бэрнъльма».

Густав Адольф Паккендорф

В ноябре Рут пишет в Петербург Вильгельму Хагелину: «Поведение Берты (Таусон. — *Б. О.)* не укладывается у меня в голове. Я уже давно слышала про нее всякое, но отказывалась верить. Линдквпет из Карлсхамна твердит, что Берта должна получить состояние в 100 тысяч крон, на меньшее она не согласна. 25 тысяч у нее было, потом Товарищество выделило ей 60 тысяч и, кроме того, предоставило 12 тысяч ее сыну Хансу, для завершения военного образования. Когда Берта потребовала 76 тысяч крон, Товарищество (т. е. Эмануэль Нобель. — *Б. О.)* постановило выплатить ей эти деньги, но за вычетом Хапсовых 12 тысяч. Я не понимаю Берту. Здешнее жалованье Андерса лаже близко не дотягивало дошести тысяч в Швеции, и прослужи он хоть до 80 лет, Таусонам было бы не собрать капитала в 60 тысяч. Как бы ей не пришлось пожалеть о своем поступке! [...] Моя кухарка малость сумасшедшая, отнюдь не услужлива и, похоже, любит выпить, зато готовит превосходно! Если так будет и дальше, я ее не выгоню».

Газетное сообщение под заголовком «Убийство инженера Паккендорфа»

Ingenjör Packendorff [illegible] mördad. Enligt meddelande till släktingar i Göteborg har ingenjör Gustaf Adolf Packendorff, [illegible] blifvit mördad i Baku. [illegible]

[illegible]

Detta är det femte mordet, som på [illegible] några månader förö[illegible] i Baku. De fyra förut mördade äro: [illegible] Hagelin, öfveringenjör Tausen och ingenjörerna Löthberg och Forsman.

Ingenjör Packendorff, [illegible] i Baku vid de Nobelska anläggningarna, [illegible] i Balakhani. [illegible] Baku och återvända till Sverige, [illegible]

Участью Таусона пригрозили и еще одному шведу, инженеру Андерсону, который заведовал одним из промыслов. Вскоре его тоже застрелили на улице.

Рут и Эстер занимаются рукоделием в красивой гостиной Стигселиусов в поселке Петролеа

ПЕТЕРБУРГ, 10 февраля. Из Баку телеграфируют: город давно терроризирует шайка разбойников, которая похищает людей и требует за них огромный выкуп. Теперь магистрат решил поставить на главной площади виселицу и без жалости и снисхождения вешать там всех пойманных бандитов.

PETERSBURG, 10 februari. Från Baku telegraferas, att denna stad länge terroriserats af röfvarband, som bortfört personer för att sedan utpressa stora lösesummor. Magistraten har nu beslutat att på stadens största torg uppresa en galge, där alla röfvare, som kunna infångas, utan nåd och förbarmande skola hängas.

Гуннар Дальгрен вырезал статьи и заметки из шведских газет. Под этой заметкой он приписал: «Ха-ха-ха!» Терпение к разбойникам и убийцам истощилось

ГЛАВА 11

1909-й— год юбилеев и проблем

1908-Й И ПОСЛЕДУЮЩИЕ ГОДЫ опять протекают тревожно для Европы. Летом 1909 г. в Швеции состоялась крупная забастовка. Она должна была парализовать всю государственную систему, а кончилась поражением профсоюзного движения. Шведскому министру иностранных дел Эрику Тролле уже чудится красный лик Финляндии, видятся темные, разрушительные силы, которые зреют там по мере ослабления царской власти. Русские опять занялись обрусением Финляндии и внушают Швеции безумный страх. Шведам кажутся опасными их желание иметь незамерзающие порты на севере и значение, которое они придают строительству железной дороги через всю Финляндию. Поскольку это касается также Норвегии, возобновляются шведско-норвежские контакты по вопросам совместной обороны, причем Швеция, даже при сохранении нейтралитета, хотела бы оставить себе возможность союза с Германией. Русские начинают укреплять Петербург, Рижский и Финский заливы.

В 1909 г. было два крупных повода для торжества: Эмануэлю Нобелю исполнялось 50 лет, а руководимому им колоссальному предприятию — 30! На этой фотографии Эмануэль стоит перед своим домом в окружении братьев и сестер, друзей и пришедших его поздравить служащих товарищества

В конце июни 1909 г. в Стокгольм прибывает с визитом Николай II. Обсуждается давняя проблема Аландских островов, по которой высказался и английский король Эдуард VII, также посетивший шведскую столицу. Аландские острова входили в великое княжество Финляндское, однако населяли их шведы, которые не раз высказывали желание присоединиться к Швеции. Российское же правительство хотело приспособить острова для военных целей. Эта проблема не уйдет из большой политики до 1921 г., когда заинтересованные стороны заключат конвенцию о нейтралитете и демилитаризации Аландских островов — прежде всего благодаря твердой позиции, занятой Швецией.

Его превосходительству Эмануэлю Нобелю нравился высокий титул

Продукция «Товарищества бр. Нобель» через Батум и Новороссийск вывозилась в Турцию, Италию, Австрию, Тунис, Францию и Англию. По Балтийскому морю ее доставляли в Германию, Нидерланды и Скандинавские страны. Хотя в России уже несколько лет было крайне неспокойно, товарищество находилось в хорошей форме и давало изрядную прибыль. На 1909 г. падало сразу два юбилея: пятидесятилетие Эмануэля и тридцатилетие компании. Правительство удостоило Эмануэля Нобеля чипа действительного статского советника с титулованием «ваше превосходительство», что было редкой честью для частного лица. День рождения Эмануэля отмечали на широкую ногу. По семейной традиции, было учреждено несколько фондов его имени и стипендий для научных исследований.

В ноябре 1909 г. в заседании САИК впервые участвовал Йоста Нобель, младший сын Людвига и Эдлы, — пока в качестве гостя и наблюдателя. Образование Йоста получил в Высшей коммерческой академии в Кёльне. Практическая работа в Москве под началом Кнута Литторина подготовила его к тому, чтобы семейная компания постепенно переходила в его руки.

Нефтепромышленные рабочие Кавказа объединились и выговорили себе условия, уже действовавшие у Нобелей: восьмичасовой день на промыслах, девятичасовой на заводах, хорошие общежития или компенсация за снятие жилья. В товариществе тоже избирают комитеты, которые — «во избежание недоразумений» вели бы переговоры с руководством. Нобелевские рабочие получают бесплатную медицинскую помощь и

частично оплаченные обеды, они имеют собственную ссудную кассу, а холостяки — казармы с настоящими кроватями и сушилкой для одежды. В потребительской лавке можно покупать дешевые продукты, для детей организованы школы. Две с половиной тысячи астраханских служащих товарищества пользуются теми же привилегиями.

В 1898 г., когда назревала острая нехватка жилья, товарищество арендовало пять с половиной гектаров земли в Сабунчах и построило новый поселок под названием «На горе» — с мощеными улицами и электрическим освещением. Там и в поселке Петролеа теперь могут разместиться с семьями 4 тысячи служащих компании, которые, кстати, по-прежнему получают — и будут получать впредь процент от прибыли. Работа на промыслах и заводах остается опасной, но везде удалось свести число пожаров и несчастных случаев к минимуму. В Баку нефть больше не бьет фонтанами, запасы ее стали иссякать, и бурить приходится на все большую глубину. С 1904 по 1913 г. доля России в мировой добыче нефти снизилась с 31 до 9%. В 1910 г. конъюнктура ненадолго упала, из-за чего 25% рабочих пришлось уволить.

«Товарищество бр. Нобель» — процветающая компания, одна из крупнейших в России, имеющая и европейские филиалы. Т-во развозит нефтепродукты по всей стране, размещая их на складах наподобие этого, в Царицыне (слева)

С помощью фотоаппарата Гуннар Дальгрен запечатлевает будни бакинского товарищества. Внизу: балаханские заводы. На с. 226–227: а) вышки и склады, б) пароходы, в) мужчина в белой рубашке работает в лаборатории с газовой горелкой Бунзена

Поселок «Па горе», где служащие товарищества получили хорошие квартиры.

Во время перерыва работ могут поесть и попить чаю в собственных столовых. Обеды частично оплачиваются товариществом, но можно и приносить еду из дома

«Торговля Меликова». Может быт, это кооперативная лавка для рабочих?

После многолетних споров в печати американская администрация — во главе с президентом Теодором Рузвельтом — добивается в Верховном суде упразднения нефтяной монополии и роспуска «Стандард ойл». «Семь сестер», то есть образовавшихся на ее месте новых компаний, черпают силы в сотрудничестве и конкуренции друг с другом. Как ни странно, такое разделение оказывается выгодным и Джону Д. Рокфеллеру, который удваивает свое состояние.

Российская нефть годами давала хороший доход и Ротшильдам. И все же они, возможно, предчувствовали развитие событий, когда глава «Ройял датч» Детердинг подступился к ним с предложением купить «Мазут» и БНИТО. Ротшильды еще в 1905 г. пытались продать их Нобелям и «Дойче банку». Теперь они получили взамен акции «Ройял датч» на 27,5 млн. рублей, а эту компанию ожидало блестящее будущее. Так банкирский дом Ротшильдов избежал потерь, связанных с войной и русской революцией.

Новые месторождения по всему миру

Нефть искали по всему миру — и открыли новые месторождения в Техасе, Калифорнии, Мексике, Индонезии и Персии. Когда сорок с лишним английских нефтеторговцев оккупировали Майкой, обнаружилось несколько новых мест и на Кавказе. С промыслов в Майкопе и Грозном были проложены нефтепроводы в Туапсе и Новороссийск, в результате чего эти порты обошли Батум, став основным транзитом для экспортной нефти.

Вильгельм Хагелин имеет в распоряжении миллион рублей на разведку новых нефтяных источников. У товарищества тысяча скважин в разных областях России — либо собственных, либо арендуемых. Нобели становятся совладельцами «Челекено-Дагестанского общества», компании по добыче богатой парафином нефти на острове Челекен — по лицензии, которую приобрел в свое время Роберт. Их доля есть и в богатых месторождениях Грозного, и на промыслах к северу от Тифлиса, и по ту сторону Каспия, в Туркестане - под Бухарой и Самаркандом. Русский консорциум приобрел право на разработку крупных степных залежей к востоку от реки Урал.

В селе Балаханы жили семьями многие 27,5 *промысловые рабочие*

А к северу от Каспийского моря, неподалеку от города Доссора, составляет карту своих находок на реке Эмбс Фегреус. Нобели совместно с другими компаниями, в том числе «Ройял датч-Шелл», делают ставку на эти негостеприимные края. Руководить всеми эмбинскими промыслами поручают Густаву Эклунду. К концу лета 1912 г. Нобели развертывают работы по бурению скважин, прокладке трубопроводов, подготовке отстойных прудов для нефти и строительству домов для служащих.

В Чимион, почти в Китай!

В сентябре 1910 г. в Баку приезжает Аксель Блумгрен, шведский инженер и уроженец Смедьебаккена из провинции Далекарлия, которому поручено продолжить электрификацию заводов и промыслов. Компания «Электрикал пауэр $К^0$» построила крупную электрическую станцию для Балаханов и Сабунчей и вторую — в Баилове — для Биби-Эйбата. Как рассказывает Аксель Блумгрен в своих увлекательных мемуарах, «он попал в товарищество, годовой оборот которого равнялся государственным бюджетам Швеции, Норвегии и Дании, вместе взятым».

«С самого начала механических работ здесь применялись паровые машины, легкие в обслуживании и дававшие возможность погреться возле них в холодное время года. Поскольку паровая тяга была малоэкономичной и к тому же требовала длинных паропроводов, руководство компании решило переходить на электрическое питание, и, когда я начал службу в нобелевском Товариществе, переход этот частично был уже осуществлен.

Аксель Блумгрен пишет в Швецию фрекен Рут Блумгрен: «Каспийское море, 27.6.12. Оторвался от Европы и в самую что ни на есть подходящую для путешествий погоду сижу под тентом на большом колесном пароходе, в открытом море, и жду появления на горизонте азиатского берега, а заодно шлю вам всем нежнейшие поклоны. На борту полный порядок! Аксель»

Миновал 1911 г., мы вступили в следующий, 1912-й. Весну я в основном провел на (острове. — *Б. О.)* Святом, возился с электростанцией. Как-то в апреле газеты вышли с аршинными заголовками — потерпел катастрофу гигантский пароход "Титаник", погибло свыше 1600 человек.

Не помню, по какому случаю я обмолвился, что в нефтяной промышленности интересно все и что я не отказался бы познакомиться с самыми разными ее областями. И вот, когда я закончил свои дела на Святом, мне предложили поехать в Среднюю Азию, где фирма приобрела действующее нефтяное месторождение, Чимион. Я должен был наладить там электрическое снабжение, а также стать заместителем начальника по

Аксель Блумгрен в сартской тюбетейке во время т в Ташкент в августе 1913 г.

административной и технической части. В моей жизни наступала новая эпоха».

Аксель Блумгрен получает разрешение на въезд в Туркестан, куда иностранцев обычно не пускали. В Красноводске его встречает жандарм в сопровождении солидного господина в летах, представляющего компанию (очевидно, Яльмара Круселля).

«Мы немедля проследовали в жандармерию, где задержались за разговором в передней комнате. При этом я обратил внимание, что жандарм держит правую руку странным образом отставленной вбок, а ладонь его сложена пригоршней. Я спросил, что сие значит. "Положите рубль-другой, сами усидите", с улыбкой отозвался он. Я положил. Рука нырнула куда-то вниз и в следующий миг была пуста. Жандарм расправил плечи и прошел во внутреннее помещение, откуда до нас через открытую дверь донесся его разговор с начальством.

"Личность путешествующего установлена?"

"Да".

"Оружия не имеется?"

"Нет".

В заднем правом кармане у меня был револьвер марки "Уэбли-Скотт".

"Фотографических аппаратов нет?"

"Нет".

На перекинутом через плечо ремне у меня за спиной висела большая фотокамера». Аксель Блумгрен приступает к работе на Чимионском месторождении — в селении Ванновская, близ границы с Китаем. Там уже около тысячи нобелевских служащих. Есть больница, аптека, врач, фельдшер и акушерка. В близлежащей деревне живет русский начальник полиции. Мусульманам дают выходной, чтобы они могли отпраздновать свой Шахсей-Вахсей*. Аксель видит, как его участников чем-то поят, а потом они с гиканьем пляшут и колют себя кинжалами. Ржут и становятся на дыбы кони, тревожно бьют крыльями голуби. Мужчины впадают в экстаз: зрачки у них расширены, глаза неестественно блестят. Постепенно исступление проходит, все идут мыться в баню. Раны заживают на удивление быстро. Аксель считает, что местные жители знают для этого специальное средство. В прочес же время сарты — самый миролюбивый народ на свете. «Живя здесь, я чувствую себя не в меньшей — а то и в большей безопасности, чем у себя на родине. Ферганскую провинцию, равную по площади трети Швеции, русские покорили всего двумя ротами... и без единого выстрела».

С гор задул прохладный ночной ветерок. Аксель сидит на увитом виноградом балконе и, попыхивая трубкой, набитой табаком «Пионер», предается размышлениям после трудового дня на жаре. Правоверные мусульмане целый день постились. Из соседних домов пахнет жареной бараниной. Там готовят традиционный плов — блюдо из вареного риса и нарезанной полосками баранины, желательно с добавлением изюма. Ожидание еды затягивается, тем временем опускается темнота. Кто-то заводит монотонную песню, кто-то начинает танцевать — под хлопанье в ладоши и стук по кастрюле вместо барабана.

В июле Аксель уже собирает вишню и тутовые ягоды в собственном саду, он ест простоквашу, клубнику со сливками, земляные груши, пьет чай с галетами. В здешних краях растут яблоки, сливы и персики, редис, дыни, виноград, малина, миндаль. В городах можно купить товары из Швеции: зубную пасту, чернила, эскильстунские ножи, хозяйственные товары компании «Хускварна», примусы. В городском освещении используются лампочки «Люкс», на электростанциях работают паровые турбины «Де Лаваль» и генераторы из Вестероса. А еще тут есть телефоны Л.М. Эриксона и так называемые «шведские спички», хотя они вовсе не шведские. Не хватает разве что сваренных с петрушкой раков... Аксель шлет домой почтовые переводы — столько-то каждому из родных и от 300 до 500 крон дяде, в счет погашения долга.

---

* См. с. 96.

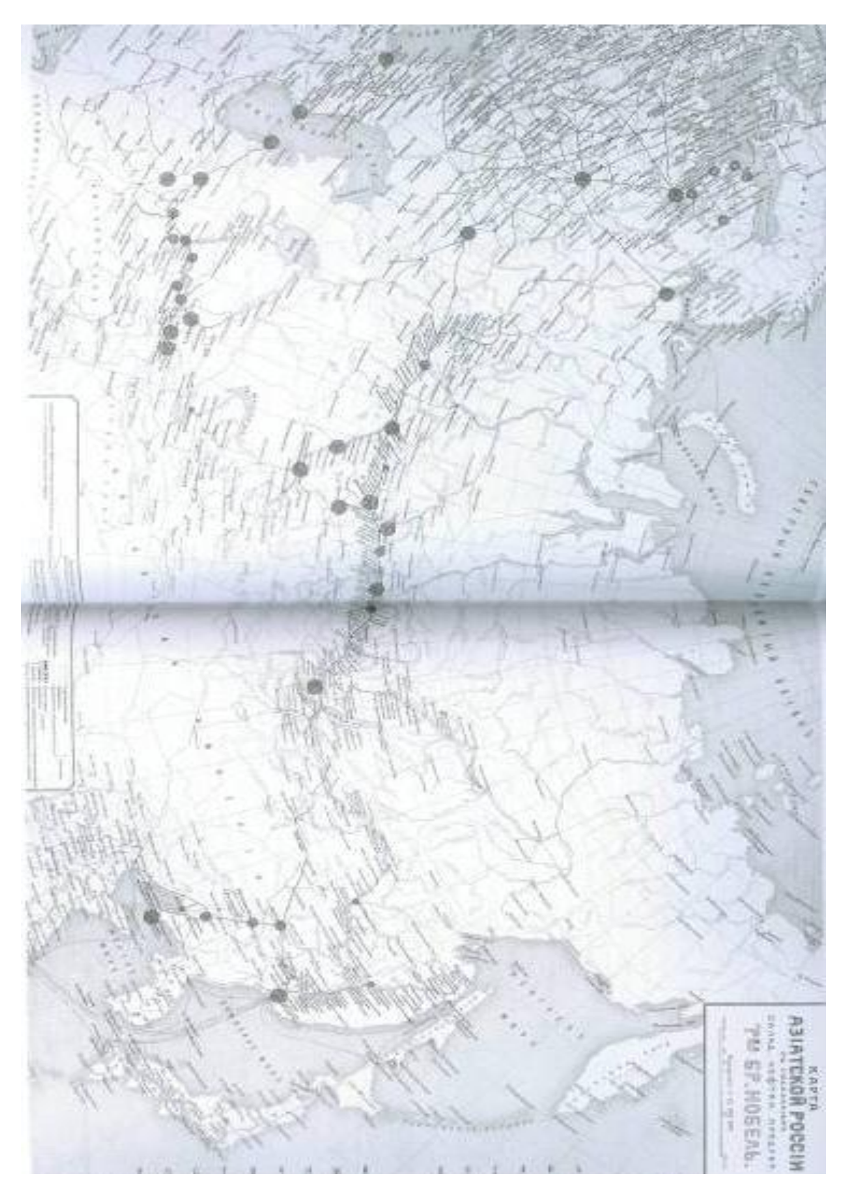
Нефтяные вышки тянулись извилистой .нитей, во много рядов. Нефть под напором бежала в приемные резервуары завода и железной дороги, служившей средством связи с внешним миром: параллельно путям шла телеграфная линия. «Станционные служащие всегда знали о происходящем в мире и докладывали нам, нередко по внутреннему телефону, гак что мы тоже были в курсе событий. Это нам очень пригодилось впоследствии, когда наступили тревожные времена».

Аксель Блумгрен установил большой дизель-электрический агрегат, но работники не умеют с ним обращаться, и много времени уходит на отладку оборудования. Затем на электростанции появляется еще один агрегат, и к началу 1914 г. она полностью готова.

Управляющий Максимов заболел и уезжает на курорт, руководство промыслом переходит к Акселю. В помощь ему дают финна Блументаля. Они быстро находят общий язык, срабатываются, но тут происходит непредвиденное. Убивают кого-то из персов, родня убитого объявляет семье убийцы кровную месть. Аксель решает, что меньшая группа должна покинуть промысел. Разумеется, каждому выдают компенсацию и железнодорожный билет до другой нефтедобывающей компании. «Итак, проблему уладили, а вот найти полноценную замену уехавшим было непросто. В эти глухие места попадало мало новых людей, разве что забредет беглый каторжник из Сибири да захочет остаться в здешнем благодатном климате. Работники из них получались хорошие, так что каторжан брали охотно».

Наконец Аксель едет в отпуск на родину, к шведским белым ночам. «Я наслаждался разнообразием занятий, которое предоставил мне отпуск. Впрочем, его омрачило убийство в Сараеве наследника австрийского престола с супругой, случившееся 28 июня 1914 г. А 1 августа разразилась война».

Возвращение в Чимион стоило немалых усилий — война уже наложила спои отпечаток на всё и вся. А в Туркестане, хотя полицейский контроль был строже обычного, особых перемен не наблюдалось: не трезвонили привычные для Европы колокола, пустыня по-прежнему спала крепким сном, И на промыслах все шло по-старому. Правда, многих призвали в армию, однако на их место заступили другие. К тому же мобилизовали отнюдь не всех, учли жизненную важность промысла. «Лозунг властей был: чем больше нефти, тем больше бензина. А бензин из нашей нефти получался пригодный для аэропланов. Мы жили своей жизнью в окружении туземцев-магометан, и отношения у нас с ними сложились хорошие». За перипетиями войны можно было следить по галетам, во всяком случае, в том объеме, в каком это дозволялось цензурой. Здесь, в захолустье обширной Российской империи, жизнь текла своим чередом.

КАРТА. *У товарищества есть промыслы, на Урале и в Средней Азии, а сбыт продукции налажен до самой Маньчжурии. Возобновились разработки на острове Челекен, право на которые в свое время приобрел еще Роберт. По Транссибирской магистрали нефтепродукты везут во Владивосток*

«Подошло Рождество, и мы устроили для детей сотрудников елку - с фруктами, сластями, подарками. Мы чувствовали себя одной большой дружной семьей и всячески крепили это единство. Елки росли высоко в торах, а в долинах были персики, абрикосы, тутовые ягоды, грецкие орехи, виноград и дыни. У клубники был совершенно особенный аромат». Аксель псе чаще встречается с новой учительницей Александрой Алексеевной, к весне оба безумно влюблены и на Иванов день объявляют о помолвке. Назначив день бракосочетания, они приводят в порядок дом бывшего управляющего — силами австрийских военнопленных. Австрияков отправляют в Туркестан и распределяют там по лагерям. Промышленникам разрешено набирать в этих лагерях людей, которые бы заменяли уходящих на фронт русских. «Мы отобрали себе для начала 50 человек, потом еще. Австрийцы составили собственную колонию во главе с инженером Кунцем - он, как и многие его соотечественники, предпочитал трудиться, и работники они все были превосходные». Дом обставили новой мебелью, и там стало уютно. В октябре молодые обвенчались по обряду русской православной церкви.

Аксель и Александра

С фронтов приходят сообщения о множестве погибших, об острой нехватке людей, о голоде, грязи и вшах. Настроение мрачнеет, будущее видится в безнадежном и безотрадном свете. Весной 1915 г. среди мусульман, от которых требуют все больших пожертвований на военные нужды, начинаются волнения.

«Мы, однако, не ощущали нависшей над нами опасности». Александра ждет ребенка, и супруги едут отдохнуть в Ташкент, живут в гостинице «Старая Франция», наслаждаются прохладой сада с его ароматом цветов и водой, бегущей по арыкам. Астрийские пленные могут свободно передвигаться по городу — и создают весьма профессиональный оркестр. Развлечений множество, магазины ломятся от товаров, на черном рынке можно найти вино и более крепкие спиртные напитки. Вроде бы идиллия, но где вы видели идиллию, которая длится вечно?! Среди местных жителей начинается брожение, они ни с того ни с сего озлобляются, закрывают свои

лавочки, выказывают явное нерасположение к русским. В воздухе пахнет беспорядками.

«Нам следовало, не дожидаясь открытых возмущений, ехать домой. И не потому, что я опасался материальных трудностей, если б меня надолго отрезали от промысла. Достаточно было бы обратиться к одному влиятельному человеку, ведавшему делами Товарищества по всему Туркестану. В его ломе мы всегда чувствовали себя желанными гостями». Супруги торопятся на вокзал. Навстречу им входят в город артиллерийские части, вскоре до их слуха доносятся орудийные залпы.

Настроение в Чимионе царило подавленное, хотя работа продолжалась 15 обычном режиме. Большинство необходимых товаров можно было купить в кооперативном магазине компании, мясо продавал некий Бакишка. И тут до служащих товарищества доходяг слухи, что «туземцы» готовят нападение на их промысел — на промысел, где вырабатывается осветительный керосин, топливо для локомотивов и лучший бензин во всей империи, причем в огромных количествах.

В эти беспокойные дни Александра рожает сына, и Аксель испытывает прилив счастья и новых сил. «Я воздел к небу сжатые кулаки и завопил: "Теперь пускай эти гады приходят, теперь у меня есть сын, я буду его защищать!"»

Но они не пришли. Власти достигли соглашения со старейшинами, и дело кончилось полюбовно.

ГЛАВА 12

Первая мировая война — больше поставок для фронта!

В САМОМ НАЧАЛЕ ЛЕТА 1914 г. директор «Дойче банка» по секрету сообщает в Берлине Вильгельму Хагелину: «Скоро будет война». Хагелин в недоумении, и банкир объясняет ему: «Истекает срок нашего торгового договора. Мы хотим более выгодных условий, а российское правительство на них не согласно».

Убийство в Сараеве наследника австрийского престола и его супруги дало Австрии случай раз и навсегда покончить с южнославянским национализмом, представлявшим угрозу двойственной габсбургской монархии. Началу Первой мировой войны способствовало разделение великих держав на два лагеря. Россия не могла подвести своих братьев-славян и приступила к мобилизации. Германия приняла сторону Австро-Венгрии и 1 августа объявила войну русским, а чуть позднее — французам. После нападения немцев на Бельгию в междоусобицу вступила и Англия.

В Швеции был серьезнейший политический кризис. Социалисты видели прежде всего «русскую опасность», для них царизм таил в себе угрозу, а социализм призван был стать главным миротворцем и спасителем человечества: с установлением интернационального правопорядка поводов для войн больше не будет. Совершенно иного взгляда на «русскую опасность» придерживался германофил и националист Свен Хедин. Его 70-страничный памфлет «Слово предупреждения» был шедевром красноречия и в 1912 г. разошелся по стране огромными тиражами. Хедин развенчивал наивные идеи социалистов и пугал народ, живописуя, как Швецию захватывают русские революционеры. Масла в огонь подлил и более или менее открытый сговор шведских социалистов с революционными силами в Европе. В январе 1914 г. шведский посланник генерал-лейтенант Эдвард Брэндстрём докладывает из Петрограда (как назывался Санкт-Петербург с 1914 по 1924 г.): «Россия готовит вторжение в нашу страну». Русские лее подозревали Швецию 15 том, что она может совместно с Германией напасть на Россию. Обычно столь рассудительный дипломат поддался всеобщей ажитации.

2 августа но всей Швеции гудят колокола; лидер социалистов Яльмар Брантинг заявляет о своей лояльности правительству. Страна объединилась и по-прежнему не хочет вступать альянсы. 3 августа обрадованный этим сообщением премьер-министр Яльмар Хаммаршёльд объявляет о шведском нейтралитете. И наконец-то власти решают заняться обороноспособностью

Швеции. Впрочем, общественное мнение убеждено, что война не затянется. Тем не менее катастрофа уже свершилась. Война положила конец «прекрасной эпохе» *(la bella epoque)* — долгому периоду, когда люди и капиталы пользовались свободой передвижения, когда ширилась мировая торговля, когда в обществе возобладали либеральные идеи, согласно которым права личности важнее прав государства.

Несмотря на войну, в мире продолжалась борьба за нефтяные рынки. Па сцену выступила «Русская генеральная нефтяная корпорация», или «Ойль», — эта административная компания наполовину представляла английские интересы, по ее поддерживал ряд видных российских банкиров и нефтепромышленников. В 1914 г. «Ойль» попыталась заручиться большинством голосов на ежегодном собрании «Товарищества бр. Нобель» и захватить его в свои руки, однако старые пайщики воспротивились, и эта попытка сорвалась. Спустя полгода двое членов правления «Ойль», состоявшие также в правлении «Бранобеля», предложили свои акции «Ойль» Эмануэлю: они считали его наиболее подходящим человеком для руководства российской нефтепромышленностью, а корпорация нуждалась не только в деньгах, но и в ценных специалистах. Эмануэль не проявил интереса к предложению. Вильгельм Хагелин не раз упрекал Эмануэля в излишней осторожности и нерешительности; с этими упреками, вероятно, согласился бы и Альфред. И все же Хагелин — не без помощи других одолел Эмануэля. Даже Ханс Ольсен приезжал в Петербург, чтобы заставить его решиться. В конце концов они добились от Эмануэля ответа, который истолковали, как им было удобно: дескать, «черт с вами, делайте, что хотите, только оставьте меня в покос». Впоследствии Эмануэль принимал деятельное участие в приобретении Нобелями банковских бумаг на сумму в 40 миллионов крои и выпуске собственных акций на 55 миллионов, что позволило им заполучить активы «Ойль». В 1915 г. товарищество контролировало свыше половины российской нефтяной промышленности.

Однако идет мировая война, и музыку заказывает петроградское правительство. А оно требует наращивать поставки для фронта, так что все заводы работают на полную мощность. Нобелевская флотилия из 40 наливных судов и барж перевозит огромное количество нефтепродуктов по российским рекам и каналам, по Каспийскому и Черному морям. Па 1916 г. в «Товариществе бр. Нобель» и в фирмах, которыми оно частично владеет, трудится свыше 50 тысяч человек. Со своей тысячи скважин товарищество получает треть сырой нефти в России и 40% продуктов ее перегонки, поставляет две трети товара, потребляемого на внутреннем рынке. Компания строит первый российский завод по производству бензола и взрывчатого вещества толуола. Ведь экпортировать динамит из Германии больше нельзя, эта страна — враг!

В 1916 г. товарищество выплачивает по дивидендам рекордную сумму в 40%. То-то бы гордился Альфред! Людвиг предпочел бы иные достижения. Когда Детердинг прислал в Баку своих инженеров, они обнаружили, что нобелевские предприятия устарели. Товарищество не вело исследований, не разрабатывало новых технологий — все силы уходили на войну и выполнение правительственных заказов. К тому же Нобелям просто не хватало квалифицированных сотрудников.

В руководстве компании происходят перемены. После перехода в «Ройял датч-Шелл» Эрнста Грубе бремя переговоров с Парижем и Лондоном возложено на Вильгельма Хагелина (нередко в них участвует и Эмануэль Нобель). Сбытом стал заведовать Кнут Литторин, а всем нефтяным производством — Артур Лесснер. Йосту Нобеля назначили главным управляющим в Баку, тогда как его брат Эмиль возглавил механический завод в Петрограде.

Революция! Круши все старое!

В феврале 1917 г. царь отрекся от престола. Членам царской семьи на некоторое время позволяют остаться в Петрограде, затем их вывозят в Екатеринбург, где выстрелы в подвале и яма в лесу знаменуют конец их жизни и российской монархии. Война и происходящие в России беспорядки дают Финляндии шанс к освобождению, и 6 декабря 1917 г. она провозглашает свою независимость. В январе следующего года ее признает мировое сообщество, а в 1920 г. — и Россия.

Акселя Блумгрена отзывают обратно в Баку. После пяти весьма плодотворных лет в Чимиопе он со своей немногочисленной семьей покидает Туркестан. Перед новым, 1917-м, годом его место там занимает другой человек. «Я и помыслить не мог, что через какой-нибудь год мой преемник и 28 моих товарищей по работе погибнут, защищая промысел». Итак, весной 1917 г. Аксель снова в Баку, пытается работать и условиях, которые становятся все более невыносимыми.

«Из Петрограда доходили слухи о волнениях и смуте не только среди населения, но и в правящих кругах. Главной фигурой на политической сцене стал неотесанный и похотливый Распутин. Этот хитрый сибирский крестьянин приобрел большое влияние на императорскую чету, в особенности па императрицу, и мог по собственной воле назначать и смещать министров, а также предпринимать другие меры, имевшие роковые последствия. Поговаривали об измене, в которой была замешана императрица, о том, что се даже думали выслать в туркестанский Ташкент. Из этого ничего не вышло, однако кризис достиг стадии, на которой может случиться все, что угодно. Безвольный и слабый по натуре, царь негласно

уступил право решать все дела императрице, та же слушалась советов Распутина. Великие князья пытались отстранить Распутина от управления государством, а когда это не удалось, решили его убить. Морозной декабрьской ночью их план был приведен в исполнение. Вся страна торжествовала и надеялась на перемены к лучшему, однако развал продолжался еще более быстрыми темпами.

Революция означала свободу. Что такое свобода, никто не знал, но все были убеждены, что свободу нужно приветствовать, поскольку это нечто великое и недоступное пониманию. Свобода стала всеобщим лозунгом. Во имя свободы распахивали тюремные ворота и выпускали заключенных (ведь свобода распространялась и на них). Во имя свободы люди дезорганизовывали работу предприятий, дававших им средства к существованию. Доказывать непоследовательность таких действий было бессмысленно. Можно было нарваться на то, что тебя объявят контрреволюционером и врагом народа, а это не всегда полезно для здоровья.

Революция была, так сказать, делом государственным, тогда как компании принадлежали частным лицам. Революционерам это не нравилось. Все старое следовало сокрушить, а частный капитал — вытеснить из промышленности. Государство, однако, не могло управлять всем производством. К тому же оно было слишком занято гражданской войной и организационными мероприятиями в центре. Тем не менее контроль в нужном направлении уже осуществлялся, со временем его могущественная рука дотянется и до наших отдаленных угодий.

"Вся власть Советам!" - провозгласил Ленин в своем декрете, и Советы подхватили лозунг и бросились создавать комитеты.

Развернулась борьба за состав этих комитетов, агитировали и во время рабочего дня, и после. Каждый выставлял свои заслуги, доказывал, что выбрать нужно его».

Плотник Витушов приставил бочку к стене и объясняет с нее разгоряченным слушателям: «Попадись мне сейчас под руку какой-нибудь из этих сволочей начальников, я б ему башку так и раскроил топором!» Идущий мимо Аксель Блумгрен останавливается, Витушов видит его и сбивается с речи. «Наступила гробовая тишина, все окаменели, а я спокойно проследовал своей дорогой».

«На одном из митингов неграмотный татарин Ахмат умудряется доказать собравшимся, что носить корм свинье ниже его человеческого достоинства. "Митингами" (с английским произношением) называли частые рабочие собрания, где каждого призывали высказывать свое мнение; в конце собрания принималась "резолюция", о которой уведомляли всех заинтересованных лиц. В данном случае резолюция гласила: негоже истинному революционеру прислуживать буржуйской свинье.

В разгар революции рабочие прогнали одного мастера, и он вынужден был спешно уехать. Перед отъездом мастер продал своих кур и свинью финскому инженеру Нюману. Встретив меня в Биби-Эйбате, Нюман предложил войти с ним в долю по содержанию свиньи: двум семьям легче будет се прокормить. Да и мясо, когда свинью зарежут, удобно разделить пополам, им одним будет слишком много. Я согласился, и мы поручили свинью заботам дворника.

И вот на митинге принимают резолюцию, что дворнику нельзя смотреть за свиньей, и предупреждают нас за два дня. Плакал наш рождественский окорок... Ахмат вызвался прирезать свинью, чем меня крайне удивил: как мусульманин он не имел права касаться нечистой скотины. Тем не менее он со знанием дела зарезал свинью и разделил се точно на две половины, от хрящика между ноздрями до копчика хвоста. А еще Ахмат попросил кусок свинины и, разумеется, получил его. И мы долго ели мясо во всех видах — свиные отбивные, свинину на ребрышках, жаркое, студень и т. п. — и раздавали направо и налево».

Захват власти в 1918 году — «крайне неприятное происшествие»

После отречения царя от престола социал-революционер и адвокат Керенский назначил Временное правительство, которое было настроено против большевиков, но его сверг Ленин в результате государственного переворота 7 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным не был признай на международной арене в качестве законной российской власти, тем не менее шведское консульство осталось в Петрограде, чтобы блюсти интересы своей страны и своих подданных. В ноябре большевики назначили представителем Советов в Швеции В. Воровского, но шведские власти ограничили его полномочия, позволив лишь выдавать паспорта российским гражданам и посылать в Петроград депеши и курьеров.

Ленин считал необходимым немедленно национализировать нефтяную промышленность: «Попятно, что бюрократический контроль тут ничего не даст и ничего не изменит. [...] Чтобы сделать что-нибудь серьезное, надо от бюрократии перейти, и действительно революционно перейти, к демократии, т. е. объявить войну нефтяным королям и акционерам, декретировать конфискацию их имущества и наказание тюрьмой за оттяжку национализации нефтяного дела, за сокрытие доходов или отчетов, за саботирование производства, за непринятие мер к повышению производства. Надо обратиться к инициативе рабочих и служащих, [...] *них* руки передать

такую-то долю прибыли при условии создания всестороннего контроля и увеличения производства»[27]

В том же декабре две тысячи нобелевских рабочих потребовали национализации промысла. В июне 1918 г., согласно декрету Советской власти, все промышленные предприятия, находившиеся в частных руках, были национализированы.

Новый ленинский порядок:
«труп правит собственным катафалком»

Летом 1918 г. Эмануэль Нобель едет на северокавказский курорт Ессентуки. Всё, что было подвластно семейству в России, конфисковано новым режимом. Едва ли Эмануэль верит в долгое правление большевиков. На курорте он встречает предпринимателей и аристократов. Обстановка в городе довольно спокойная, но не хватает наличных. Эмануэль помогает местному банку наладить печать банкнот, которые затем обменивают на ювелирные изделия и ценные бумаги. Совсем близко, в Кисловодске, находится семья Йосты. Его супруга, Гения Нобель, потрясена налетом бандитов: они обыскали дом и забрали все, что попалось им под руку. Детей она спрятала на балконе. Зашитое в корсет жемчужное ожерелье грабители не нашли.

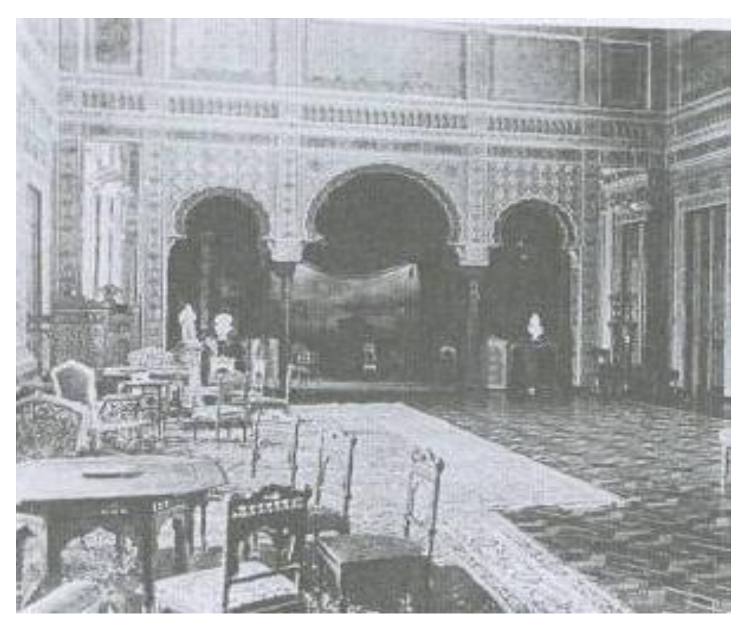
Нобели хотят уехать из России. С шведской няней Карин Спонгберг их семеро, и всем им достает фальшивые паспорта и крестьянское платье курьер товарищества, Миша Евланов. Эмануэль - российский гражданин, ему тем более надо бежать. В повозке они добираются до Ставрополя - и покидают его, как только город занимают большевики. Па дорогу домой уходит почти два месяца; едой и кровом их обеспечивают нобелевские агенты — там, где есть сбытовые конторы. Вильгельм Хагелин заранее выехал в Берлин, чтобы оттуда помочь переправке Побелей в Швецию. Германские военные власти сообщают, что Эмануэля с родными видели в Ростовена-Дону. Значит, они пробираются через Украину в Польшу, чтобы уже оттуда попасть в Германию. 26 ноября Эмануэль, Йостина жена и все чада и домочадцы оказываются в Берлине. Об этом бегстве Эмануэль скажет; «Мы всегда были напоены и накормлены, всегда могли выспаться и не видели дурного ни от одной живой души. Все было хорошо, я очень доволен».

[27] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Изд. 5 М., 1962. Т. .34. С. 169-170.

Нефтяной магнат Тагиев и другие богачи

Гаджи Зейналабдин Тагиев

Роберт Нобель угадал, что с окончанием нефтяной монополии Мирзоева в Баку «закипит жизнь». Крестьянин или обедневший дворянин брался за лопату... и мог в одночасье разбогатеть. В 1884 г, английский журналист Чарльз Марвин с восхищением смотрел на Баку — город, опьяненный нефтью и богатством. Роберт и Людвиг Нобели, армянин Арафелов (Арафелян), а также восемь мусульман были людьми богатыми — и достойными. Остальные же словно попали туда из сказок «Тысячи и одной ночи»: они проматывали свои состояния на женщин, лошадей, азартные игры, роскошества и излишества, возводили для себя и родных изумительные дворцы. Один нувориш даже вроде хотел построить дом из чистого золота, только его отговорили. Дворцы сооружались па европейский манер, хотя нередко в архитектуре присутствовало и влияние Востока, в частности Персии. Социальная ответственность не шла дальше благотворительности (и это в лучшем случае).

Нефтяной магнат Тагиев построил в Баку дворец и жил там со всей семьей, купаясь в роскоши

Впрочем, среди ловцов удачи были и исключения, например неграмотный татарин Гаджи Зейнелабдин Тагиев (1823 1924), который и подписываться-то научился с помощью нобелевского сотрудника. Упорным трудом Тагиев выбился в строительные мастера. На первом аукционе он с двумя армянами купил участок в Биби-Эйбате. Когда нефти там не обнаружилось, его компаньоны вышли из дела. Тагиев продолжал бурить один, и вдруг у него забил фонтан, давший 12 700 тонн сырой нефти. Тагиев построил на берегу док и собственный перегонный завод, заказал наливные баржи и буксиры для перевозки нефти по Волге.

Он сам продавал свою продукцию через конторы в Царицыне и Москве и в конечном счете разбогател. Поскольку такой успех сопутствовал мало кому из мусульман, он приобрел уважение соплеменников. Питьевая вода с лежащих к северу гор до сих пор поступает в Баку но керамическим трубам, проложенным Тагиевым. Он построил первый в городе театр, учредил газету, заботился об образовании детей и подростков в частности, организовал школу для девочек, многие выпускницы которой впоследствии стали сельскими учительницами.

Продав свою нефтяную фирму англичанам (за 5 млн. рублей золотом)) Тагиев вложил деньги в строительство в Баку текстильной фабрики. Оборудование он выписал из Англии, английские же мастера обучали татар прядильному и ткацкому ремеслу. Шерсть и хлопок поступали из деревни. Цена на ткани была такая низкая, что они были по карману даже беднякам. Тагиева пытались преследовать большевики, но другие татары за пего заступились, и он даже не уехал в революцию. Он дожил до ста лет и умер у себя на даче в окрестностях Баку. Незадолго до смерти он сказал:

- У меня прекрасная память, и я помню все более или менее крупные сделки, а вот одной не припомню. Когда же я продал текстильную фабрику Ленину?

В мае 1920 г. Баку заняла Красная Армия, покончив с нефтяными магнатами, их предприятиями и их роскошной жизнью. Фабрику Тагиева переименовали в мануфактуру имени Ленина. Дворец конфисковали и переделали под многоквартирный дом. Из членов семьи, что не сбежали за границу, одни покончили с собой или были убиты, защищая свой дом, других пустили из милости жить в подвале дворца или в какой-нибудь каморке. Несколько десятилетий они хранили свои воспоминания и свои фотографии, показывая их лишь детям и внукам и втайне гордясь вместе с ними знаменитым родичем.

Братья Йоста и Эмиль Нобели пытались сохранить петроградский дом и спасти все, что было можно. Йоста ездил в Москву на заседание Центральной комиссии по разработке нефтяных месторождений. Учрежденная новой властью комиссия предполагала выработать конституцию для нефтяной промышленности. Все предприятия станут государственными, а прежние владельцы будут управлять ими в качестве «технических советников»; вся продукция пойдет государству. Перед заседанием один из участников в разговоре с Йостой назвал это фарсом: «Нас уговаривают самим организовать себе похороны по четвертому разряду похороны, на которых труп будет править собственным катафалком». Все нефтепромышленники отвергли предложения большевиков.

Эмиль возглавлял механический завод и фирму «Альфа-Нобель», которая занималась продажей и ремонтом сепараторов компании «Альфа-Лаваль». 30 ноября 1918 г. обоих братьев арестовали дома за завтраком. Тайная полиция, ЧК, обвинила их в том, что это они надоумили англичан задержать в Баку служащего товарищества, еврея по фамилии Мандельштам. Братьев привели в кабинет Варвары Яковлевой-Штернберг (эта женщина пользовалась репутацией садистки). Она предъявила Йосте и Эмилю обвинение в аресте Мандельштама и сказала: обоих ждет то же, что и его, — свобода или смерть.

Их посадили в камеру № 97, с сорока койками на сто заключенных. Кормили из рук вон плохо. Секретарь Лундберг из дипломатической миссии разыскал Яковлеву и объяснил ей, что, если братьев Нобель не выпустят, шведские власти арестуют советского представителя Воровского, так как его подозревают в революционной пропаганде на Западе. Очевидно, секретарь поступил правильно: Яковлева ему поверила. Дипломаты поручились, что братья не сбегут, и Яковлева выпустила их, обязав лишь докладывать о своем местопребывании. Тем временем барон Коскулль и другие сотрудники миссии вынашивали планы тайного бегства. Эмиля и Йосту заверили, что следом можно будет скрыться и им.

Эдла Нобель

И вот братья едут в темном купе поезда, битком набитого красногвардейцами, и спрыгивают на станции, где их ждут сани. Километров эдак через двадцать они доезжают до крестьянской избы, почуют там. Наутро Йоста Нобель понимает, что значит пересечь канаву, символизирующую границу между Россией и Финляндией. «Впервые в жизни я осознал истинную сущность границы. По одну ее сторону меня, скорее всего, ждала смерть, но другую была верная свобода». На опушке леса братьев внезапно окликают два финских пограничника, ведут в разваленную сторожку. Там Нобелям дают санную упряжку, и они добираются до дачного места Териоки[28], а чуть позже - до Выборга, где встречают других беженцев из России, в том числе Грубе. 22 декабря 1918 г. они прибывают в Стокгольм. К Рождеству семья оказывается в полном сборе и празднует его с Эдлой Нобель, которая и в свои 70 лет остается центром притяжения для всей родни.

Увидеть снова Баку не суждено

В конце 1917 г. Вильгельм Хагелин целый месяц пробыл в Баку. Там царило спокойствие. Рабочие Советы проявляли сговорчивость, их можно было в чем-то убедить, так что Вильгельм часто ходил к ним на заседания. В

---

[28] С 1948 г. - город Зеленогорск Ленинградской области.

Астрахани положение было хуже. Хагелину предъявили список требований из тридцати с чем-то пунктов— не только экономического, но и политического характера. В воспоминаниях «Мой трудовой путь» он пишет: «Список вручали делегаты от рабочих, все из новых, мне не знакомые, под предводительством молодого жестянщика, который всего месяц назад поступил к нам. Ясно было, что он искал не место жестянщика, а возможность для политической пропаганды. Мы встречались раза два, пытались обсудить требования, но ничего не достигли, более того, в процессе обсуждения число претензий росло, а рабочие не желали и слышать о том, что большинство этих вопросов я решать не уполномочен. Они считали, раз я приехал в Астрахань от правления, значит, могу удовлетворить вес их претензии.

Наутро после нашей последней встречи всякая работа в цехах прекратилась и объявили о так называемом "митинге"; его созвали в корпусном цехе, который как раз был пустым, там даже воздвигли импровизированную сцену. За мной тоже прислали гонцов, а когда я отказался пойти, меня нашли двое пожилых рабочих и посоветовали сходить, иначе, сказали они, "вас вес одно приволокут силком".

В "зале" пришлось подняться на подмостки, где мне оставили стул. Присутствовало человек 500 рабочих и матросов, на сцене находилась и кучка вожаков во главе с жестянщиком, которые изображали судей. Завели старую песню про требования, но в более резком, угрожающем тоне: дескать, я не хочу дать рабочим то, что им причитается по праву, но они своего добьются. В публике поднялся гул и какое-то движение: оказывается, ко мне протиснулось довольно много наших старых рабочих. Они боялись применения силы, однако все разрешилось мирно, потому что в самом начале собрания из конторы позвонили в штаб революционеров и рассказали о сборище. Из штаба пришел секретарь и объяснил [...]: дело слишком сложное и его нельзя решить на "митинге". Тогда избрали комиссию, чтобы досконально изучить все вопросы. Назавтра должны были встретиться по пять представителей с каждой стороны. И председатель нашей комиссии, проявив смекалку и благоразумие, повел переговоры наилучшим образом. Он прочитал список требований и заявил, что их следует разбить на три категории: 1) тс, решение по которым могу принять я, 2) те, которые следует оставить на усмотрение правления, и 3) те, которые могут удовлетворить только революционные власти.

Пять дней кряду мы утром рассматривали вопросы, подлежащие решению на месте, а после обеда писали протокол, на шестой день председатель комиссии зачитал этот протокол на очередном "митинге". Думаю, ему потребовалось часа два, чтобы донести до слушателей навит обоснованные решения, причем так, что все остались удовлетворены. Я

спросил ребят, довольны ли они. Ответом было единодушное "да". Будут ли теперь нормально работать? В ответ раздалось столь же единодушное, громогласное "да".

Я поблагодарил их за обещание и объяснил, что теперь должен вернуться в Петроград, на что мне в пятьсот глоток прокричали "счастливого пути!", а многие еще и "ура!". В Петрограде меня встретил на вокзале Эмануэль. Он посоветовал немедленно ехать в Швецию и как следует отдохнуть».

В начале июля 1918 г. Хагелин опять в Петрограде. Он приезжает дипкурьером, и его паспорт проверяет бывший лакей Эмануэля Нобеля. «Вот это был сюрприз так сюрприз! Разумеется, мы не подали виду, что знакомы, по знакомство это оказалось мне выгодно, поскольку меня пропустили без очереди и обслужили весьма проворно». А в конторе Вильгельму доложили о конфискации его автомобиля.

Все начальники теперь состояли под надзором рабочих комитетов. За полтора месяца, что Вильгельм провел в Петрограде, руководители нефтепромышленных предприятий устроили несколько заседаний, пытаясь наладить продуктивную работу. Весьма активно вели себя на этих заседаниях Йоста Нобель и Михаил Белямин-младший.

«Во время одного заседания я получил странное предложение. Высокий чиновник, ранее сам трудившийся в нефтяной отрасли, попросил меня о разговоре с глазу на глаз. Я проследовал за ним в соседнюю комнату, и он осведомился, не возьмусь ли я за техническое руководство всей бакинской нефтепромышленностью. Я ответил вопросом: как же я смогу руководить, если меня не будут слушаться, если комитеты станут давать мне указания? Нет, на руководящие должности властям нужны были другие люди».

В конце августа Вильгельм Хагелин вернулся в Стокгольм. В сентябре 1918 г. он пытается съездить в Баку. Весной 1920 г. предпринимает еще одну попытку. К этому времени запасы сырья там исчерпаны и из Стокгольма тратятся миллионы крон на его закупку. Преодолев множество препон, Вильгельм добирается до Константинополя, где узнает от полномочного министра[29] Густава Валленберга, что большевики накануне вошли в Баку и без сопротивления берут власть. Тем не менее Вильгельм плывет в Битум: директору одного из тамошних дочерних предприятий было поручено охранять и переправлять далее запасы нефтепродуктов. На верную смерть в Баку Хагелин не едет. Доложив в Берлине обстановку Эмануэлю, Вильгельм 3 июля 1920 г. снова в Стокгольме.

---

[29] Высшее звание посла. Валленберг был в это время шведским послом в Турции.

Помогает ли шведский флаг?

Развал России позволяет немцам прибрать к рукам богатые месторождения нефти на Кавказе. В соответствии с договором, заключенным в марте 1918 г. в Брест-Литовске, военные действия между Германией и революционной Россией прекращены, но союзники немцев и австрийцев - турки — уже выступили в поход на Баку. Германия обещает защитить промыслы от захвата Турцией и уничтожения, однако хочет иметь за это нефть. Ленин соглашается на такое условие. В ту весну бакинские органы самоуправления несколько месяцев контролировала группа большевиков и революционеров леворадикального толка. Иосиф Сталин шлет в Баку телеграфное распоряжение отпустить немцам столько нефти, сколько тс требуют, но местные лидеры придерживаются иного взгляда. Чтобы они дали немецким грабителям хоть каплю нефти? Ни за что на свете! Более того, социалистически настроенный муниципалитет добивается того, что в мае 1918 г. Азербайджан, Армения и Грузия провозглашают себя независимыми государствами. Советский режим так и не признал их независимости, а в июне того же года Петроград объявляет о национализации нефтяной промышленности.

Все больше скандинавов, теряя надежду, покидают Баку, но горсточка нобелевских служащих еще держится. Они становятся свидетелями ужасающих сцен, попадают пол обстрел, подвергаются смертельной опасности. Среди них был и Хеннинг Бэрнъельм из Смедьебаккена в Далекарлии. Шестнадцатилетним подростком он поступил конторским служащим в московскую фирму своего деда, а со временем занял должность инженера в «Товариществе бр. Нобель» и пользовался большим уважением бакинских соотечественников. В 1916 г. Хеннинг возглавил нобелевскую машиностроительную фирму, поставлявшую оборудование для нефтяной промышленности (в том числе шведской компании «Атлас копко»). В июне 1917 г. он увозит семью в Швецию, сам же возвращается в Баку (правда, спустя год) и описывает в дневнике все сложности тамошней обстановки.

В четверг, 31 июля 1918 г., Хеннинг идет в порт, где расположена контора Нобелей. «За несколько дней до этого я позаботился о шведском флаге [...], который теперь круглые сутки реет над моей конторой! Кто знает, вдруг это желто-голубое полотнище защитит шведскую собственность от разграбления?» Хеннинг видит толпу людей (в основном армян, но среди них есть и русские), которые устремились в порт, чтобы погрузиться на пароходы и оставить город до захвата его турками. «Среди беженцев находились и большевики во главе с Шаумяном». Их комиссара финансов Киреева арестовали за хищение четырех миллионов рублей (такговорят). Вероятно, боль-

Последнее Рождество Бэрнъельмов в Баку? Летом 1917 г. Хеннинг увозит семью в Швецию, чтобы впоследствии вернуться к месту работы уже одному

шевики поделили добычу между собой. «Впоследствии Киреева отправили в мир иной». Еще раньше сбежал с полутора миллионами рублей заместитель комиссара. Хенниг считает, что господа большевики держат массы в неведении о происходящем в руководстве, дабы легче было удовлетворять собственные интересы. «Теперь они поплатились за свою испорченность и низвергнуты», — сказано в дневнике.

Бакинские армяне и русские давно призывали себе на помощь англичан. В тот же день, направляясь в город с начальником Биби-Эйбатского промысла, Отто Тулином, Хеннинг видит только что прибывшее судно с англичанами. Их встречают с распростертыми объятиями, особенно армяне. Через несколько дней приезжает австро-германская комиссия — эвакуировать оставшихся военнопленных. Членов комиссии берут под арест и держат в доме Тагиева. Тут Хеннинг понимает, что англичане, видимо, бежали от персидского воителя Кучек-хана. Л под Баку, в селении Бинагади, армяне, говорят, убили массу татарских женщин и детей. «Бремя их вины растет, и, если в город войдут турки, месть несчастному народу будет страшной».

17 августа насущным становится вопрос о продовольствии: турки отрезали Баку от окрестных сел. «Последние два дня в городе торопливо

снимают всё похожее па вывески. Чтобы обеспечить приток денег, власти решили воплотить в жизнь блестящую идею - обложить вывески ежегодным налогом в 100 рублей за квадратный аршин. Теперь у рабочих появился новый источник дохода — снимать вывески! Придется и мне убрать из окна вывеску с шарикоподшипником, потому что платить по 100 рублей я не намерен. (...) Ходил на бульвар. Там опять горят фонари и толпы народа. Посидел на лавочке и поболтал с Отто».

22 августа Хеннинг наблюдает в окно бесплатное представление. Из Персии и Астрахани прибыли суда с товарами. На набережную стекается народ, начинается бойкая торговля. Шум и гам стоит оглушительный. «Забавно было посмотреть на драку, вспыхнувшую среди женщин». Цены на муку астрономические.

Хеннинг со дня на день ждет развязки ситуации, причем подозревает, что разрешат се турки. «...Тогда я, право, не завидую армянам! Скорее всего, татары устроят резню в отместку за мартовские события и прочее вероломство». Сам он относится к армянам неприязненно: «Увы, я им не очень-то сочувствую». Далее Хеннинг рассуждает о том, что ему делать, если у него станут искать убежища соседи-армяне: «Разумеется, я обязан предоставить им всяческую защиту. Но как далеко я должен заходить в исполнении человеческого долга? Рисковать ли собственной жизнью, давая честное слово, что в доме никого нет?!» Он так и не решает этого вопроса.

3 сентября турки уже в Балаханах. «Сегодня утром подбито два аэроплана, пассажиры выпали из кабин и, естественно, разбились. [...] Похоже, англичане взяли на себя командование всеми войсками, они руководят обороной и расстреляли порядочно дезертиров! Ну и поделом им!»

В записи от 5 сентября - размышления о том, как будет народ выживать, если случится настоящий голод.

8 сентября Хеннинг едет с Отто Тулином в Биби-Эйбат и моется там в бане. «Какое же это удовольствие - наконец-то как следует помыться! Отто угостил меня блинчиками, настоящими шведскими блинчиками с вареньем. Вот была вкуснятина!» Пушек на таком расстоянии от Баку не слышно.

15 сентября начинается давно ожидавшееся сражение. Хеннинг Бэрнъельм подробно описывает, как раненых англичан перевозят к таможенной пристани, как армяне в очередной раз собираются в порту, рассчитывая спастись бегством. В переговорах о мире участвует шведский консул Кнут Мальм. Хеннинг с секретаршей и военнопленным Вилли прячутся от обстрела в подвал. Бегущие армяне бросили на пристани узлы с вещами, и татары в мгновение ока расхватывают одеяла и подушки, самовары, ковры, швейные машинки и все прочес. Хеннинг помогает английскому солдату, который отстал от своих.

Понедельник 16 сентября: «На моих глазах турецкие солдаты много раз уводили за кладбища и дальше в горы мужчин, женщин и детей самого разного возраста. Их участь, вероятно, была предрешена».

19 сентября Хеннинга знакомят с новым кабинетом министров республики Азербайджан. «Это произошло у Делина, который вызвал меня, чтобы обсудить меры по защите шведов. В городе порежнему резали армян. Татары метали за март, когда армяне присоединились к большевикам в кровавой расправе над татарами; погибли тысячи людей, и большевики одержали победу». Хеннингу то и дело звонят по телефону с просьбами о защите. «Совершенно очевидно, что народу дали отвести душу и отомстить за мартовские события».

Все армянские магазины разграблены, город выглядит ужасно. Лишилось жизни около двух тысяч армян. Заодно банды громил разнесли магазины у евреев, русских и иностранцев. Наконец власти прекращают бесчинства. В разных местах Баку устанавливают виселицы, бандитов вешают, иногда расстреливают. «Сегодня я сам видел троих мерзавцев, качающихся на виселице». Хениинг отмечает, что «на промыслах все осталось в сохранности, по крайней мере у Нобелей. Работа теперь пошла по-другому, и с мастерами разговаривают другим тоном. Думаю, обеим сторонам приятно не зависеть более от комитетов и комиссаров, которые совали свой нос в каждую пустяковину».

15 сентября 1918 г., когда Баку захватили турки, арестованных большевиков успели вывезти в закаспийский Красноводск, где ими занялись местные власти. 20 сентября 26 бакинских комиссаров были расстреляны, по-видимому, с молчаливого согласия англичан. Один из деятелей бакинской коммуны, Анастас Микоян, сумел избежать казни и потом рассказал о случившемся Ленину.

20 сентября Хеннинг задается вопросом о том, «что теперь будет с нефтяной промышленностью — не иначе как ее опять денационализируют. От этого зависит вся деловая жизнь Баку. Государственный банк с деньгами и ценными бумагами эвакуирован на пароход, который, как прочие пароходы и военные суда, стоит па рейде за Наргеном [островок недалеко от Баку. - *Б. О.]*. Жизнь в городе постепенно входит в привычную колею, но находиться на улице после семи вечера запрещено».

Турки оставили Баку в начале ноября 1918 г. И тут же вернулись англичане, хотя 11 ноября окончилась мировая война и Азербайджан с мая считается независимым государством. В конце августа 1919 г. англичане ушли. В январе 1920 г. между Арменией и Азербайджаном разгорается война из-за Нагорного Карабаха. 28 апреля того же года Красная Армия взяла Баку.

В сентябре Хеннинг Бэрньельм выехал на родину, но, не добравшись туда, умер в Берлине от тифа.

«Ага, англичанин... сейчас мы его прикончим!»

При первой национализации «Товарищества бр. Нобель» сто главным управляющим в Баку был Артур Лесснер. Всех начальников оставили, но под надзором рабочих комитетов. По свидетельству Вильгельма Хагелина, Лесснер стал единственным из руководителей товарищества, кого преследовали большевики. Ему пришлось съехать с квартиры и отказаться от служебного автомобиля. Вместе с еще несколькими начальниками Лесснера бросили за решетку: они не согласились платить дань, которую вымогали рабочие. Позднее Лесснера объявили контрреволюционером и, согласно армянским источникам, тайно приговорили к смерти; впрочем, этот приговор был заменен высылкой из Баку. Несколько томительных недель Лесснер прождал в Петрограде, а после ухода большевиков, в августе 1918 г., он с последним пароходом снова едет туда. В мемуарах Хагелина есть рассказ Лесснера о том, что начинает твориться в Баку в середине сентября, с приходом турок:

Артур Лесснер

«Нобели потеряли мало людей и мало имущества. Объяснялось это тем, что у нас служило немного армян, а еще мы всегда поддерживали добрые отношения с мусульманским населением — и с верхами, и с низами. Все же совсем без жертв не обошлось. Вместе с другими армянами убили нашего замечательного, преданного, проработавшего много лет телефониста Минаса. Потом на заводе взорвалась бомба. Я кинулся туда и увидел, как из здания теплоэлектростанции выносят тяжело раненного пожилого механика. Одновременно сообщили о гибели госпожи Власенко — в се квартиру тоже бросили бомбу».

В конторе Лесснеру докладывают по телефону: «Мелик-Нубаров умоляет, ради всего святого, спасите его и манташевского управляющего!» Эти двое скрываются у бельгийского консула Айвазова (армянина). Кругом грабежи и убийства, если не прийти людям на помощь, они погибнут.

Лесснеру не остается ничего иного, как ехать в город, на Старополицейскую улицу. Баку еще никогда не производи.! на него столь грустного впечатления: в этот погожий сентябрьский день ему не встретилось ни одного человека. Лесснер уже почти добрался до дома Айвазова, но тут из-за угла выскакивает орава татар с криками: «Ага, англичанин... сейчас мы его прикончим!» - «Я вступаю в переговоры, представляюсь, обьясняю, что мне нужно по срочному делу к бельгийскому консулу. На мое счастье, в толпе нашелся татарин, узнавший нобелевского начальника - и принявший мою сторону. Тут по лестнице спустился сам консул, в парадной форме. Татары решили не убивать нас на месте, а доставить в штаб турецкого главнокомандующего. Нас препроводили туда с вооруженной охраной, ввели в просторный зал, где было полно парода. В штабе веди переговоры с представителями города (среди коих был и наш Тагианосов) о передаче власти им. туркам. Начальник штаба принял и нас с Айвазовым за представителей юрода, нам предложили сесть и участвовать в переговорах. Я потом без прикрас описал этому начальнику, что видел кругом - толпы обезумевших татар, грабяших и убивающих направо и налево, -и просил защитить мирных граждан. Он обещал, но ничего не сделал.

Затем мы вернулись на квартиру к Айвазову, уже вместе с Тагианосовым и датским консулом Биерингом. По дороге мы видели, как в город входят турецкие войска. У Айвазова оказался убит слуга. Те двое, которых мы должны были спасти, хорошо спрятались. Оттуда мы пошли к Биерингу, где собралось множество армян во главе со священниками».

Выстрелов на улице стало больше, и Лесснер остался ночевать у Биеринга. Там его застал телефонный звонок из поселка Петролеа — от Тагианосова, умолявшего помочь армянским семьям, которые искали там защиты. Увы, жаждущие крови татары добрались и туда, троих армян убили на месте. «Прибыв наутро к "Вилле", я увидел па площади массу конных татар, всех тамошних жителей и армян. Армянки кинулись ко мне. заклиная спасти их мужей, которых собираются увести па расстрел. Мы идем в татарское село, там армян запирают во дворе, татары остаются со мной снаружи. Я снова уговариваю их, пытаясь объяснить, как несправедливо п неразумно убивать невинных людей. Я так долго стою на своем, что татары смягчаются. Армян обещают освободить, но не раньше, чем я заплачу за них несколько сотен тысяч. На чужом коне я поскакал к шведскому консулу Кнуту Мальму, он ведал всеми нашими деньгами. Мальм одолжил мне

необходимую сумму, и татарское требование было удовлетворено. Вместе с отпущенными на свободу армянами мы вернулись в поселок Петролеа. Благодарность их семей не знала границ. Заемные деньги были со временем возвращены.

Террор продолжался, работать было невозможно. Я обратился к турецкому главнокомандующему с просьбой оградить от посягательств заводы и промыслы. Я также встретился с несколькими немецкими офицерами, служившими в армии Турции, и в открытую объяснил им, что защита Баку и нефтяной промышленности отвечает их интересам. Взяв с собой умного и энергичного турецкого офицера, я посвятил целый день объезду заводов и их окрестностей. Ужасов мы насмотрелись вдосталь: кругом валялись трупы, видны были следы разбоя. Мой офицер не церемонился если нам попадался подозрительный человек, он избивал его, а потом приказывал солдату из нашего сопровождения отвести его па висе, ищу.

Вильгельм Хагелин

Недалеко от вокзала, где зверствовали особенно сильно, навстречу нам ехала целая вереница автомобилей. Это в столицу прибыло новое азербайджанское правительство. Заметив среди пассажиров нашего сотрудника и друга Джеваншира, я остановил кортеж и, крайне возмущенный, выложил этим господам все, что я думаю о происходящем. Мне обещали вмешаться, и уже к вечеру фабрично-заводской район был взят под охрану турецкими войсками.

Когда турки показали, что не любят шутить, воцарилось спокойствие. Теперь можно было даже после наступления темноты идти куда угодно, не опасаясь нападения. За два месяца мира жизнь стала налаживаться. Но вот союзники одержали победу, туркам привьюсь уйти из Баку, и 17 ноября город снова заняли английские войска, простоявшие там до августа 1919 г. Не могу сказать, чтобы "английский" период пошел на пользу Баку или нефтяной промышленности. В это время азербайджанские власти стали прибирать к рукам все, что можно... и кое-что из того, что нельзя. Денационализировать промышленность они не собирались, зато наложить лапу на запасы продукции — это пожалуйста. Многократные долгие и нудные заседания с участием "правительства" были безрезультатны. Отношения с рабочими портились — прежде всего благодаря странной

тактике англичан, всегда выступавших против работодателей. Они что, хотели так привлечь рабочих на свою сторону?

Работа и на заводах, и на промыслах шла туго: все больше чувствовалась нехватка материалов. А потом возникла проблема с хранилищами. С августа 1918 г. всякая перевозка по Каспийскому морю приостановилась. Что было делать с сырой нефтью, с не находившим спроса мазутом? Так прошел 1919 г. и начало 1920-го. С севера Баку был полностью отрезай от внешнего мира, связь с ним осуществлялась только через Батум. В конце апреля 1920 г. к городу подошли большевики. Азербайджанское правительство считало, что обороняться бесполезно. Начались мирные переговоры, и 28 апреля 1920 т. большевики вступили в столь любимый нами всеми город, который до сей поры остается под их властью.

Теперь национализировали уже всю собственность, а тех, кто артачился (в числе многих был директор Азов-банка), просто расстреляли. Вес либо боялись большевиков, либо и впрямь ничего не могли с ними поделать. Они же всячески старались отравить жизнь "буржуям". Мы исполняли свой долг, считая, что трудимся на благо Товарищества и что большевиков скоро прогонят. Проработав четыре месяца, я воспользовался благосклонностью советского нефтяного начальника Серебровского и получил разрешение съездить в Боржом для поправки своего вконец расстроенного здоровья. А Боржом находится в Грузии, и, поскольку эта республика еще не была присоединена к Советской России, я смог через Тифлис, Батум и Константинополь попасть на германский курорт Бад-Киссинген. Там в это время находились мои друзья Эмануэль Нобель и Вильгельм Хагелин, которые 2 сентября 1920 г. и встретили меня на вокзале».

Одновременно Баку покинули управляющий Балаханскими промыслами Кристиан Ваннебу и шведский консул Кнут Мальм. А Ханс Ольсен преспокойно сидел у себя в Христиании за письменным столом, занимаясь годовым отчетом. В дебет он внес российские активы на сумму в 800 тыс. крон — в основном акции «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель».

ГЛАВА 13

Революция — временное явление?

НА РОЖДЕСТВО 1918 г. все Нобели собрались в Стокгольме. После революции Эмануэль, Эмиль и Йоста вместе с Вильгельмом Хагелином и его секретарем Рагнаром Вернером пытались из небольшой парижской конторы спасти или ликвидировать активы в России, а также помочь выехать оттуда своим сотрудникам. Снова предпринимаются деловые поездки из Парижа в Лондон и из Лондона в Париж. В феврале 1919 г. Йоста едет в Англию, чтобы обсудить с правительством работу САИК, которая занимается сбытом смазочных масел. Возобновлены контакты и с Генри Детердингом.

Рольф, Эмануэль, Эмиль, Людвиг (Луллу) и Йоста Нобели весной 1919 г. в Стокгольме

«Ройял датч» уже присоединила к себе ротшильдовские предприятия в России, гак что теперь, когда Нобели предложили Детердингу целое товарищество, он увидел для себя возможность стать нефтяным гигантом свободной России и заправлять там всей отраслью. Детердинг считал, что большевики продержатся у власти не более полугода, и приглашал в пайщики разные компании, в том числе англо-персидские, с которыми можно будет взять в свои руки «Товарищество бр. Нобель». Но Детердинг хотел

заручиться поддержкой английского правительства, а оно ему отказало, так что переговоры с Нобелями были прерваны.

У Нобелей, однако, имелся в запасе другой вариант и другой партнер, с куда более значительными ресурсами, — компания «Стандард ойл оф Нью-Джерси». Попытки объединения со «Стандард ойл» предпринимались еще с 80-х годов XIX века, теперь же час настал. Американцев крайне соблазняла перспектива продавать российскую нефть в Средиземноморье, поэтому они готовы были рискнуть, выкупив у Нобелей фирму, которая, возможно, им уже не принадлежала. В январе 1919 г. «Стандард ойл оф Нью-Джерси» заплатила правительству независимого Азербайджана 330 тыс, долларов за право разрабатывать 11 нефтеносных участков. Теперь она с Нобелями получала доступ к 60% российского рынка, а также контроль над третью добываемой там сырой нефти и 40% нефтепродуктов. За половину акций товарищества была назначена цена в 11,5 миллиона долларов. Заключению сделки мешало несколько обстоятельств: во-первых, из 140 тысяч обыкновенных акций 26 тысяч остались вне пределов досягаемости в Петрограде, во-вторых, нефтяная промышленность совершенно точно была национализирована и, в-третьих, Эмануэль, по обыкновению, никак не мог решиться.

Впрочем, сначала представители «Стандард ойл оф Нью-Джерси» хотели проинспектировать предприятия в пока еще свободном Баку. Отчет об этой инспекции был настолько положительным, что в марте 1920 г. начались парижские переговоры, а 12 апреля был подписан предварительный контракт. Спустя две недели в Баку прибыла по железной дороге Красная Армия под предводительством Тухачевского, комиссаром у которого был Сергей Киров (с ними приехал и Анастас Микоян). Участников переговоров это несколько смутило, однако обе стороны были крайне заинтересованы в сделке. После серии встреч в США все формальности были завершены, и произошло это 30 июля 1920 г. Ханс Ольсен не мог сопровождать Йосту Нобеля и Рагнара Вернера в Нью-Йорк, но «Стандард ойл» потребовала, чтобы его подпись тоже фигурировала на договоре! Йоста провернул блестящую операцию, обеспечив Нобелям «американского наследника» в виде юридического лица — с большой выгодой для семьи. Впоследствии, когда американские власти завели речь об имуществе, конфискованном Советской властью, десятая его доля пришлась на «Товарищество бр. Нобель» с новым пайщиком, «Стандард ойл оф Ныо-Джерси».

Любая квартира и жалованье золотом — от таких предложений не отказываются...

С самого 1917 г. обстановка в конторе и домах на Биби-Эйбатском месторождении не располагала к оптимизму, а там, между прочим, еще оставалось трое шведов: Эрик Делин, управляющий, Отто Тулин, заведующий производством, и Аксель Блумгрен, который отвечал за электроснабжение. Продуктов питания вечно не хватало, одежда поизносилась. Власти конфисковали оружие, серебро, разное прочее имущество. Отто Тулин умер, заразившись оспой, Акселя Блумгрена донимала испанка. Над трубой реял шведский флаг.

Через месяц после вступления в Баку Красной Армии, случившегося 28 апреля 1920 г., были национализированы уже не только промыслы, но и банки, магазины, особняки. Роскошное, похожее на дворец, здание на бульваре перешло к комитету по нефтяной промышленности, Нефтекому (возглавлявший его инженер Серебровский раньше руководил золотыми приисками в Сибири, на Лене)[30]. Теперь все компании слились воедино под началом Серебровского, и электрификация промыслов шла без больших помех. Аксель Блумгрен по-прежнему получал жалованье — примерно столько же, сколько его кучер. Вызывала тревогу нехватка продуктов, а еще у Акселя конфисковали дрожки, на которых он инспектировал дальние промыслы. В беседе с шведским консулом Кнутом Мальмом Аксель предложил ему план эвакуации немногих оставшихся в Баку шведов: добраться до любого черноморского порта, а оттуда их заберет какое-нибудь шведское судно. Сам Мальм уже обращался за разрешением на выезд, но ему было отказано. Русские власти объяснили, что как Швеция не признает Советов, так и Советы не признают ни Швеции, ни ее консулов. Мальм — обычный гражданин, и его дело исполнять свои обязанности. Вот и весь ответ.

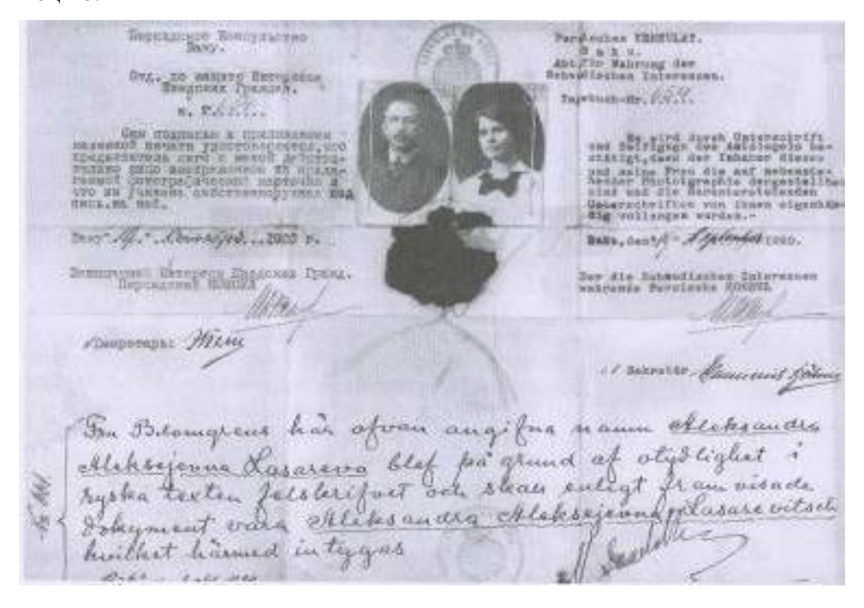
«Значит, мы в плену?»

«Да, — отвечал Мальм. — Спасайся, кто может».

Москва, по-видимому, придавала нефтяной промышленности большое значение. Согласно приказу Троцкого, тот, кто не вносил свою лепту в производство или пытался его саботировать, подлежал аресту и расстрелу. Новая власть нуждалась в каждом человеке, мало-мальски смыслящем в нефти, тем более в занимавших руководящие должности иностранцах. Нот почему инженер Серебровский предложил Акселю Блумгрену место в

[30] По российским данным, А.П. Серебровский стал начальником Главзолота лишь в 1926 г.

правлении Нефтекома. Пускай Аксель выбирает любую квартиру в городе, Серебровский се для него освободит, а причитающееся жалованье будет платить золотом. Акселю удалось отвертеться от предложения под предлогом, что он тяжело болен и ему просто не хватит сил справиться с напряженной работой. Между тем он принялся тайно готовить бегство в Швецию.

Персидское Консульство
Баку.

Persisches KONSULAT.
Baku.
Abt. für Wahrung der
Schwedischen Interessen.

Sekretär

Fru Blomgrens här ofvan angifna namn Aleksandra Aleksejevna Lasareva blef på grund af otydlighet i ryska texten felskrifvet och skall enligt framvisade dokument vara Aleksandra Aleksejevna Lasarevitsch hvilket härmed intygas

Так выглядел довольно потрепанный документ, служивший Акселю паспортом...

Одна из трудностей состояла в том, как вывезти из страны русскую мать Александры, тещу Акселя. Весной 1921 г. Блумгренам помог представлявший Красный Крест импозантный доктор Линдхольм. Он прихватил с собой в Баку еще одного шведа кроткою и деликатного Антона Пильсона, красноармейского военного авиатора, о котором впоследствии выяснилось, что он принадлежал к группе террористов, устроивших взрыв на «Амальтее»[31]. Линдхольм играл в побеге Блумгренов роль организатора, тогда как переговоры с властями вел Нильсон. Овдовевший торговец Видлунд тоже хотел попасть в Швецию, а в его паспорте по-прежнему чис-

[31] История с подрывом судна «Амальтея» в городе Мальме тремя молодыми социалистами произошла еще в 1908 г. Антон Нильсон был приговорен к смертной калии. потом к пожизненному заключению, но в 1917 г. помилован и выпущен из тюрьмы.

лилась скончавшаяся супруга. Не слишком охотно, но он все же соглашается стать «мужем» блумгреновской теши иначе добиться для нес разрешения на выезд было бы невозможно.

Следовало еще обеспечить себе сопровождение до железнодорожного вокзала. Начальником оперативного отдела в авиации тоже был швед, некий «товарищ Гарри» (в прежние времена он гастролировал по России с цирком, выступая как заклинатель змей). Этот Гарри и устроил так, что Блумгренов и Видлунда отвез на вокзал грузовик авиационного отряда. Антон Нильсон и Линдхольм ехали в Москву на конгресс, и в переполненном поезде компания объединилась. Аксель Блумгрен рассказывает: «На пересадке мы очутились в гуще великого переселения народов, эдакого пеструшечьего исхода несчастных, бездомных, ополоумевших от нужды и лишений людей, гонимых по некогда плодородным российским равнинам, которые ныне вспахиваются снарядами и засеваются пулями».

После некоторого ожидания в Москве Блумгрены и «супруги» Видлунд получили разрешение па выезд через Фииляидию. В Петрограде случилась очередная задержка, поэтому пришлось разыскивать шведского представителя Красного Креста (вероятно, Йона Тунельда). Все были изнурены голодом, и кастрюля овсяной каши с кусочком масла стала памятным событием для выбирающихся из России в товарном вагоне греков, французов, англичан и голландцев. Па собранные вскладчину средства пассажиры подкупили машиниста паровоза, и тот доставил их к самой границе. Последовали досмотр и обыск: рылись в мужских подштанниках и пляжных нарядах дам. Из Финляндии Аксель телеграфировал родным в Смедьебаккен: застряли в карантине, однако все живы и здоровы.

«В один прекрасный день меня разыскал элегантный господин, который вручил мне от имени Побелей изрядную сумму денег, выразив надежду, что ее хватит до Стокгольма, где я встречусь с начальством лично. На радостях я устроил для всех беженцев вечеринку с кофе. Каждый выпил столько чашек и съел столько пирожных и булочек, сколько хотел, и это было оценено — не в последнюю очередь кондитером!»

Карантин закончился, по Александра и их маленькая дочь заболели скарлатиной. Видлунд с «супругой» и Аксель с сыном Сашей оставили их в надежных руках в Финляндии, а сами поехали дальше.

«Изумительным погожим утром наш пароход неторопливо скользил по бликующей от солнца водной глади между шхерами, на которых стояли красивые домики с желто-голубыми стягами, отчетливо выделявшимися на фоне ясного неба и буйной зелени. Я вспомнил, как под прикрытием дымовой трубы поднимал над нашим домом такой же шведский флаг, когда по крыше цокали турецкие пули. На глаза у меня навернулись слезы. Заметив это, Саша взял меня за руку и крепко сжал ее.

- Ты плачешь, папа?
— Да, милый, наконец-то я дома».

Эпилог

БОЛЬШЕВИКИ НАЦИОНАЛИЗИРОВАЛИ все предприятия «Товарищества бр. Нобель» промыслы, заводы, дома, верфи, суда и хранилища не только в Петрограде и Баку, но и по всей России. Нобели потеряли и ряд компаний, в которых были пайщиками: «Волжско- Бакинское товарищество», «Товарищество Манташева», «Московско-Кавказское товарищество», «Волжско-Черноморскос общество», «Товарищество братьев Мирзоевых», «Арамазд», «Атхан-Юртовское нефтепромышленное общество», «Нефтеразд», учрежденное в Лондоне «Англо-русское максимовское общество» и «Г. М. Лианозов и сыновья». Кроме того, они единолично владели такими фирмами, как «Восточное общество товарных складов» (ВОТС) с их хранилищами и цистернами, товарищества «Рапид» и «Колхида», компания «И. В. Рагозин» и пароходство обществ РУНО и «Кама» с его 13 буксирами и 50 баржами, были совладельцами «Челекено-Дагестанского общества», не говоря уже о доле в грозненских и чимионских промыслах, в месторождениях САНТО и Эмба—Каспийское. Иными словами, они утратили целую промышленную империю.

«Капиталисты» бежали из страны. Побели целыми и невредимыми вернулись в Швецию. После года в Париже «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» официально обосновалось в Стокгольме. Поскольку в Первую мировую войну Швеция сохраняла нейтралитет, оттуда было удобно вести переговоры со странами, в которых у товарищества оставались имущественные интересы. Была открыта контора в Старом городе, на улице Шепсбрун. Руководили конторой в основном Йоста Нобель с Рагнаром Вернером, время от времени к ним присоединялись в качестве консультантов Артур Лесснер, Вильгельм Хагелин и Эмануэль Нобель. Михаил Белямин-младший с семьей тоже бежал из Баку — через Константинополь в Париж, так что вполне возможно, что он некоторое время работал в парижской конторе Йосты.

Шведское правительство создало «русскую комиссию», и в 1922—1923 гг. она пыталась добиться от Советской власти возмещения убытков за утраченную собственность, которой шведы владели в царской России. Среди выставивших претензии были Эдла, Йоста, Эмиль, Людвиг (с женой Луиз), Мэри и Рольф Нобель, а также Анна Шегрен. Речь шла о компенсации в миллионы рублей — за недвижимость, компании. счета в банках, облигации, акции. Эдла упоминает также ковры и столовое серебро.

Кровавые контракты

«Товарищество бр. Нобель» вошло в число нефтяных компаний, конфискованных советским государством. Однако несколько лет после 1918 т. политическая обстановка оставалась отнюдь не стабильной. Между великими западными державами и новой российской властью активно шли переговоры о значительных иностранных средствах, вложенных в русские предприятия. Многие западные страны продолжали числить эти компании юридическими лицами и склоняли большевиков к восстановлению частного предпринимательства.

В 1921 г., когда России грозил полный крах, Ленин предложил новую экономическую политику, известную как нэп. В этот период Советская власть привлекала иностранные предприятия нефтяными концессиями, сталкивая между собой компании и их интересы. Перед фирмами, видевшими для себя возможность хорошо заработать в России, вставали серьезные моральные проблемы.

Для противостояния соблазнам «Товарищество бр. Нобель», «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и «Ройял датч-Шелл» создали в 1922 г. синдикат под французским названием «Front uni» («Единый фронт»). У всех трех компаний были в социалистической России крупные капиталы. К борьбе с Москвой присоединились и другие фирмы. Для расширения добычи и переработки нефти Советам необходимо было ввозить с Запада современное оборудование. Идея «Фронта» предполагала, что ни одна из компаний не должна вступать в сепаратные закулисные переговоры с русскими, нужно всем вместе не поддаваться ни на какие предложения российской стороны. Ряд фирм все же наладил связи с Москвой, тогда как у других рука не поднималась иметь дело с «этими московскими разбойниками». В письме Рокфеллеру-младшему Детердинг замечает: «Если вы перестанете торговать с Москвой, советский режим убийц скоро падет».

На протяжении ближайших лет нефтяные компании поедом ели друг друга: тот, кто по дешевке покупал запятнанный кровью российский товар, считался предателем по отношению к тем, кто воздерживался. Со временем, когда «Стандард ойл» и «Шелл» пришли к соглашению о покупке в России нефти, они стали откладывать5% закупочной стоимости на поддержку компаний, потерявших свои российские активы. «Товарищество бр. Нобель» получило из этого фонда 21 тыс. английских фунтов. Через несколько лет «Единый фронт» был забыт и сотрудничество прекратилось. Баку был безвозвратно потерян, надо было жить дальше в условиях все более жесткой конкуренции. Колоссальный нефтяной фонтан в иракском Бабу - Гургуре подсказал путь к новым месторождениям, совсем недалеко от Баку.

В 1921 г. Швеция признала Советский Союз и установила контакт с полпредом и наркомом внешней торговли Леонидом Красиным, он закупил сельскохозяйственные машины, а также телефонное и телеграфное оборудование. В кругах шведских промышленников затеплилась надежда па восстановление российского рынка. Уже к 1928 г. наиболее доходным экспортным товаром стала нефть, причем расширению ее добычи способствовали американские инженеры и поставки оборудования компаний «Дженерал электрик», «Вестингауз» и шведской АСЕА.

Создание новых компаний и разветвление старых

В стокгольмской конторе Нобелей по-прежнему, несмотря ни на что, верили в свое возвращение в Россию. В памятной записке по итогам 1936 г. правление пишет: «Мы убеждены в правильности принципа, которого придерживались многие годы, а именно расчета па продолжение работы национализированных русских предприятий». Пока же правление занималось нобелевскими компаниями в Прибалтике, Польше и Финляндии. В том же 1936 г. оно констатирует, что «решающее значение для успеха имели высокая репутация, которой всегда пользовалось "Товарищество братьев Нобель"». Дело в том, что предприниматели, покинувшие Россию, вовсе не обязательно сохраняли право собственности на капиталы, ранее вложенные оттуда в других государствах. Многим русским компаниям в таком праве было отказано.

Нобелей, однако, признали собственниками предприятий и активов в Европе и Иране, и, дабы иметь возможность распоряжаться этими средствами, они учредили несколько новых фирм, в том числе — в 1922 г. торгово-промышленное товарищество «Иран». В его имущество были включены три судна для речной транспортировки нефти, которые в это время строились в Швеции (суда были проданы компании по цене ниже их себестоимости). В активы товарищества вошли также склады продукции и нефтепроводы в Северной Персии.

Учрежденной Нобелями судовладельческой компании достался дизельный танкер «Зороастр», строившийся, когда разразилась революция, на шведской верфи «Йотаверкен». Танкер несколько лег приносил им хорошую прибыль, но кризис конца 20-х привел к снижению цен за фрахт и убыткам, так что судно продали, а компанию ликвидировали.

Была создана компания в Латвии — чтобы за счет сдачи в аренду латвийских предприятий получать доход, который хотя бы покрывал расходы.

Согласно законодательству Польши, половина акций общества «Сосьете аноним стандар-Нобель аи Полонь» должна была принадлежать государству, и их в 1920 г. купил Польский банк. Нобели владели 25% акций, еще столько же чуть позже приобрела компания «Стандард ойл». Дела у польского общества шли не очень удачно.

Нобелевская компания по импорту нефти в Финляндию в 1920 г. изменила свое название, поскольку ее пайщиком — помимо самих Нобелей и финнов - стала опять-таки «Стандард ойл оф Нью-Джерси». Экономический спад и конкуренция со стороны дешевой советской нефти плохо сказались на положении этого предприятия. Во время Второй мировой войны компания перешла на выработку щепы и древесного угля, призванных заменить для газогенераторов дефицитный бензин.

Ханс Ольсен

Первая мировая война положила конец международному картелю «Эуропсише петролеум унион» с русским, германским и французским капиталами и разветвленной сетью сбыта, в том числе в Англии. Поскольку Германия и Англия находились в состоянии войны, а трест был зарегистрирован в Германии, в Англии его посчитали вражеским. Картель попытался выкупить «Стандард ойл», но его предложение было отклонено. Ханс Ольсен хотел зарегистрировать ЭПУ как английскую компанию, а германские акции использовать для погашения убытков. По тут дорогу ему перебежали англичане, и сеть сбыта в Великобритании захватила в свои руки «Англо-персидская компания» (будущая «Бритиш петролеум»). С большим трудом Нобелям удалось выцарапать из ЭПУ свои акции, составлявшие 20% капитала, и в 1922 г. продать часть в Лондоне (на 494 784 фунта) и часть в Амстердаме (на 68 571 фунт). Официально картель был ликвидирован лишь в 1931 г.

В ассоциацию по сбыту смазочных масел, САИК, входила судовладельческая компания, занимавшаяся нефтеперевозками. В 1928 г. Побели продали принадлежавшую им треть САИК компании «Галф ойл корпорейшн оф Пенсильвания». Половину им выплатили наличными, а вторую половину — акциями «Галф ойл».

Лондонская компания «Индо-Першиан трейдинг корпорейшн Лтд.», в которой Нобели были совладельцами, через Индию и Персию поставляла

на европейские рынки каракуль и другие меха. По и тут кризис поставил точку в удачно начатом деле, и оно завершилось убытками.

Шведская корпорация «Нобель-Дизель» несколько лет выпускала дизельные двигатели в городе Нюнэсхамне. Заводом руководил Людвиг Нобель-младший, а финансировали его Эмануэль Нобель и «Эншильда банкен».

В промемории «Товарищества бр. Нобель» 1936 г., пусть довольно сухо, констатируется общее настроение правления: «Прежде чем закончить свой отчет об управлении компанией, мы вынуждены указать на то, что в результате мирового кризиса [имеется в виду либо экономический спад 1921—1922 гг., либо "великая депрессия" начала 30-х. — *Б. О.]* товариществом понесен значительный ущерб от некоторых сделок и капиталовложений».

Похоже, впрочем, что свалившихся на голову Нобелей революций, национализации и кризисов было мало. В 1934 г. на товарищество подали в суд несколько владельцев облигаций из Франции. Иск касался облигационного займа, взятого Эмануэлем у «Дойче банка» в 1904 г. и подлежавшего возврату в 1928-м. Правление обвинили в том, что оно «не желает предоставить отчет правообладателям, не соблюдает интересов держателей акций и кредиторов и т. п.». Истцы не требовали выплат по займу, а намерены были добиться ликвидации товарищества и продажи его активов, чтобы поделить их между акционерами и заимодавцами. Нобели отвечали, что, поскольку компания шведская, она не может быть привлечена к ответственности французским судом. Из-за потери германского рынка облигации утратили всякую ценность. Кроме того, сделка была ранее признана недействительной. 11оминальная стоимость неоплаченных облигаций составляла 25 млн. рейхсмарок.

Невзирая па это, суд поручил французскому ликвидатору заняться активами, имевшимися у sjciete de fait (то есть официально не зарегистрированного акционерного общества) под руководством Йосты Нобеля, Артура Лесснера и Вильгельма Хате. 1ина. В 1936 г. решение было обжаловано в суде высшей инстанции.

22 февраля 1938 г. состоялось общее собрание товарищества, на котором объявили о его грядущей ликвидации, рассказывает Нильс Олейников, сын Марты Нобель-Олейниковой, в комментариях к шведскому переводу книги Роберта У. Толфа «Русские Рокфеллеры». По из-за Второй мировой войны, неприятного процесса в Лондоне и того, что у товарищества больше не было правления, ликвидация затянулась. Наконец компанию похоронили по всем правилам искусства: «...через 90 лет после учреждения товарищества и через 50 после национализации с ним было кончено». Шел уже 1969 год.

Голубоглазый русский Крез покидает сцену

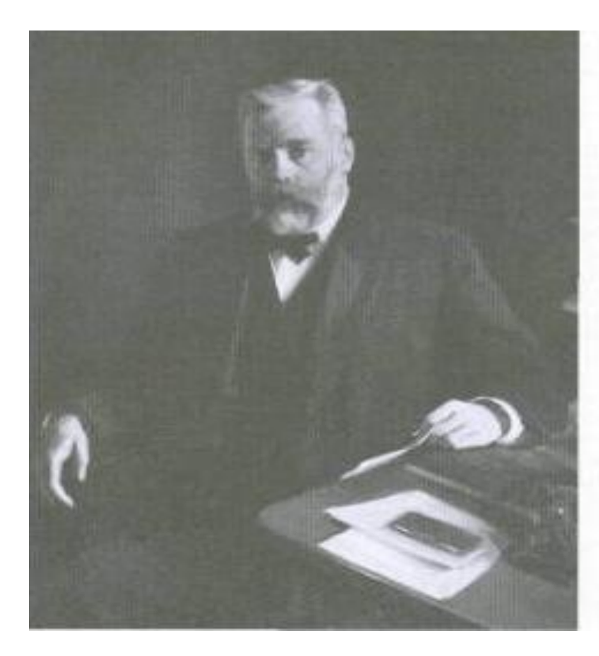
В 1919 г. Эмануэлю исполнилось 60 лет, и он встретил юбилей в добром здравии — несмотря на все перипетии и потери. Привычно повторяя, что «национализация — это красивое слово для весьма гадкой вещи», он не давал волю чувству обиды. Эмануэль сохранил юношеский задор и жажду жизни и наслаждался ею по собственному рецепту, нимало не беспокоясь, что это редко совпадало с предписаниями врачей. Он честно консультировался у них, покупал прописанные лекарства, но чаще всего выливал пузырьки в раковину: «Аптекарям тоже надо жить». Эмануэль по-прежнему ездил на воды в Германию. Жил он в Стокгольме, у своей сестры Марты и зятя Георгия, где у пего был запирающийся шкафчик, из которого можно было достать ювелирные украшения к приходу в гости очаровательных дам. Быстроходный прогулочный катер, на котором он ездил летом в Кирьолу, продали финскому контрабандисту спиртными напитками. Эмануэль радовался чужим успехам, в частности успехам Бориса (сына Вильгельма Хагелина) в «Шведской криптографической компании»: эта компания производила получившие международное признание шифровальные машины — их даже использовала американская армия во время Второй мировой войны.

Вильгельм, Хильда и Борис Хагелин

Поручив «Товарищество бр. Нобель» заботам Йосты, Эмануэль совершал ради собственного удовольствия поездки в Египет, Индию, на Цейлон. Каждый год он присутствовал при вручении Нобелевских премий. На его 70-летие Нобелевский фонд прислал Эмануэлю телеграмму следующего содержания:

«Памятуя Ваш бесценный вклад в осуществление идей Альфреда Нобеля, а также Вашу помощь в расширении деятельности Нобелевского фонда, правление фонда имеет честь принести Вам свои сердечные поздравления и пожелания счастья по случаю Вашего семидесятилетия».

Эмануэль Нобель, живописный портрет 1929 г.

Тепло поздравили Эмануэля также Шведская академия наук, Каролинский институт медицины и оставшийся от старой России парижский Торгово-промышленно-финансовый союз.

Составленное в 1928 г. завещание — это завещание отнюдь не бедного человека. Разумеется, Эмануэль потерял нефтяную промышленность и флот, много других предприятий, недвижимость в Петрограде, акции и ценные бумаги, тем не менее верной экономке Анастасии Карелиной, проживающей в Стокгольме, следует — если она переживет Эмануэля и далее выплачивать пансион в 8 тысяч крон, а также выдать единовременно сумму в 50 тысяч. Профессорской вдове Анне Шёгрен отписаны в наследство 100 тысяч крон и ежегодная рента в 15 тысяч. Упоминается в завещании и некий Юрий Ежикович, молодой человек, который учится в Политехническом институте в Цюрихе, - Эмануэль выделяет деньги на его образование. 350 тысяч крон оставлено матери Юрия, проживающей в Париже госпоже Антуанетте фон Ежикович. Несколько загадочная фраза гласит: «Вильгельму Хагелину предписывается также действовать сообразно обстоятельствам в отношении больного отца Юрия Ежиковича». Если впоследствии собственность в Петрограде будет возвращена прежним владельцам, ее надлежит поделить между ближайшими родственниками. Исполнителями завещания Эмануэль назначает Йосту Нобеля и Ханса Ольсена.

Последняя атака Советской власти на Эмануэля Нобеля была предпринята в 1930 т., когда его обвинили в печатании фальшивых денег. — так откликнулись ему Ессентуки 1918 г. и так начались сталинские чистки. Эмануэль пропустил обвинения мимо ушей. Зимой 1930 г. он навестил сестру последнего российского государя, великую княгиню Ольгу Александровну, ютившуюся с семьей в ветхом доме в Копенгагене. От прежней роскоши у нее сохранилось лишь несколько безделушек да портрет отца, Александра III.

Умер Эмануэль 31 мая 1932 г. Его прах покоится на Северном кладбище Стокгольма рядом с Альфредом и Эмилем, рядом с дедом и бабушкой — Иммануэлем и Андриеттой.

Некоторые действующие лица

Яльмар Круселль (1856—1919), незаконнорожденный сын Людвига Нобеля. Работал сначала в Санкт-Петербурге, в 1890—1892 гг. был инженером-технологом в Баку. До 1916 г. возглавлял технический отдел товарищества. Женился па Сигрид Мелльгрен, племяннице Эдлы Нобель.

Ханс Ольсен (1859—1951), род. в Норвегии. С 1894 по 1908 г. заведовал внутренней и внешней торговлей в «Товариществе бр. Нобель». С 1908 г. член городского совета Христиании, член правления компании «Норск гидро» и некоторых других. В преклонном возрасте стал антропософом. В 1930 г. принял шведское подданство. Женился на дочери Людвига Мине Нобель. У них было трое детей: Алф, Эдла и Лейф.

Яльмар Шёгрен (1856-1922), с 1888 по 1895 г. профессор геологии и минералогии Упсальского университета, в 1885—1889 гг. геолог в «Товариществе бр. Нобель». Женился на дочери Людвига Анне Нобель. Они усыновили дочь, Марту Ингеборг Элисабет.

Политики, финансисты, нефтяные магнаты, ученые, служащие «Товарищества бр. Нобель»

Свен Альмквист (1840—1932), инженер-конструктор и судостроитель. Возглавлял Мутальский завод, когда Людвиг Нобель заказал там «Зороастр». Еще долго после кончины Людвига поддерживал сотрудничество и дружбу с Эмануэлем Нобелем и Вильгельмом Хагелином. «Зороастр» № 3 был построен по заказу Йосты Нобеля на «Йотаверкен».

Михаил Яковлевич Белямин-старший (1831—1908), инженер и управляющий у Людвига Нобеля. В 1880 г. занял место Роберта Нобеля в правлении. До ухода на пенсию в 1899 г. был па важных должностях в товариществе.

Михаил Михайлович Белямин -младший, горный инженер. Приехал в Баку в 1891 г., в 1893-м послан на учебу в США, в том же году устраивал экспозицию товарищества на Всемирной выставке в Чикаго. В 1895 г. становится членом правления. Жил в Петрограде до 1919 г., когда с семьей бежал через Киев в Батум, затем в Константинополь, где пробыл некоторое время. Умер в Париже в начале 20-х гг.

Петер (Петр Александрович) Бильдерлинг (1844—1901), из финляндских дворян, получил военное образование, генерал-майор. Член дирекции товарищества с 1885 г., затем член правления до кончины.

Яльмар Брантинг (1860—1925), журналист и политик. С 1907 г. председатель шведской Социал-демократической рабочей партии. Член

правительства и министр в 1917— 1925 гг. Представитель Швеции в Лиге Наций с 1920 г. Нобелевская премия мира в 1921 г.

Кристиан Ваннебу, приступил к работе в товариществе в 1898 г. в Царицыне. В 1901 1903 гг. служил в Волжской флотилии, в следующем году возглавил ее. Затем был управляющим Биби-Эйбатского месторождения. В 1911 г. направлен на Эмбу руководить там промыслами. В 1914 г. вернулся в Баку в качестве помощника Посты Нобеля. Окончательно уехал из Баку в 1920 г.

Сергей Витте (1849—1915), род. в Тифлисе. По окончании в 1870 г. университетского курса сделал быструю карьеру в коммерческой и транспортной отраслях. Назначен Александром III управляющим департамента железнодорожных дел Министерства финансов. С 1892 по 1903 г. был сначала министром путей сообщения, затем министром финансов. Ввел золотую валюту, изменил систему налогообложения. развивал торговлю и промышленность. реформировал государственный бюджет, построил железнодорожную магистраль через Сибирь и т. д. Подал в отставку, протестуя против войны с Японией, однако в 1905 г. вместе с Рузвельтом участвовал в переговорах о мире. За свои заслуги возведен в графское достоинство. В период волнений назначен председателем Совета министров. Был инициатором манифеста 17 октября, однако встретился с серьезным противодействием и на следующий год уволен в отставку.

Гуннар Дальгрен, род. в 1857 г., умер в Хеленелунде, Карле гад, в 1947 г. Технолог, изобретатель, путешественник и заядлый фотограф (последнее увлечение разделяли и его сестры). Из знаменитого вермландского рода. Всю жизнь оставался холостяком. Служил у Нобелей в 1897-1898 и 1906 1910 гг. В Карлстаде сохранились дневники и тысячи снимков, сделанных им во время длительных поездок по США. Германии. Персии. России, Норвегии и Швеции.

Генри Детердинг (1866—1939), стал влиятельным нидерландско-британским нефтяным магнатом. С 1900 г. возглавлял «Ронял датч», а с 1907 по 1937 г. — «Ронял датч-Шелл труп».

Ивар Лагервалль, род. в 1845 г. Степень д-ра философии, руководитель финансового отдела товарищества при Людвиге Нобеле, затем при Эмануэле. Докладывал о положении дел Альфреду и часто обсуждал с ним вопросы управления компанией.

Артур Лесснер (1867—1946). С начала XX в. руководил техническим отделом товарищества в Петербурге, в 1904 г. переехал на Балаханский промысел, где с 1907 г. заведовал технологией производства. В 1914 г. назначен одним из директоров товарищества, снова в Петербурге. В 1917—1920 гг. главный управляющий в Баку.

Кнут Литторин (1861 — 1939). В юные годы приехал в Москву, проявил необыкновенные деловые способности. Когда его пригласили на работу в товарищество, перебрался в Петербург, где впоследствии был шведским консулом. После революции вернулся в Швецию и занимался только своими поместьями.

Кнут Мальм, с 1897 г. работал в Баку — в чертежном бюро и в лаборатории. В 1901 г. назначен руководить перегонным и парафиновым заводами, в 1912 г. стал техническим директором всех заводов товарищества в Черном городе. С 1909 по 1920 г. шведский консул в Баку. Умер в 1949 г. в Сальтшёбадене (под Стокгольмом).

Дмитрий Иванович Менделеев (1834-1907), ученик химика Зинина. Профессор Санкт-Петербургского университета. Завоевал известность как ученый после издания в 1861 г. книги «Органическая химия». В 1869 г. открыл (независимо от Логара Мейера) Периодический закон химических элементов. Ежегодно публиковал значительное число научных работ. После посещения в 1876 г. промышленной выставки в Филадельфии интересовался свойствами нефти и развитием нефтеперерабатывающей промышленности в Баку, а также других отраслей промышленности, сельского хозяйства и т. п.

Джон Д. Рокфеллер (1839 1937), в 1870 г. основал трест «Стандард ойл компани оф Огайо», который долго был монополистом на нефтяном рынке США. В 1881 г. создал но вый трест, «Стандард ойл траст». Принятый американским Конгрессом антитрестовский закон 1890 г. вынуждает Р. учредить компанию «Стандард ойл оф Нью-Джерси», в свою очередь распущенную в 1911 г.. когда концерн был поделен на 33 фирмы. С 1897 г. Р. отходит от нефтяного бизнеса и посвящает себя благотворительной деятельности через рокфеллеровский Институт медицинских исследований, Совет по всеобщему образованию и Фонд Рокфеллера.

Майер Амшел Ротшильд (1743 1812), основатель банкирское! компании во Франк-фурте-на-Майне. Его сын Якоб де Ротшильд в 1817 г. поселился в Париже. Их потомки участвовали в экспансии и индустриализации Франции. Вкладывали средства в горнодобывающую промышленность, в развитие электрификации и транпорта, сотрудничали с Нобелями. В 1982 г. французское государство по политическим мотивам национализировало семейный банковский бизнес. Спустя два года Ротшильды учредили новый банк.

К. А. Стандертшёльд (1814 1885), род. в Финляндии. Сотрудничал с Людвигом и Бильдерлингом в Ижевске, затем стал одним из акционеров товарищества.

Альфред Тёрнквист, род. в 1854 г. В 1874 г. получил диплом инженера, спустя дна года поехал в Филадельфию. В 1878 г. на Всемирной выставке в Париже познакомился с Робертом Нобелем, в том же году

возвращается в США по поручению Нобелей. В 1879— 1881 гг. закладывал основы нобелевских предприятий в Баку. Из-за болезни вынужден оставить работу в товариществе. В 1886 г. погиб в США, сломав себе шею во время прыжка в воду.

Турберн Фегреус (1853—1923), вырос в усадьбе Кусе-горд на острове Готланд. Получил диплом геолога в Упсальском университете, где преподавал Яльмар Шёгрен. В 1891 1917 гг. один из геологов товарищества. В поисках новых месторождений путешествовал по Кавказу, Средней Азии и Южной России.

Карл Вильгельм Хагелин, род. в 1860 г. в России у шведских родителей. Отец служил у Иммануэля Нобеля, затем водил суда но Волге. Вильгельм приехал в Баку в 1878 г.. трудился там под началом Роберта Нобеля до 1883 г.. когда поступил в стокгольмское Высшее техническое училище. Спустя два года его друг Яльмар Круселль уговорил Вильгельма поработать в лаборатории в Петербурге. С 1890 г. оседает в Баку, где быстро поднимается по служебной лестнице. В 1899 г. его избирают в дирекцию и поручают руководить всеми предприятиями Баку и флотом. В 1906 г. назначен шведским генеральным консулом в России. Почетный член Шведской академии инженерных наук (1923). Дожил до 94 лет. Женился на Хильде и имел троих детей: Бориса, Анну и Володю.

Густав Эклунд, род в Финляндии. Работал на механическом заводе в Петербурге, в 1893 г. приехал в Баку. Внедрил на промыслах электрическую тягу. В 1905 г. вынужден бежать в Петербург, где прослужил еще четыре года, прежде чем компания «Шелл» переманила его на Эмбенское месторождение. Умер в начале 40-х в городе Эспо (Финляндия).

Именной указатель
(цифра курсивом означает страницу с иллюстрацией)

А

Авелин, Август 30
Адлерспарре, Рольф *132*
Айвазов, бельгийский консул 260
Аксельссон, Франс *57*
Аландер, инженер 216; *87*
Аландер, Августа 220
Александр II 15.58.61,64
Александр III 134 135, 142,
150.277,279
Альмквист, Свей 48, 279; *44*
Альселль, Андреас 16
Альселль, Андриетта *см.*
Нобель, Андриетта Альселль, Вильгельмина
(Мина) — *см.* Нобель,
Вильгельмина Альселль, Людвиг 17, 23
Альсениус, Мод 80
Альфтан, инженер 39
Андерсон, геолог 211
Андерсон, инженер 222
Андре, Александр 154, 189
Андре, Саломон Август 154
Арафелян (Арафелов), нефтяной магнат 248
Арнольд, Артур 50
Арон, Жюль 110, 184
Арчболд, Джон Д. 200

Б

Бари, Александр 43
Белямин, Михаил Яковлевич
63,77, 148, 150, 151. 154, 177,
184, 202, 279; *63*
Белямин-младший, Михаил Михайлович 192, 203, 253,
270, 279; *192*
Бенгтсон, Улоф *44*
Берг, Харальд 79
Бергрот, Эдвин 91, 107, 128,134; *136*

Бердан, Хирам С. 26
Берия, Лаврентий Павлович 206
Берне, капитан *41*
Биеринг, датский консул 260
Бильдерлинг, Петр Александрович 26-27, 46, 49, 57, 59, 66, 115, 134, 279, 281; *27*
Бисмарк, Отто фон 142
Бисселл, Джордж 25
Блахштейн
см. Блэкстайн
Бликст, инженер 218
Блумгрен, Аксель 232—234, 238, 244, 245, 266 268; *233, 235*
Блумгрен, Александра Алексеевна (урожд. Лазаревич) 239, 240, 268, 269; *239*
Блумгрен, Рут *233*
Блумгрен, Саша 269
Блументаль, инженер 238
Блэкстайн (Блахштейн), врач 145; *145*
Борггрен, инженер 180
Брандт, врач 193
Брантинг, Яльмар 157, 242, 279
Брэндстрём. Эдвард 242
Бьёркегрен, инженер 39
Бэрнъельм, Хеннинг 167, 174, 177,219.221,254,257,259; *101, 255*

В

Валленберг, Густав 254
Валленберг, Маркус 196
Ваннебу, Кристиан 221, 263, 279
Вернер, Рагнар 264, 266, 270
Весненко, инструментальщик *35*
Весвалль, Мартин 30, 35; *35*
Вигардт 152
Видлупд, торговец 268-269
Вильгельм, принц 211
Вильсон, служащий т-ва 221
Виссинг, инженер 216
Витте, Сергей Юльевич 150, 182, 190, 192, 198, 200, 207, 279; *150*
Боровский, Вацлав Вацлавович 246, 251 Вундерлих, Бруно 184, 185

Г

Гапон, Георгий 193
Гвиннер, фон, директор банка 197
Гедин, Свен *см.* Хедин, Свен
Георгий, сын Александра III 135
Гернер, Кристиан 61
Гинцбург, банкир 67, 68
Гиссер, зав. отделом сбыта 77, 78
Голицын, Григорий Сергеевич, князь 208
Грапенгиссер, Ава 164, 177; *165*
Грапенгиссер, Лиза 220 Грапенгиссер, Мария
164. 212, 217; *165*
Грапенгиссер, Рут — *см.* Стигселиус, Рут Грубе, банкир 67
Грубе, Эрнст 198,243,251
Гукасов, Нефтепромышленник 143, 146
Гулишамбаров, Степан Иосифович 203
Густав, кронпринц 163; *162*
Густав V 211

Д

Дальгрен, Гуннар 96-97, 212-220,
280; *7,175,212,216,222,225*
Дебур, капитан, нефтепромышленник 29
Делин, Эрик 258. 266
Детердинг, Генри 183, 198, 230,
243, 264, 272. 280
Дизель, Рудольф 190; *190*
Дондуков- Корсаков, Александр Михайлович, князь 83—84
Дрейк, Эдвин 25; *25*

Е

Ежикович, Антуанетта фон 276
Ежикович, Юрий 276

З

Зак, банкир 120
Заратустра 48—51

К

Калинин, Михаил Иванович 205
Карасев, землемер, земельный
агент 65, 71. 94
Карелина, Анастасия 276
Карл XIV Юхан 16
Карлин, фрекен *153*
Карлссон, Свен 134
Карлсунд, Антон 191
Кауфманы 177
Кварнстрём, Калле 35, 219; *35, 41*
Керенский. Александр Федорович 246
Киреев, комиссар 256
Киров, Сергей Миронович 266
Ковалевский, Максим Максимович 182
Кокорев, нефтепромышленник 15,20
Колин, Эдла — сн. Нобель, Элла Коскулль, барон 251
Красин. Леонид Борисович 206, 272
Круселль, Густав 23
Круселль, Сигрид 107, 179, 193
Круселль, Яльмар (сын Людвига) 23, 39, 49, 65, 72,
107, 132, 133, 144. 170, 172.
179. 191, 196,203,233,279,
281; *65*
Кулльберг, .Лейла 219
Кунц, инженер 239
Кучек-хан, Мирза 256
Кьяндеры 177

Л

Лагервалль, Ивар 77, 111. 133,
148, 151,280
Лагерлёф, Сельма *178*
Лагу с, редактор 91
Лайхиа, мастер *57*
Лаквист, инженер 177
Ламберт, инженер 39, 214, 219
Лампе, фру 172
Ланге, Кристиан 157
Ландберг, Писсе 7
Лейн, Фред 187-188

Ленин, Владимир Ильич 245.
246, 249, 254. 258, 271
Леннгрен, Паулина *см.*
Нобель. Паулина Лесснер, Артур 219, 243, 259-
260. 270, 275, 280; *259*
Лётберг, инженер 212—213
Либби, Уильям Герберт 110,
126, 149, 184, 191
Лидбек, Аларик 34
Лилльеквист, Рудольф 156 157
Линдаль, Анна 23
Линдхольм, врач 268
Линдквист 221
Литторин, Кнут 154, 185, 203,
228, 243, 280; *203*
Лундберг, секретарь 250
Людовик XIII 149

М

Макдональд. Джеймс 184. 191
Максимов, управляющий 238
Мальм, Кнут 257. 261, 263, 267,
280; *153*
Мандельштам, служащий т-ва 250
Манташев, нефтепромышленник 146, 147, 149,201,205, 208
Марвин, Чарльз 93, 201, 248; *108*
Мария Павловна, великая княжна 211
Мария Федоровна, императрица 134
Мейер, Лотар 280
Мелик-Нубаров 260
Мелины 216-217
Меллъгрен, Сигрид 279
Менделеев. Дмитрий Иванович 20, 42. 74. 132, 280
Микоян, Анастас Иванович 258, 266
Мирзоев, нефтепромышленник 20, 28, 64, 248
Михаил Николаевич, великий князь 42

Н

Неллис, Карл 134
Николай 117
Николай II 150, 154, 168, 182, 223

Нильсон, Антон 268
Нобелиус (Нобель). Иммануэль 19
Нобелиус. Вендела (урожд. Рудбек) 16, 19
Нобелиус, Петер 19
Нобелиус, Петрус Олан 16, 19
Нобелиус, Улоф 19
Нобель, Алиса (дочь Карла) *153*
Нобель, Альфред 10—16, 17 18,
19,28,30-32,34,43,46,53,
58-59, 61-62, 65, 66-71, 76.
77,93, 100, 109, 110-128, 131.
132, 133-134, 138. 139-141.
143, 146-151, 154, 155, 156-163,
191,202,242,243,276, 277, 280; *15, 135*
Нобель, Андри (дочь Карла) *153*
Нобель, Андриетта, урожд. Альселль (жена Иммауэля)
11, 14, 16, 17, 18, 19,23,75-76,
124, 130, 135. 137-138, 277; *11, 17*
Нобель, Анна (дочь Людвига) — *см.* Шёгрен, Анна
Нобель, Анна С, урожд. Поссе (жена Яльмара)18
Нобель, Вильгельмина, «Мина», урожд. Альселль
(первая жена Людвига) 18, 19, 23: *23*
Нобель, Гения (жена Йосты) 247
Нобель, Иммануэль 10, 14—15, 16 -18, 19,22
23, 134, 147, 277, 280; *10, 16*
Нобель. Ингеборг (дочь Роберта) —
см. Фришен Риддерстольпе, Ингеборг фон
Нобель, Ингрид (дочь Людвига) 18, 19, 130; *153*
Нобель, Поста (сын Людвига) 18, 19. 129. 130.
197.228,243, 247, 250 251, 253, 264,
266, 270,271,275,276,281: *153, 169, 265*
Нобель, Карл (сын Людвига) 18, 19, 23, 61-62, 88.
103— 109, 112, 128, 130, 131, 133-134,
138, 147. 151-152, 158, 160; *88, ЮЗ, 134*
Нобель. Луиз (жена Людвига А.) 271"
Нобель. Людвиг 7, 8, 10 15, 16, 17, 18,
19,20,22-33,39,41-49, 53, 56-59, 61-62,
63-65, 66 71,72,76,77-79,87-88, 91,
93,94,95,98, 100 103, 108, 110-123,
124-132, 133, 134. 137, 148, 152. 196.201,
203,243,248,279,280,281; *23,47, 100, 119*

Нобель, Людвиг А.. «Луллу» (сын Людвига)
18, 19. 130. 137,271,274; *153,265*
Нобель, Людвиг К. (сын Роберта)
18, 19, 138, 156, 158, 160, 163
Нобель, Мэри, урожд. Ландцерт (жена Карла) 147. 271: *153*
Нобель, Марта (дочь Людвига) *см.* Нобель-Олейникова, Марта
Нобель, Мимми (дочь Карла) *153*
Нобель, Мима (дочь Людвига) — *см.* Ольсен, Мина
Нобель, Нина (дочь Посты) *169*
Нобель, Паулина, рожд.
Леннрен (жена Роберта) 13, 18. 19.26.60. 131
Нобель. Роберт 10 12, 13 1,1 16, 17. 18. 19.
20. 22. 27 34. 38, 42. 11, 46-48, 53. 58-60.
65 66, 67, 70. 79. 100-102, 109. 113 114.
115. 117-118. 124, 131, 137, 138 140.
141, 148, 150-151, 1.5.5. 1.56, 158 159. 1
60. 232. 248, 279. 280. 281; *14,235*
Нобель, Рольф (сын Людвига) 18, 19. 130.271: *153,265*
Нобель, Тюра (дочь Роберта) 18, 19. 138, 156
Нобель, Элла, урожд. Коллин (вторая жена Людвига) 18, 19.26.
102. 128 129. 132. 133, 135, 137, 138. 145,
147, 155. 167. 193, 199,251.271. 279; *129. 151 251*
Нобель, Эмануэль (сын Людвига) 12. 18. 19.23.30. 46, 53,
74, 88 90, 93. 102. 103. 111-112. 117. 123
121 127. 128-130. 132. 133 137. 138-140,
141, 143, 145, 146, 147 -149, 150-152. 154 156,
157. 159 163, 165-168, 185, 190 191,
193 -196, 198, 199, 202.203.
211.222.224.212 243,247-250.253,
251 263, 264 265. 270. 274. 27.5
277. 279, 280; *33,91, 133, 199,224.265, 277*
Нобель. Эмиль (сын Иммануэля) 10. 11 16. 17, 18, 19
Нобель. Эмиль (сын Людвига) 18. 19.
130.243.250-251, 264,271.277; *153,265*
Нобель. Яльмар (сын Роберта) 13. 18. 19, 103.
112, 138 140, 156 157, 158-159. 160. 163
Нобель-Олейникова, Марта (урожд. Нобель) 7 8. 18. 19.
130, 160. 192-193,275; *153*
Норденшёльд, Адольф Эрик 93
Нюберг. Хельдегард 26
Нюберги 130

Нюман, инженер 246

О

Олейников, Георгий 192, 195
Олейников, Нильс 275
Ольга Александровна, великая княгиня 277
Ольсен. Алф 198.279
Ольсен, Лейф 279
Ольсен, Мина (урожд. Нобель)
18. 19. 128. 129. 115. 153. 155.
177, 181 195, 198, 199,279;
23. 153
Ольсен, Хане 151-154. 155,
184-185, 187-199,202,242,
263.266. 274. 277. 279: /1'
153, 274
Ольсен, Эдла 279
Оман, фру *87*
Оскар 1М42, 161, 163.211

П

Паккендорф. Густав Адольф 220 221
Паландер, А. А. Луи 93
Пальмрос, капитан 171. 177
Пауэс, супруги *87*
Петерсон, инженер 177
Петкевич, врач 145
Петр Великий 21
Плеве, Вячеслав Константинович 143, 192,
207. 208
Поляк, братья Михаил и Савелий 185
Пою, Марко 24
Поссе, Анна С. *см.*
Нобель Анна С.

Р

Райт, братья Уильбер и Орвилл 200
Распутин, Григорий Ефимович 244
Рентген, Вильгельм Конрад *162*
Рихтер, Леонид 144
Ришелье. Армап Жан дю Плесси 149

Рокфеллер, Джон Д. 21-22,25,
42.(11.65. 78. 110. 112 143.
200, 230, 280; *22*
Рокфеллер-младший, Джон Д. 272
Ротшильд. Майер Амшел 280
Ротшильд, Эдмом 191
Ротшильд, Якоб де 280
Рошильд Аллой, Жозеф де ла 25
Рудбек, Вендела — *см.*
Нобелиус, Вендела
Рудбек-. Улоф 16
Рузвельт, Теодор 25. 207. 230.280
Рюдён, инженер 39

С

Сандгрен, Туре 34
Сандгрен, Эрхард 93
Сандгрены 173
Сёдерблум, Наган 156, 163
Сергей Александрович, великийкия.и, 191
Серебровский, Александр Павлович 266,268
Стрехе, врач 165
Симпсон, Уильям *\07:50, 108*
София, королева 214
Спонгберг, Карин 247
Сталин (Джугашвили), Иосиф 206. 254; *205*
Стандергшельд. Карл Август 27, 30.31.281 Стары 173
Сипли, сэр Генри Мортон 95. 98
Стигселиус, Карин 220: *181*
Стигселиус, Ларе («Лассе «Стиккан») 167. 168. 170.
173, 174. 175. 177, 180-181,
214, 217. 220; *49, 189*
Стигселиус, Лиз *181*
Стигселиус, Рут (урожд. Грапенгиссер) 164 181,212.
214, 217.219 221; *164 166,*
170, 171, 181, 222
Стигселиус. Эстер *181, 222*
СТОЛЫПИН, Петр .Аркадьевич 209-210
Сульман, Рагнар 155- 162
Сундквист, служащий т-ва 221
Сурандер, инженер 39

Сэмюэл, Маркус 143. 150
Сэмюэл, Сэмюэл 146 С
эмюэл-младший, Маркус 143,
146, 149, 183, 198

Т

Тавастшерна, инженер 219
Тагианосов, служащий т-ва 260
Тагиев, Гаджи Зейнелабдин 61,
146, 174,248 249, 256; *248,249*
Талльгрен 65
Таусон, Андерс 177, 214, 216,
218 *219:213,214,215*
Таусон, Берта 177. 217. 219, 220,221; *215*
Таусон, Брита 219
Таусон, Маша 219; *215*
Таусон. Ханс 221
Теель, Эрланд 30
Тейлор, Чарльз Джей *22*
Телландер. ювелир 196
Тёрнквист, Альфред 32-34, 39,
41 42.65.79.281
Тёрнудл, Густав 39, 41—42, 63,
71,79,80,85,91,94,99, 100,
104. 107. 128: *79*
Тингберг, Майя *153*
Толстой. Алексей Николаевич 10
Толф, Роберт У. 275
Тролле, Эрик 223
Троцкий, Лев Давидович 267
Туган-Бараповскнй, Михаил Иванович 183
Тулин, Отто 221, 256, 257, 266;
7, 215
Турнельл. Нон 269
Тухачевский, Михаил Николаевич 266

У

Улльнер. Карл 41.60.79

Ф

Фальк, служащий т-ва 218
Фегреус, Турберн («Фигге») 167 169. 172. 173. 174. 177, 187,220,232,281; *171*
Фегреус, Хельга 220
Фил. геолог 30
Флэглер, Генри 22, 25
Фогель, моек, агент т-ва 185
Форсман, инженер 212
Форстен. Алина 196
Фришей Риддерстольпе,Ингеборг фон (урожд.Нобель) 18. 19. 138, 140-141, 151, 158. 159, 160
Фришеи Риддерстольпе, Карл фон 18. 140 111. 158. 160

Х

Хагелин, Анна 164. 178.211, 281; *166*
Хагелин, Борис 12, 144, 164. 177, 178,276,281276
Хагелин. Володя 164. 178.281;*166*
Хагелин, Карл Вильгельм 12. 34 40. 60. 132, 143. 144 115. 164-177, 187. 201, 202.205.210-211.221.232. 211.242.243,250 251 253-254, 259, 262, 264, 270, 275. 276. 279. 281 *15,55, 145, 262, 276*
Хагелин. Хильда 144, 164. 167, 170. 172. 177-180.281; *166. 170, 171, 276*
Хагер, нобелевский управляющий в Батуме 208
Хаглунд, токарь 38; *35*
Хаммарстрём 34
Хаммаршёльд, Яльмар 242
Ханыков, Николай Владимирович 24
Хедин (Гедин), Свен 93,241
Хейкель, Тюра 167 168. 171-171 176-177

Хеллерстрём, инженер 39, 219
Хесс, Софи 161-163
Хультгорд. Андерс 51
Хусейн, имам 96
Хэнуэй,. Джонас 24

Ц

Циммерман, пастор *169*

Ш

Шамиль, имам 98
Шаумян. Степан Георгиевич 205. 256
Шёгрен, Анна (урожд. Нобель
18, 19.23. 103. 104. 107, 129
131 132. 134, 135-136. 137,
111, 116, 158, 160, 167, 193,
271.276.279; *107*
Шёгрен, Марта ИнгеборгЭлисабет 279
Шёгрен, Оке 158. 160
Шёгрен, Яльмар 74, 75, 137,
141 117. 158, 160, 163, 193.
279. 281
Шубенко, врач 145; *145*
Шутценхейм, фрекен 174

Э

Эдисон, Томас А. 200
Эдуард VII 223
Эклунд, Виви 219; *219*
Эклунд, Густав 220,232, 281;
220
Экман, Франс *57*

Ю

Юлии, инженер 177

Я

Яковлева-Штернберг, Варвара
Николаевна 250
Янг (Юнг), Джеймс 25

Библиография

Опубликованные источники

Harald Almqvist: *UNDA Maris. 1967—1968. 1973—1974. 1975—1982.* Sjofartsmuseet i G6teborg.

Ida Backman: *Fran [Hare till storindustriell. Albert Bonniers fdrlag, 1935* (Воспоминания Карла

Вильгельма Хагелина иол редакцией Иды Бэкман). Goran Biiarnhielm: Henning Baarnhielms dagbok om revolutionen 1918—1920 i Baku. *Folkets historia nr 2/91*

(Дневник Хеннинга Бэрньельма о Революции и Баку 1918—1920 гг., иол ред. Йорана Бэрньельма). Kennc Fant:

Alfred Bernhard Nobel Norstedts. 1991. Nils-Olof Franzen: *Hjalmar Branling och harts till.* Bonniers, 1985.

Burkhard Fuhs: *Mondcine One einer vornehmen Gesellschaft.* Historische Texte und Studien, Hildesheim, 1992.

Paul H. Giddens: *'Ike early petroleum industry.* Philadelphia, 1974. Torsion Gihl: *Den svettska utrikespolitikens historia 1414 191').* Norstedts, 1951.

Sven Hedin: *Genom Persien, Mesopotamien och Kaukasien.* Stockholm, 1887.

Sven Hedin: *Storman och kungar.* Stockholm. 1950.

Bengt Jangfeldt: *Svenska vugar till S:t Petersburg.* Wahlstrom & Widstrand, 1998.

Folkc Lindberg: *Den svenska utrikespolitikens historia 1872—1914.* Norstedts. 1958.

John P. McKay: *Entrepreneurship and the emergence of the Russian petroleum industry, 1813 -IS83* (Научный труд по истории экономики).

Marta Nobel-Oleinikoff: *Ludvig Nobel och hans verk.* Stockholm. 1952.

Daniel Q. Posin: *Mendeleyev: The story of a great scientist.* McGraw-Hill Book Co. Inc.. New York. 1948.

Anthony Sampson: *De sju systrarna.* Wahlstrom & Widstrand, 1975. Wolfgang Sartor: *"Die Europciische Petroleum-Union G.m.b.H. 1906—1914".* Berliner Jahrbuch fur ostcuropaischc Geschichte, 1998. RagnarSohlman:*Ett testamente.* Norstedts. 19501

Р Сульман. Завещание Альфреда Нобеля. М.: Ми)), 1993]. Sig\ aid Strandh: *Alfred Nobel.* Natur och Kultur. 1983.

Ronald Grigor Suny: *The Baku commune 1917—1918.* Studies of the Russian Institute. Columbia University, 1972. Robert W. Toll": *The Russian Rockefellers. The saga of the Nohel family and the Russian oil industry.* Stanford

University Press, 1976. (Перевод на шведский с дополнениями Нильса Олейникова: Tre generationer Nohel i Ryssland. Askild & Kamckull. 1977). Gustaf Tornudd: *loljan.s och vindarnas land.* Soderstrom & Co.. Tammerfors, 1956.

Dimitri Volkogonov. *Autopsy of the empire. The seven leaders who built the Soviet regime.* The Free Press. N.Y.. 1498

[Дмитрий Волкогонов. Семь вождей. М.: ACT, 1999]. Daniel Yergin: *The Prize. The epic quest for oil. money and power.* Simon & Schuster, NY. 1991.

Неопубликованные источники

Мемуары Акселя Блумгрена. Частное собрание (Мария Барре).

Машиностроительный завод «Людвиг Нобель». Перевод с русского на шведский Марии Барре.

Архив Ассоциации семейства Нобель: письма.

Ханс Ольсен. Воспоминания о жизни, 1937. Собрание Нобелевского фопла.

Переписка Руг Стигселиус. Частное собрание (Ярл Стигселиус с семьей).

Официальные архивы

Вермландский архив народного движения: дневник Гуннара Дальгрена в шести тетрадях.

Королевская академия наук-: архив Яльмара Шёгрена.

Лундский архив: архив Нобелей.

Нобелевский фонд и Нобелевская библиотека Шведской академии.

Государственный архив в Стокгольме: архив Альфреда Нобеля.

Стокгольмский технический музей: материалы по Нобелям и воспоминания Вильгельма Хагелина (Wilhelm Hagelin: *37&rs arbetslyckd).*

Источники иллюстраций

Folkrorelsemas arkiv lor Varmland/Gunnar Dahlgren 90. 104,212
Kungliga Biblioteket 36—37. 50. 51. 108
Kungl. Vetenskapsakademien, Hjalmar Sjogrcns arkiv 33. 74
Nobelstiftelsen 162
Riksarkivet52,57,69,225
Sjohistoria mused 44
Slaklloreningen Nobels arkiv 10,11, 15. 16. 17.23.26.65.91.
100. 103. 107. 119. 129. 132. 133. 134. 135. 153.
224.225.251.265.274.277

Svenska Akadcmiens Nobclbibliotck
3. 9. 14. 21. 25. 27. 34. 38.43.45.48. 49.
54. 58. 59. 63. 73. 83. 86, 105,
106. 1.36. 150. 152. 178.
179. 186, 188. 192. 197,204,
213,219,220.221,228,231.236—237
Tekniska Museel 35. 44. 55. 87. 170. 190. 230. 259. 263
Varmlands muscum/Gunnar Dahlgren 6.41. 53. 81. 82. 85.
88. 89. 169. 175. 193. 202. 206.
208. 209. 215.216. 217,225,226.227

Azerbaijan International Magazine (Summer 1998) 249
Maria Barre (Blomgren) 233. 235. 239. 267
Slakten Baiirnhielm 80. 101. 102. 210. 255
Ingrid Hagelin 75, 144. 145. 203. 214
FamiIjen.larlStig7.elius92, 109. 164. 165.
166. 171. 181. 189.221.222.276
Tauno Tornudd 79
Ann-Margret Wiman 99. 176
Brita Asbrink 47. X4. 205. 229.248

Использованные в книге фотографии отреставрированы Хоканом Пьенёвски (Накан Pieniowski) и входят и обширное собрание снимков из дореволюционной России. Все они имеются у Хокана в цифровом формате.

Брита Осбринк
ИМПЕРИЯ НОБЕЛЕЙ

Редактор Ю.И.Зварич
Художник А.П.Иващенко

Осбринк Б.
О 72 Империя Нобелей: история о знаменитых шведах, бакинской нефти и революции в России / Брита Осбринк; Пер. с швед. Т.Доброницкой. — М.: Текст, 2003. — 287 с.
ISBN 5-7516-0365-6

Десять процентов капитала, из которого ежегодно выплачиваются Нобелевские премии, были внесены «Товариществом нефтяного производства братьев Нобель» — промышленной империей, созданной в России талантливыми шведскими предпринимателями. Империя эта была огромна— нефтяные промыслы, заводы, дома, верфи, суда, хранилища не только в Петербурге и Баку, но и по всей стране. Неустанная работа Нобелей принесла России XIX века славу одной из сильнейших нефтяных держав. Известная шведская журналистка Брита Осбринк написала увлекательную историю зтого замечательного семейства, используя письма, воспоминания, дневниковые записи и фотографии.

УДК 821.113
ББК 84(4Швс)

Лицензия ИД № 03308 от 20.11.2000

Подписано в печать 26.02.03. Формат 70 х 100/16.
Усл. печ. л. 23,4. Тираж 3500 экз. Изд. .№ 462. Заказ № 9288.

Издательство «Текст»
127299 Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7/1
Тел./факс: (095) 150-04-82
E-mail: textpubl@mtu-net.ru
http://wwvv.mtu-net.ru/textpubl
Представитель в Санкт-Петербурге: (812) 311-96-31

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200 г. Можайск, ул. Мира, 93